ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

10(1) 2024

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 10. № 1. 2024

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 10. № 1. 2024

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный редактор: **Новак М.В.**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Ответственный секретарь: Масалов А.Г., кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н.Н. Страхова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

***

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – ***председатель редакционной коллегии***

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянцев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований,

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Managing Editor: Margarita V. Novak, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Executive secretary: Alexei G. Masalov, PhD in Philosophy, Head of the Department of Rare Books of Strakhov Scientific Library, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

***

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – ***Chairman***

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Belgorod National Research University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Belgorod National Research University, Russia

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024
© Belgorod National Research University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ

Колесников С. А.
Начала гуманитарной математики: пренатология числа **5**

Гилязова О. С.
Осмысление категории болезни в контексте биомедицинской и гуманистической моделей медицины: философские аспекты **17**

Штец А. А.
Развивающее обучение в отечественной букваристике XIX века **29**

Коваленко Н. Г., Алябьева С. В.
Новое религиозное сознание в поэтическом творчестве З. Н. Гиппиус **40**

Спичева Д. И., Полянская Е. В., Винокурова Е. Н.
Обобщённые представления о Сибири в электронных научных коммуникациях **53**

Соколова И. А.
Номинация эргонимов г. Набережные Челны (лексико-грамматический аспект) **75**

Тюков Н. А., Шаповалов В. Л., Никулин Е. Р.
Концептуальное восприятие ценностей российской молодежью: возрастная, половая и территориальная дифференциация **82**

RESEARCHES

Kolesnikov S. A.
The Beginnings of Humanitarian Mathematics: Number Prenatology **5**

Gilyazova O. S.
Understanding the Category of Disease/Illness in the Context of Biomedical and Humanistic Models of Medicine: Philosophical Aspects **17**

Shtets A. A.
Developmental education in Russian alphabet literature of the 19th century **29**

Kovalenko N. G., Alyabyeva S. V.
New religious consciousness in the poetic work of Z. N. Gippius **40**

Spicheva D. I., Polyanskaya E. V., Vinokurova E. N.
Generalized Representations of Siberia in Electronic Scientific Communications **53**

Sokolova I. A.
Ergonyms nomination of the city of Naberezhnye Chelny (the lexical and grammatical aspect) **75**

Tyukov N. A., Shapovalov V. L., Nikulin E. R.
Conceptual perception of values by Russian youth: age, gender and territorial differentiation **82**

АРХИВ

Дикарева О. В.
Эпистолярный разговор Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока (К архиву 1890-х годов) **96**

Агафонов И. С., Нагибина Н. П.
История Чердыни и Чердынского уезда Пермской губернии по материалам этнографических очерков и рассказов XIX-XX веков **105**

ARCHIVE

Dikareva O. V.
The epistolary conversation of Nikolai N. Strakhov and Yury N. Govorukha-Otrok (to the archive of the 1890s) **96**

Agafonov I. S., Nagibina N. P.
History of Cherdyn and Cherdyn uyezd of the Perm province according to ethnographic sketches and stories of 19-20th centuries **105**

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Зюганова С. К. «Сказка о царе Салтане» у А.С. Пушкина и Н.А. Римского-Корсакова (опыт сравнения)	**120**	**Zyuganova S. K.** “The Tale of Tsar Saltan” by A. S. Pushkin and N. A. Rimsky-Korsakov (some comparisons)	**120**
Фэн Инхун и Нифонтова О. И. Трансформация традиционной Китайской музыки под влиянием западной в эпоху династии Цин	**131**	**Feng Yinghong, Nifontova O. I.** Transformation of traditional Chinese music under the influence of Western music in the Qing Dynasty	**131**
Осипова Е. А. Отражение творческой личности автора в структуре сборника (на примере сборника «Сумерки просвещения» В.В. Розанова)	**139**	**Osipova E. A.** Reflection of the author’s creative personality in the structure of the collection of articles (using the example of “Twilight of Enlightenment” by V. V. Rozanov)	**139**
Рашина Т. О. Любительский театр в социокультурном контексте: система связей функционирования любительского театра и общества	**147**	**Rashina T. O.** Amateur theater in a socio-cultural context: the system of relations between the functions of the amateur theater and society	**147**

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 1:001 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-1**

Колесников С. А. **Начала гуманитарной математики: пренатология числа**

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; *Skolesnikov2015@yandex.ru*

Аннотация. Основная проблема статьи заключается в рассмотрении гуманитарных оснований математики, позволяющих выработать новые подходы к познанию мира. Актуальность данного исследования состоит в формировании современных гносеологических моделей, отвечающих новейшим взглядам на соотношение гуманитарного и математического знания. Новизна представленного подхода определяется обращением к концепту «рождения» числа, предлагающему увидеть в числе аналогии рождения, стадиальности роста. Число рассматривается как элемент экзистенциальной парадигмы познания бытия, установка на принятие рождения числа открывает новые грани согласованности между гуманитарным и исчисленным, формирует особый инструментарий рассмотрения подобного союза. Результатом исследования становится разработка философско-культурологического категориального аппарата, позволяющего описывать «рождение» числа. Выводами исследования выступают: раскрытие сложного генезиса числа, состоящего из аксиоматики, предшествующей опыту, и из «циркулярно-линейного» опытного знания; описание условий появления числа в мире, его «родительной карты», истории формирования числа; осмысление ментальности числа, включающей моторику и способы взаимодействия числа с окружающей реальностью; формулирование «педологического» способа постижения числа в его динамичности, в его переходе к органическому слиянию делимости-единства, абстрактности-конкретности, реальности-номинальности, ординальности-кардинальности; демонстрация этапов вхождения числа в мир, ведущих к обретению состояния гносеологического равновесия между гуманитарным и математическим.

Ключевые слова: философия математики; гуманитарная математика; генезис числа; гуманитарное и математическое знание; гносеология; эпистемология; число и цифра

Для цитирования: Колесников С.А. Начала гуманитарной математики: пренатология числа // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 5-16. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-1

S. A. Kolesnikov | **The Beginnings of Humanitarian Mathematics: Number Prenatology**

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; *skolesnikov2015@yandex.ru*

Abstract. The main problem of the article is to consider the humanitarian foundations of mathematics, which make it possible to develop new approaches to the knowledge of the world. The relevance of this research consists in the formation of modern epistemological models that meet the latest views on the correlation of humanitarian and mathematical knowledge. The novelty of the presented approach in the article is determined by the description and study of the concept of "birth" of a number, suggesting to see in the number the analogy of birth, the stadiality of growth. The number is considered as an element of the existential paradigm of cognition of being, the attitude to accepting the birth of a number opens up new facets of consistency between the humanities and the calculus, forms a special toolkit for considering the possibilities of the union of humanities and mathematics. The result of the research is the development of a philosophical and cultural categorical apparatus that allows describing the "birth" of a number. The conclusions of the study are the disclosure of the complex genesis of the number, consisting of the dual origin of the number: from the axiomatics preceding the experience and from the "circular-linear" experimental knowledge; description of the conditions for the appearance of the number in the world, its "genitive map", the history of the formation of the number; comprehension of the mentality of the number, including motor skills and ways of interaction of the number with the surrounding reality; formulation of a "pedological" way of comprehending a number in its dynamic quantity, in its vital transition to an organic fusion of divisibility-unity, abstractness-concreteness, reality-nominality, ordinality-cardinality; demonstration of the stages of the number's entry into the world leading to the acquisition of a state of epistemological balance between the humanities and mathematics.

Keywords: philosophy of mathematics; humanitarian mathematics; genesis of number; humanitarian and mathematical knowledge; epistemology; number and figure

For citation: Kolesnikov S. A. (2024) "The Beginnings of Humanitarian Mathematics: Number Prenatology", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 5-16, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-1

Мелодика вхождения в гуманитаристику числа есть та интеллектуальная модель, которая определяет тему гуманитаризации числа; сама парадоксальность преображения науки о числе в гуманитарную дисциплину предстает в своей полноте именно в гармоничном принятии столь разноисчисленных и разновесных понятийных блоков, как математика и гуманитаристика.

Композиционная интродукция, приглашающая к вступлению на порог, за которым встречаются исчисленность и гуманитарность, обретает характеристику интерполирования (inter-polis), соединения-соположения разнокатегориальных и полиаспектных миров-полисов. Через взаимную сопровожденность математики и гуманитаристики синхронизируется поступь миропознания, выводящего к полноте пронизанности исчисленного и витального, к взаимопринятию числа и человека. И если при входе на общую территорию, в созвучную «камер-

ность» понимания, исчисленность и человечность обретут взаимную интерполяцию, ладонную соединенность, – тогда число откроет для себя пульсацию человечности, а человечность ощутит выверенную гармоничность числа…

Но для открытия интерполяционных горизонтов миропознания, как для исчисленности, так и для человечности, необходимо найти изначальные синхронизации, позволяющие принять саму возможность сонастроенности человеческого и числового, возможность построения единой гармоники, единоструйности математического и гуманитарного. Такую созвучность можно обрести, исходя из сопрягаемого опыта вхождения в мир, из синхронной «пренатальности», которую и требуется высветить для числа, готового принять свою человечность. Мелос вхождения-введения числа в человеческий мир – от «поэтического минора» (Н.А. Римский-Корсаков) до онтологического мажора (до мажор в «Сотворении мира» И.С. Баха и «Прелюдии до мажор» С.С. Прокофьева) – разворачивается по траектории введения в мир человека, позволяет раскрыться «внутренней мудрости» процесса рождения.

Через «музыкальность» рождения числа раскрываема и область, в которой человечность и исчисленность способны двигаться друг к другу, не обособляясь извечными противоречиями логичности и алогичности, ведь «мелодия не содержит слов, в ней нет логического смысла, она алогична, иррациональна; и тем не менее она сама по себе есть определенная структурность и упорядоченность» (Лосев, 1997: 271). Опыт мелодичности, μέλος-ности как миропринимающий и миророждающий опыт позволяет описать мир пред-рождения числа, ту область, из которой выходит число, те «корни» числа, из которых вырастает сама исчисленность. Ж. Деррида во введении к книге Э. Гуссерля «Начало геометрии» дает полиаспектную зарисовку пред-числового состояния: «…догеометрический мир был миром вещей, помещенных в не-точные (anexacts) пространство и время… эти вещи должны были обладать “телесностью”» (Деррида, 1996: 162). Тем самым, «пренатальное» состояние числа может быть описано – в мелосной алогично-упорядоченной тональности – как соположенность целостной телесности и динамичного преображения. Осуществляя «пренатальный скрининг» числа, Лосев и Деррида (каждый по-своему, «неслиянно и единосущно») открывают глубинные основания исчисленности: число вызреваемо в особой пред-«телесности», генезис числа укоренен в единой и для человечности, и для исчисленности области натальности как «призванности субъекта к рождению» (Щитцова, 2006: 135). Число, как и человек, оказывается призываемо к своему рождению – во всем многообразии семантических векторов призванности: от промыслительной устремленности к «полноте бытия» (Н.О. Лосский) до сотериологического «зова» (Б.П. Вышеславцев) Божественности.

Мелосное «выпевание» числа, подводящее его к порогу рожденности (ведь μελωδία – это не столько материализующие «три аккорда», сколько «способ пения», связанный с мойронически-предопределяющим «плетением» (ἀναπλέκω, «плету») мелодии, – судьбоносно предзадающий способ проживания, типологию экзистенции числа), позволяет соединить исчисленность и человечность в созвучную родственность, в признание «кровного» родства в качестве единого опыта пренатальности.

Принимая родственность числового и гуманитарного, можно говорить о «рождении» числа в аналогиях человеческого рождения. Именно поэтому Д.Д. Мордухан-Болтовской заявлял о важности рассмотрения процессов рождения числа: «Еще очень слабо затронуто то, что можно назвать *эмбриологией,* т. е. генезис математических идей, начиная с их зарождения» (Мордухан-Болтовской, 1998: 268). Гуманитаристика, исходя из опыта человеческой рожденности, даже предлагает перенести на число понятие родительности, которое к

тому же обретает способность к смертности: «…в произведении 6 уже нет родителей (2 и 3) – они умерли. И умножение – путь все возрастающего уничтожения… И вот метафизическое устремление математики: отыскание родителей – числам, величинам: представить их в их генеалогии, происхождении, в структуре… каким путем – Эросом сочетаясь, они порождают данное число» (Гачев, 2009: 207). Эрос числа, приводящий к его рождению, при всей поэтичности и экстравагантности подобной метафорики, подчеркивает «живорожденность» числа, акцентирует его гуманитарные основания, максимально сближающие исчисленность и человечность.

От паспортизации числовых «родителей» становится возможным следующий шаг экзистенциализации числа: каким образом проходит рождение числа, какими «родовыми путями» выходит исчисленность в реальный мир. Стремясь ответить на такой непростой вопрос, Ж. Пиаже в процессе изучения генезиса математических понятий в детском сознании формулировал задание: «…достаточны ли действия субъектов и операции мысли для получения конструкции математических объектов или эти последние были открыты извне, как физические сущности с их объективными свойствами» (Пиаже, 1960: 10). Рождение числа тем самым предлагалось рассматривать по двум направлениям: либо из внешнего мира, из физической материальности – либо из глубинно-человеческих, «субъективных» предзаданностей. Вопрос «Кто или что привело к рождению число?», стоящий за исследованиями Пиаже, видимо, не столь важен в своей результативности (Пиаже, скорее, так и не находит однозначного ответа, ограничиваясь приведением количественного описания проведенных процедур), сколь значима сама соположенность «кто» и «что» в генеалогическом древе числа. И если признавать принципиальную рожденность числа, то ответ предполагается искать уже на вопрос «Кто родил число?», что в еще большей степени усиливает степень человечности числа.

В связи с этим эмбриология числа начинает обретать категориальность, определяющую возможность «рождения» чисел. Глубинная укорененность числа в человеческом мировосприятии делает число неотъемлемым свойством человечности: «Числа выведены операциями на свет Божий – точнее, на наш людской феноменально-трансцендентальный уровень приведены. Но выведены изнутри нас, ибо в нас самих сидят числа и операции, мы ими, как механизмы Божьи, сотворены и составлены» (Гачев, 2009: 201). Сориентированность человечности на рождаемую исчисленность, на все те же «измеренность-исчисленность-взвешенность», дает представление о числе как одной из основополагающих категорий экзистенциального каркаса, собственно, и предзадающего человечность. Число и человечность оказываются неразрывно переплетены в процессе взаимного порождения: числа выводимы людьми, но и люди в своих представлениях о мире не могут обойтись без исчисленности.

Принятие онтоэкзистенциального статуса числа определяет наведение познавательного фокуса на процесс появления числа, на то, как число начинает активировать свое призвание, каковы первые «шаги» числа в направлении обретения своего числового облика. Рождающееся число – «гладкое», «ровное», «прямоугольное» (Гуссерль, 1996: 241) – настраивается, словно музыкальный инструмент (все та же генетика мелоса), на согласованность числовых возможностей с человеческими ожиданиями. Число очищает мировосприятие – и очищается само! – от остатков «плодного пузыря» внечеловеческого бытия, постепенно отслаивая те «эпителиальные» фрагменты, которые не могут быть приняты в человеческое сознание. Те самые категории «ровности», «гладкости», являемые в генезисе числа, выступают своеобразными родовыми симптомами, которые сигнализируют о продвижении числа к обретению своего подлинного облика.

«Рождение» числа – весьма специфический процесс. Его понимание осложнено тем, что в самом появлении числа сочетаются аксиоматические и апостериорные условия: число одномоментно включает и доопытные основания и эмпирически выведенную результативность. Число в своем информативном армировании закладывает общечеловеческую способность к восприятию-воспроизводству информации, о которой основатель теории информации К. Шеннон говорил, что «получение апостериорной информации (извлечение новой информации о реальности из наблюдений над ней) возможно только на основе информации априорной (до-опытной, исходной)» (Волкова, Черный, 2014: 130). В числе уже на самых первых этапах его проявления аксиоматика и апостериоматика сливаются, так как, например, геометрическая версия рождения числа определяется тем, что «“возникновение” точки, прямой и круга постулированы. “Возникновение” любого другого геометрического объекта представляет собой “проблему”: каждый такой объект должен быть построен “циркулем и линейкой”, т. е. должен “возникнуть” через точку, прямую и круг» (Родин, 2003: 175). Тем самым, число обязано своим появлением уникальному симбиозу нематериальной аксиомы и вполне материального циркуля, что, в свою очередь, соответствует человеческой симфонии души и тела.

Двоякородное происхождение числа – из доопытной аксиоматики и из «циркулярно-линейного» опытного знания – поднимает еще более сложный вопрос о последовательности в рожденности числа: какие числа родились раньше, а какие позже? Г. Вейль отвечал на этот вопрос построением специфической последовательности в рождении чисел: «В дискуссии о первичности порядковых и количественных чисел мне представляется неоспоримым, что первичными являются порядковые числа» (Вейль, 1934: 62). Старшие и младшие числа в зависимости от «даты» своего рождения претендуют на создание семейных «кланов», причем родоначальниками таких «кланов» могут выступать именно те математики, кто открывал новые числа, кто репродуктировал очередные поколения чисел. Число Пифагора и число Декарта (как и большое количество чисел, поименованных по фамилии своих открывателей), словно отпрыски, становятся генетически связаны со своими родителями, обретают некое «свидетельство о рождении», с которым и входят в математическую жизнь.

Тема родительства числа открывает новый тезаурус понимания сущности числа, в котором становится возможным описание состояния числовой до-рожденности, развивающегося в саму рожденность, Так, известный математик Р. Пенроуз презентует протоментальность числа, пусть и занимающую, с его точки зрения, минимальный объем в числорождении: «Мне представляется несомненным, что с каждым проявлением операции OR (объективной редукции) должна быть связана какая-то протоментальность, однако она является в каком-то смысле “крошечной”» (Пенроуз и др., 2004: 171). Объективная редукция, собственно, и есть процедура исчисления, впускающая число в мир, но осуществление такой редукции предопределено предрожденностью числа, его предбытийностью, «разворачивающейся» (Николай Кузанский) в ходе рождения.

Рождение числа запускает процесс роста числовой «ментальности», поэтапные стадии возрастания числа с определенным комплексом параметров от моторики до коммуникации. При этом динамика развития числа, синхронизированная с числовым сознанием человека, отличается показательной особенностью: числовое восприятие мира происходит скачками, с определенными гносеологическими – апофатическими? – лакунами, которые указывают на присутствие в процессе развития числа закрыто-потаенных областей. Когда Ж. Пиаже стремился выяснить стадиальность детского генезиса числа, то столкнулся именно с проблемой скачкообразной,

«квантово-корпускулярной» динамики развития числа: «На первой стадии еще полностью отсутствуют возможные отношения между определением ранга и определением количественного числа <…> На второй стадии все меняется. Прежде всего, наблюдается возникновение систематизации качественных операций в границах поля восприятия или сферы наглядности» (Пиаже, 1994: 453). Позитивистский подход не позволяет выяснить параметрию перехода от одной стадии числового сознания к другой, а потому Пиаже только констатирует потаенность такого перехода, фиксируя качественные изменения числового развития. При этом само развитие не подвергается сомнению, ребенок поэтапно «взращивает» в своем сознании число в его полном математическом объеме (см.: Пиаже, 1960: 13). Генезис числа, потаенно проходящий по ключевым типам математического миропознания – алгебраического, структурного и топологического, – позволяет обнаружить аналогию между человеческим генезисом, выстроить неразрывные параллели, связующие человека и число.

Показательно, что в математических концепциях присутствует стремление рассматривать динамику числового развития в категориях исторической «педологии» числа, как, например, это делал Д.Д. Мордухан-Болтовской, автор, в частности, самобытных исследований в области трансцендентных чисел. Генезис числа сопоставляем им с процессом развития европейской математики, в котором в качестве первоначального выделяется такой этап, как установление методов решения уравнений (XII век) (Мордухан-Болтовской, 1998: 269), то есть появление в числовом сознании понятия равенства, числового уравновешивания человеческого бытия.

Изначально это сущностная количественность, сама исчисленность числа, основанная на делимости/единстве и практически воплощенная в дискуссии между номинализмом и реализмом[1], а также вытекающая из абстрактности/конкретности числа: «Альберт Великий раздваивает число, отделяя *формальное,* акциденциальное от *абстрактного,* из которых первое, *приложенное к* вещам, остается в *tix,* а последнее переводится в душу» (Мордухан-Болтовской, 1998: 287) (показательно, что Альберт Великий (1200–1280) являлся создателем теологического учения об универсалиях (трактат “De V universalibus”)).

Следующим этапом развития числа предстает обретение числом реалистичности: «Проблема о реальности числа претворяется таким образом в проблему о реальности единств совокупностей предметов и тождества этих единств совокупностям. Проблема о числе приводит схоластику к ее старой проблеме, – проблеме Росцелина о различении целого и частей, объединяемых этим целым» (Мордухан-Болтовской, 1998: 287), – что являлось прямым отзвуком теологической дискуссии номинализма и реализма.

Особой фазой в ранней «биографии» числа предстает возникновение нуля как выход на нулевой уровень числового роста; появление – точнее проявление – ноля означает для постнатальности числа преображение сущности числовой результативности (как кульминация – теология ноля (ничто) в мистическом богословии Дионисия Ареопагита и Григории Паламы), которое научает видеть результат в отсутствии, в ничто и даже постулируя первичность ничто: «…по св. Ансельму, при творении ничто не переходит в что-нибудь, а сперва – ничто, а затем создается что-нибудь. Но этим средневековая мысль не удовлетворя-

[1] Необходимо отметить, что участники этого богословского диспута были яркими математиками: Герберт из Орильяка (он же Сильвестр II, 950–1003) ввел арабские числа, Александр из Вильдьё (1175–1240) написал поэтический трактат об алгоритмизме, Раймонд Луллий (1235–1315) создал первый «герметический компьютер» и сформулировал концепцию «логических кругов» (Стяжкин, 1967: 132).

ется. Она постоянно возвращается к гнетущей ее идее – предваряющей Божественное творение материи. То, что становится, должно быть раньше возможным» (Мордухан-Болтовской, 1998: 292). Из такой потенциальной возможности, заложенной в ноле, в ничто, разворачивается следующий этап онтогенеза числа – появление ординальных и кардинальных чисел, пусть еще в зачаточной форме, как это произошло в парадоксе Галилея, где бесконечность, открывшая себя до этого в ноле, начинает определять свойства числа.

Ординальность, включающая в себя ноль и задающая внутреннее описание множества, и кардинальность, выявляющая основополагающие, «сердечные», связи между множествами, – есть параметры разрастания числа, его возрастания. Разрастание числа – уже по числовой оси (впервые появляющейся в «Алгебраическом трактате» английского священника и математика Дж. Уоллиса (Валлиса) (1616–1703), причем в качестве движущегося человека, что показательно подчеркивает человечность числа) – приводит к появлению отрицательных чисел: «В определениях Фомы Ливийского лишение является уже вполне определенно метафизическим представителем отрицательных величин. Materia nunquam est sine privalione – материя никогда не бывает без лишения» (Мордухан-Болтовской, 1998: 295). Отрицательные числа, со всей их сложной историей приятия и неприятия (Д. Кардано считал отрицательные числа «вымышленными»; Декарт отвергал их как «ложные»), знаменуют следующий виток числового развития – построение математического отношения («Именно за всеми отношениями, носителем которых является один субъект, Авиценна признает реальное существование. Если А отец, В сын, то в В уже не отцовское, а сыновнее отношение» (Мордухан-Болтовской, 1998: 296)) – межчислового отношения, знаменующего выход числа из «детского» состояния и наступление периода взрослости.

Конечно, вариаций на тему генезиса числа существует достаточно много (как, впрочем, и в отношении человека – от теории «ментального возрастания» А.Л. Гезелла до концепции «привязанности» Г. Ньюфелда). В генезисе числа могут выделяться стихийность возникновения чисел и математических объектов, их преобразование в процессе постановки математических задач, смена стихийности на целенаправленное конструирование математических объектов (например, двойных и тройных интегралов); как особый этап – сознательное изменение аксиоматической парадигмы (сопоставимой по своему преображающему масштабу только с переходом личности от подросткового к взрослому мировосприятию) как открытие нового мира математических объектов (геометрия Лобачевского); полноценный выход числа к решению предметных задач, находящихся за пределами чистой числовой сферы (теория полиномов П.Л. Чебышева)…

Сюда же можно добавить изначальное, палеонтологическое, формирование потребности в числе: «Разделение целого на части (первая стадия обработки орудий, раздел добычи); составление нового целого из частей (составные орудия, жилища); установление однозначного соответствия (орудие – тип, шаблон); единообразное повторение сходных элементов в пространстве и времени (симметрия и ритм в орудиях); замена конкретного множества другим, более абстрактным от качественных особенностей (прямые параллельные нарезки); простейшие парные соотношения» (Фролов, 1974: 147). Все обозначенные моменты можно отнести к этапам «рождения» числа, этапам вхождения числа в человеческую реальность.

Но гораздо более значимым в вариантах стадиальности числа выступает само стремление увидеть число через призму человечности, желание открыть в числе предзаданную экзистенцию в биографических категориях. Биографика числа, выстраиваемая практически в каждом историко-математическом исследовании, явно или неявно исходит из установки числа на обретение собственного облика, обретения

собственного «я». В определенной степени каждый историко-математический очерк – это портрет того или иного ракурса числового лика, этап разворачивающейся эгологии числа.

Общий вектор разворачивания числа – от интуитивно-стихийного осознания равновесности и исчисленности мира к сложнейшим дефинициям трансфинитных чисел – движется по направлению к обретению имени числа, к выявлению номинативно-эгологического компонента числа. Неслучайно генезис математики по мере своей усложненности все чаще выдает персонализированные числа – числа Фибоначчи, запускающие витально-рекуррентные соотношения между числами (те самые известные кролики Фибоначчи); число Скьюза и число Шеннона, по-разному говорящие о наименьшем (Скьюз – о натуральном числе, а Шенон – о наименьшем количестве шахматных партий); и – напротив: число Мозера, научающее говорить на «треугольном» языке о самых больших числах; число Грэма – вообще выходящее на горизонт математической доказательности; и, как кульминация, на сегодняшний момент – число Райо, в своей грандиозности парадоксально включающее малость, соотносящуюся с возможностями человеческого языка… Многоточие здесь весьма показательно, так как очевидно, что история персонально-именных чисел не окончена и ждет своего продолжения.

В этом, несомненно, проявляется экзистенциальный зов числа именем, призывание числа к имени и потребность для числа быть поименованным. Разворачивающаяся эгология числа, неразрывно связанная с обретением имени, претендует в своем возрастании на преображение исходных позиций аксиоматки, как это происходит, например, в случае комплексных чисел. В момент появления комплексных чисел «существенно меняется характер метрических аксиом. Такое изменение аксиоматики означает отказ от аксиомы Архимеда (о сравнении отрезков), поскольку в поле комплексных чисел теряется понятие больше-меньше» (Владимиров, 2009: 97). Казалось бы, ключевой параметр числа, с которого и начинается бытийность числа, – сравнимость, количественная соотнесенность – преображается через соединение вещественности (вещественные числа) с мнимой единицей: $\sqrt{-1}$. Такое число являет собственное «я» уже совершенно в ином качестве, преодолевая аксиоматическую предзаданность.

Но и это еще не предел. В расширении своего нового «я» число подходит к онтологическим глубинам, в которые заглядывает именно с помощью расширения своего «имени»: «…занятный пример – это последовательность чисел 1, 2, 4, 8. Математики открыли серию расширений концепции обычных «вещественных» чисел – сначала строятся комплексные числа, а затем нечто, называемое кватернионами и, далее, октонионами. <…> Кто же следующий?..» (Стюарт, 2010: 5). Посредством обретающего все большую мощность дейксиса, то есть отграничения собственного «я» от других индивидов, число возрастает в экзистенциальной мощи.

Активируя собственную экзистенцию, число демонстрирует специфику своей жизненности, особую числовую витальность, которая раскрывается при обращении к одному из самых давних вопрошаний философии математики: что есть конкретика числа – рождение нового числа или обнаружение уже существующего, но еще неизвестного числа; что есть число – открытие или изобретение? Показательной иллюстрацией может служить постулат Бертрана, в рамках которого происходит поиск чисел, вписывающихся в определение данного постулата о том, что для любого натурального $n \geq 2$ найдется простое число p в интервале $n < p < 2n$. История поиска числа p и есть иллюстрация специфики обнаружения числа: сначала Ж.Л.Ф. Бертран эмпирически прорабатывал, «просеивал» таблицы простых чисел, аргументируя свое утверждение; затем П.Л. Чебышев с помощью θ-фунции, «прыгающей» функции смог доказать постулат

Бертрана; далее С. Рамануджан упростил данное доказательство со свойственной ему интуитивной способностью прозревать функционал распределения простых чисел – и уже позднее появляется формула для определения количества простых чисел на определенном интервале между x и 3/2x, согласно которой между 100 миллионами и 150 миллионами существует не менее миллиона простых чисел. Здесь и возникает вопрос о специфике экзистенции числа, раскрывающийся в процессе доказательства постулата Бертрана: что это было – рождение новых чисел или обнаружение уже «живших» чисел? Здесь начинается потаенная область, а следовательно, потаенность экзистенции ненайденных чисел есть уникальное свойство проживания числа в реалиях мира.

Число в своей витальности – потаенной и явленной – стремится прорасти во все уровни бытия, как, например, это «делают» гиперкомплексные числа. Их «жизненная» энергетика настолько мощна, что позволяет гиперкомплексным числам проникать в самые разные математические направления, ведь «для них определены и изучены практически все положения действительного анализа: последовательности, ряды, функции, дифференцирование, интегрирование и т. д.» (Маркушевич, 1978: 18). Даже визуально развитие гиперкомплексных чисел можно представить в виде витального роста – от линии к пространству – как это происходит, в частности, в «снежинке Коха», возникающей и описываемой в своем фрактальном объеме с помощью именно гиперкомплексных чисел. Ближайшей аналогией подобному всепрорастанию может выступать развитие организмов в теории биологических ниш, согласно которой «животные не только занимают ниши, они их формируют и сами формируются, адаптируясь к ним» (Бикертон, 2012: 4). Число, подобно биологической популяции, распространяет свое присутствие в максимально мощном (неслучайно появление термина «мощность множества») порыве, по своей результативности совпадающего с élan vital А. Бергсона: порыв, «проходя через организуемые им по очереди тела, переходя от поколения к поколению, разделился между видами и раздробился между индивидами, ничего не теряя в своей силе, а скорее усиливаясь по мере движения вперед» (Бергсон, 1909: 28). Алгебраический фрактал как пространственно-разрастающееся имя гиперкомплексного числа предстает яркой иллюстрацией степени «жизненности» числа и его практической востребованности; число, расширяясь в мире, начинает вести себя подобно организму, преображая и переформатируя реальность.

Внутри самого числа также можно увидеть «органическую» целостность, являемую, как отмечал Г. Вейль, в появлении числового интервала: «…таким законом, по которому из каждого двоичного интервала (как скоро он берется достаточно малым) порождается интервал. Это вполне соответствует тому смыслу, который придается понятию непрерывной функции в приложениях математики: раз аргумент задан с известной степенью точности – а в приложениях математики он никогда не дается иначе – то становится известным с соответственной степенью точности и значение функции» (Вейль, 1934: 125). Взращивание интервала как «органическое» развитие числа демонстрирует преодоление дискретности внутри числа, его открытость к длящейся экзистенции. Число – это прежде всего возрастание, а не дискретность костяшек абака, и в этом непрерывном, бесконечном, трансфинитном, гиперкомплексном возрастании и проявляется судьба числа.

«Судьба числа» – казалось бы, непредставимое определение, никоим образом не вписывающееся в математическую терминологию. Однако развитие числа выводит к качественно иной площадке, с которой открывается новый взгляд на число, соотносимый с теорией фреймов М. Минского («Человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на привычные вещи, выбирает из

своей памяти некую структуру данных (образ), называемую нами фреймом» (Минский, 1979: 7)). Если перенести сценарный подход Минского к вопросу о «судьбе» числа, то появляется определенный тезаурус, дающий возможность, по крайней мере, задать контуры вопрошания: как возможна судьба числа, как предзадана разворачиваемость числа в математической реальности? Сами процедуры исчисления в свете концепции фреймов предстают в иных ракурсах: в них каждый тип чисел – вещественных, мнимых, комплексных… – обретает свою судьбу, свой путь призывания в математический мир.

Принятие судьбоносной экзистенции числа выводит к проявлению глубинных, «высших» вопросов его существования. Судьба числа – как и любая фатальность – начинает заговаривать (конечно, тут так и напрашивается ироничное «-ся») о смерти числа, о танатологии числа. Ведь любая научная идея имеет свой жизненный цикл, свой срок жизни того или иного типа числа; практически вся история математических идей представляет собой масштабное кладбище захороненных в забвении чисел. Томас Хэрриот (1560–1621) отказывался публиковать свои математические работы в области теории уравнений, оставив захороненными идеи усовершенствования алгебраической символики, которые были реанимированы спустя много лет; П. Роте (?–1617), даже опубликовав свою книгу, в которой было обосновано утверждение, что алгебраическое уравнение n-й степени может иметь до n решений, не смог донести свое открытие до математического сообщества и оно было переоткрыто позднее иными математиками; работы А. Парана (1666–1716) подвергались такой жесткой критике со стороны картезианцев, что он вынужден был создать свой собственный журнал «Очерки и исследования по математике и физике», только благодаря которому и стало возможным десятилетия спустя реактивировать его математические идеи в сфере аналитической геометрии (кстати, и его теологическую работу «Доказательство божественности Христа»); У. Кингдон (1845–1879) в 1870 году создал работу «О космической энергии материи», где предвосхитил положения теории относительности, но математический аспект так и не был актуализирован до математических открытий Эйнштейна; Э. Борель (1871–1956) открыл математический метод изучения оптимальных стратегий, но это открытие осталось неизвестным, и Дж. фон Нейман, создавая архитектуру первых ЭВМ, должен был заново решить уже решенные проблемы…

И это только единицы математических «могил», которые к тому же, тем или иным образом, оказались обнаруженными. А сколько исчезнувших математических идей уже никогда не будут воскрешены! – это и есть «смерть» числа, исчезновение числа из человеческой памяти. Именно связь числа и памяти (в том числе и исчезнувшей памяти о числе) составляет еще одну параллель между исчисленным и экзистенциальным. Неслучайно в мире существуют памятники числам – например, памятники числу π перед Музеем искусств в Сиэтле и в Парке скульптур в штате Нью-Джерси, что дает возможность говорить о принципиальном сопоставлении числа и смерти, о восприятии числа через призму человеческой танатологии.

И даже внутри самой математики способны возникать направления, постулирующие «смерть» числа, «смерть» математики как способа миропознания: так, например, такую процедуру проделал Х. Филд, удаливший математику из теории тяготения Ньютона. Сложно однозначно описать «смерть» числа, но то, что категория исчезновения входит в жизненный мир математики – несомненно, и это еще одна скрепа, соединяющая число и экзистенциальность.

Музыкальная выразительность, позволяющая вслушиваться в потаенные глубины существования числа; его алогично-структурированная пренатальность; призывание к рожденности из пред-телесности и пред-ментальности; дуально-сущностное

родительство числа; стадиальность проявления числа в мире и связанная с этим биографика числа, устремленная к его усиливающейся персонализации, к обретению собственного имени, к построению эгологии числа; обретение и расширение математической витальности, выливающейся в «судьбу» числа, завершающуюся числовой танатологией – все это определяет особенности гуманитарности, неотъемлемо входящей в «плоть» числа.

Литература

Бергсон, А. Творческая эволюция / пер. с франц. М. Булгакова, перераб. Б. Бычковским // Бергсон, А. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 1. СПб.: Изд-во М.И. Семенова, 1913. 331 с.

Бикертон, Д. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей / пер. с англ. О. Кураковой, А. Карпухиной, Е. Прозоровой; науч. ред. Т.В. Ахутина, С.А. Бурлак. М.: Языки славянских культур, 2012. XXV, 308 с.

Вейль, Г. О философии математики / пер. с нем. А.П. Юшкевича; предисл. С.А. Яновской. М.; Л.: Гос. техн.-теоретич. изд-во, 1934. 128 с.

Владимиров, Ю.С. Метафизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2002. 534 с.

Волкова, В.Н., Черный, Ю.Ю. О проблеме аксиоматического построения междисциплинарных научных направлений // Проблемы управления в социальных системах. 2014. Т. 7. № 11. С. 129-137.

Гачев, Г.Д. Математика глазами гуманитария (дневник удивлений математике). М.: Изд-во СГУ, 2009. 350 с.

Гуссерль, Э. Начало геометрии / введ. Ж. Деррида; пер. с фр. и нем. М. Маяцкого. М.: Ad Marginen, 1996. 267 с.

Деррида, Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginen, 1996. С. 9-209.

Лосев, А.Ф. Хаос и структура. М.: Мысль, 1997. 831 с.

Маркушевич, А.И. Краткий курс теории аналитических функций. М.: Наука, 1978. 415 с.

Минский, М.Л. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.

Мордухан-Болтовской, Д.Д. Философия. Психология. Математика. М.: Серебряные нити, 1998. 560 с.

Пенроуз, Р., Шимони, А., Картрайт, Н., Хокинг, С. Большое, малое и человеческий разум / пер. с англ. А. Хачояна под ред. Ю. Данилова. СПб.: Амфора, 2008. 191 с.

Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / пер. с англ. и фр. А.М. Пятигорского, В.Ф. Пустарнакова, Н.Г. Алексеева; вступ. ст. В.А. Лекторского, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 680 с.

Пиаже, Ж. Структуры математические и операторные структуры мышления // Преподавание математики: Пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1960. С. 10-31.

Родин, А.В. Математика Евклида в свете философии Платона и Аристотеля. М.: Наука, 2003. 210 с.

Стюарт, И. Истина и красота: всемирная история симметрии / пер. с англ. А. Семихатова. М.: Астрель, Corpus, 2010. 460 с.

Стяжкин, Н.И. Формирование математической логики. М.: Наука, 1967. 508 с.

Фролов, Б.А. Числа в графике палеолита / отв. ред. акад. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. 239 с.

Щитцова, Т.В. Memento nasci: сообщество и генеративный опыт: (штудии по экзистенциальной антропологии). Вильнюс: Европейский гуманитарный ун-т, 2006. 382 с.

References

Bergson, A. (1909), “Creative evolution”, *Sobranie sochineniy. T. 1* [Collected works. Vol. 1], Transl. by Bulgakov, M, in Bychkovsky, B. (ed.), Publishing house of M. I. Semenov, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Bickerton, D. (2012), *Yazyk Adama: kak ludi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudey* [Adam's Tongue: how people created language, how language created people], Languages of Slavic Cultures, Moscow, Russia (in Russ.).

Derrida, J. (1996), “Introduction”, *Husserl, E., Nachalo geometrii* [Husserl, E., The Beginning of Geometry], Ad Marginen, Moscow, Russia, 9-209 (in Russ.).

Frolov, B. A. (1974), *Chisla v grafike Paleolita* [Numbers in the Paleolithic graph], Nauka, Novosibirsk, USSR (in Russ.).

Gachev, G. D. (2009), *Matematika glazami gumanitariya (dnevnik udivleniy matematike)* [Mathematics through the eyes of a humanitarian (diary of surprises in mathematics], Publishing

House of the Modern University of the Humanities, Moscow, Russia (in Russ.).

Husserl, E. (1996), *Nachalo geometrii* [The Beginning of Geometry], Transl. by Mayatsky, M., Ad Marginen, Moscow, Russia (in Russ.).

Losev, A. F. (1997), *Khaos i struktura* [Chaos and Structure], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Markushevich, A. I. (1978), *Kratkiy kurs teorii analiticheskikh funktsiy* [Short course on the theory of analytic functions], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Minsky, M. L. (1979), *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for knowledge representation], Energiya, Moscow, USSR (in Russ.).

Mordukhan-Boltovskoy, D. D. (1998), *Filosofiya. Psikhologiya. Matematika* [Philosophy. Psychology. Math], Serebryanye niti, Moscow, Russia (in Russ.).

Penrose, R., Shimoni, A., Cartwright, N. and Hawking, S. (2004), *Bolshoe, maloe i chelovecheskiy razum* [Big, Small and the human mind], Amfora, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Piaget, J. (1960), "Mathematical and operator structures of thinking", *Prepodavanie matematiki* [Teaching mathematics. Digest of articles], Uchpedgiz, Moscow, USSR, 10-31 (in Russ.).

Piaget, J. (1994), *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works], Uchpedgiz, Moscow, Russia (in Russ.).

Rodin, A. B. (2003), *Matematika Evklida v svete filosofii Platona i Aristotelya* [Mathematics of Euclid in the light of the philosophy of Plato and Aristotle], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Shchitsova, T. V. (2006), *Memento nasci: soobshchestvo i generativny opyt: shtudii po ekzistentsial'noy antropologii* [Memento nasci: Community and generative experience: (Studies in existential anthropology)], Publishing House of the European Humanities University, Vilnius, Lithuania (in Russ.).

Stewart, Ian. (2010), *Istina i krasota. Vsemirnaya istoriya simmetrii* [Truth and beauty. The World History of Symmetry (Why Beauty is Truth. A History of Symmetry)], Astrel', Corpus, Moscow, Russia (in Russ.).

Styazhkin, N. I. (1967), *Formirovanie matematicheskoy logiki* [Formation of mathematical logic], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Vladimirov, Y. S. (2009), *Metafizika* [Metaphysics], BINOM, Laboratoriya znaniy, Moscow, Russia (in Russ.).

Volkova, V. N. and Cherny, Y. Y. (2014), "On the problem of axiomatic construction of interdisciplinary scientific directions", *Problems of governance*, 7 (11), 129-137 (in Russ.).

Weil, G. (1934), *O filosofii matematiki* [On the Philosophy of Mathematics], Transl. by Yu. P. Yushkevich, State Technical and Theoretical Publishing House, Moscow, Leningrad, USSR (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; *skolesnikov2015@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; *skolesnikov2015@yandex.ru*

УДК 14:616 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-2**

Гилязова О. С.

Осмысление категории болезни в контексте биомедицинской и гуманистической моделей медицины: философские аспекты

Уральский федеральный университет,
ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, 620002, Россия; *olga_gilyazova@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является философская рефлексия категории болезни через призму особенностей биомедицинской и гуманистической моделей медицины, дифференцируемых как, соответственно, объективная точка зрения от третьего лица и субъективная точка зрения от первого лица; взгляд профессионала и взгляд пациента; лечение болезни и исцеление страдания; сциентизм и гуманизм; наука и искусство; логос техники и этос заботы. Проблематизируется обеднение современной медицины в результате опоры на биомедицинскую (естественнонаучную) парадигму и необходимость ее регуманизации за счет внедрения гуманистической парадигмы. Выявляется ограниченность обеих моделей (биомедицины – в рамках натуралистического подхода, гуманистической модели – в рамках феноменологии медицины и нарративной медицины) в осмыслении и концептуализации болезни. Устанавливая, что у обеих моделей больше точек соприкосновения, чем противоречий, приходим к выводу, что для развития и обогащения современной медицины будет плодотворнее подходить к обеим моделям не с позиции их антагонизма (когда их различия преувеличиваются и противопоставляются), а с позиции их взаимодополняемости. В заключении в качестве рекомендации для будущих исследований в этой области предлагаем рассмотрение опыта болезни с точки зрения второго лица, пренебрегаемого обеими моделями медицины.

Ключевые слова: биомедицина; болезнь; гуманистическая медицина; нарративная медицина; страдание и боль; философия медицины; философия науки; феноменология медицины

Для цитирования: Гилязова О.С. Осмысление категории болезни в контексте биомедицинской и гуманистической моделей медицины: философские аспекты // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 17-28. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-2

O. S. Gilyazova

Understanding the Category of Disease/Illness in the Context of Biomedical and Humanistic Models of Medicine: Philosophical Aspects

Ural Federal University,
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; *olga_gilyazova@mail.ru*

Abstract. In the modern medical philosophy there are two basic models in the light of which the reflections on the essence of health and disease/illness are developed – bio-

medical and humanistic – differentiated as, respectively, an objective (and objectifying) point of view from the third-person perspective and a subjective point of view from the first-person perspective; a professional point of view and a patient's one; curing a disease and healing one's suffering; scientism and humanism; science and art (skill); the logos of technique and the ethos of care. The purpose of the article is a philosophical reflection of the category of disease/illness in the context of biomedical and humanistic models of medicine. The impoverishment of modern medicine as a result of reliance on biomedical paradigm, rooted in the natural sciences, and the need for its rehumanization through the introduction of a humanistic paradigm, rooted in the humanities, are problematized. We reveal that the limitations of both models (biomedical model – within the framework of a naturalist approach, and humanistic model – within the framework of the phenomenology of medicine and narrative medicine) lie in understanding and conceptualizing of disease/illness. While having established that both models have more things in common than contradictions, we conclude that for the purposes of the development and enrichment of modern medicine it will be more effective to approach both models from the perspective of their mutual complementarity rather than through the prism of their antagonism (when their differences are exaggerated and opposed). In conclusion, as a recommendation for future researches in this area, we propose considering the experience of disease/illness from the point of view of the second-person perspective, which is neglected by both models of medicine.

Keywords: biomedicine; disease; illness; humanistic medicine; narrative medicine; suffering and pain; philosophy of science; philosophy of medicine; phenomenology of medicine

For citation: Gilyazova O. S. (2024), "Understanding the Category of Disease/Illness in the Context of Biomedical and Humanistic Models of Medicine: Philosophical Aspects", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 17-28, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-2

Введение

Революционный прорыв в области биомедицинских технологий усилил статус биомедицинской (естественнонаучной) модели медицины как науки, как культурной формы и как социального института (см.: Baronov, 2008: 236) и одновременно актуализировал проблему необходимости ее регуманизации. В ответ на этот запрос конституируется гуманистическая модель медицины, призванная устранить диссонанс между технологизированным пониманием болезни в биомедицинском дискурсе и ее значением для самого пациента.

В данной статье предпринята попытка сравнительного изучения философских подходов к категории болезни в рамках биомедицинской и гуманистической моделей медицины.

Дебаты о категории болезни в контексте биомедицинской модели

Наиболее онтологически и методологически релевантным философии биомедицины является натуралистический подход (см.: (Valles, 2020)), который пытается дать научно объективные, свободные от ценностей определения здоровья и болезни.

При натуралистическом подходе болезнь концептуализируется как биологическая дисфункция. Согласно наиболее известной и влиятельной натуралистической теории – биостатистической теории Кристофера Бурса, болезнь – это «тип внутреннего состояния, нарушающего здоровье, то есть снижающего одну или несколько функциональных способностей ниже типичной работоспособности» (Boorse, 2014:

604), а здоровье – это просто отсутствие болезни, то есть статистическая нормальность.

Главными оппонентами натуралистов являются нормативисты, считающие, что категории здоровья и болезни не могут быть идентифицированы независимо от человеческих норм и ценностей (см.: (Лаврентьев, 2022; Серебренникова, 2022; Шенк, 2022)). Они постоянно оспаривают ценностную нейтральность натуралистических теорий. Дело не только в том, что понятие болезни издревле описывало нежелательные состояния и его трудно натурализовать в нейтральное научное понятие, очистив от ценностных коннотаций. По мнению нормативистов, такое очищение принципиально невозможно (см.: (Kingma, 2017)).

Согласно нормативизму, здоровье – это состояние, в котором мы хотим находиться, а болезненные состояния – это те состояния, которых мы хотим избежать (см.: (Saborido, Moreno, 2015)). Ставя свое определение болезни в зависимость от господствующих в обществе суждений о ценностях и благе, нормативисты невольно склоняются к культурному релятивизму и социальному конструктивизму. Понимание болезни в нормативизме с неизбежностью становится антропоцентричным. Эта особенность характерна и для гуманистической модели медицины. Натуралисты же гордятся тем, что их трактовка болезни отличается универсальностью: она охватывает все царства живой природы, а не ограничивается видом Homo sapiens.

Несколько упрощая, можно сказать, что натурализм отстаивает следующую позицию: медицина относит состояние организма к болезни в силу биологически объективной дисфункциональности данного состояния. Нормативизм же переворачивает эту логику: медицина считает состояние организма дисфункциональным, так как оно было заранее (на основе принятых в обществе ценностных суждений) промаркировано в качестве болезни.

Дебаты между натурализмом и нормативизмом насчет объективности/субъективности здоровья/болезни, будучи борьбой между независимым от ценностей реализмом и ценностно нагруженным антиреализмом, имеют не только теоретическое и философское значение, но и далеко идущие социально-политические последствия[1].

Например, наличие патологий головного мозга считается сильным (натуралистическим) аргументом для отнесения соответствующих психических состояний к медицинским расстройствам. А нормативистская концептуализация болезни как вреда (причинения страдания или инвалидности) дала право исключить гомосексуализм из каталога болезней. Зато такие состояния, как нежеланная беременность, получают право на статус болезни, то есть патологизируются.

Подобного рода нормативистское отождествление болезни с вредом (или его риском), в том числе социальным, независимо от наличия физиологического субстрата, действует двояко: оно может спасти нормальную вариацию человеческого опыта от патологизации и/или медикализации[2] и, наоборот, подвергнуть им. Достаточно вспомнить печально известные примеры из истории: стремление черных рабов

[1] Наглядной иллюстрацией этого тезиса является решение Минздрава России о приостановке действия плана мероприятий по внедрению Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 11-го пересмотра (МКБ-11), которое было «принято в связи с большим количеством обращений граждан, общественных организаций, а также сенаторов и депутатов в части возможного противоречия традиционным моральным и духовно-нравственным ценностям, защита которых предусмотрена законодательством» (URL: https://ria.ru/20240202/bolezni-1925129117.html (дата обращения 09.02.2024)). Хотя МКБ отражает биомедицинский подход к болезни, т. е. формально она должна быть ценностно-независимой, но споры насчет нее идут с позиции нормативизма

[2] Термин, введенный в медицинский оборот для обозначения процессов, при которых состояния, ранее считавшиеся немедицинскими, переопределяются как медицинские проблемы (Sadler et al., 2009).

сбежать из рабства патологизировалось, то есть объявлялось психическим заболеванием – драпетоманией (лечить которую предписывалось поркой); инакомыслие политических диссидентов патологизировалось (и как следствие – медикализировалось) со стороны советской психиатрии и т. п. Социально неодобряемое, девиантное поведение (под которым могут понимать и безобидные отклонения) провозглашается патологическим состоянием, нуждающимся в медицинском вмешательстве (см.: (Светличная, Смирнова, 2022)), то есть объективные клинические суждения о болезни заменяются социальными суждениями, выражающими ценности и интересы доминирующих групп в обществе.

Силу подобного рода чрезмерной медикализации (действующей как инструмент социального контроля) придает не только нормативизм, но и (отчасти) натурализм, а вернее, его неспособность выработать обоснованный общепризнанный критерий для установления четкого порога, отделяющего нормальную вариацию от патологического отклонения (нормативизм снимает эту проблему утверждением реляционности этого критерия). Наличие специфических случаев патологии[3] размывает четкость границ между нормой и патологией, здоровьем и болезнью, подрывает онтологически однозначный статус болезни (притом наибольшие сложности возникают не столько с соматическими, сколько с психическими заболеваниями[4]).

В целом, натуралистические и нормативистские подходы противопоставляются как, соответственно, суждения о фактах и суждения о ценностях, как теоретическая (связанная с биологическими особенностями) и практическая (связанная с человеческими действиями) концепции.

Гибридные же теории пытаются совместить эти подходы, доказывая, что и биологические, и ценностные факторы одинаково важны для концептуализации здоровья и болезни. Так, ведущий специалист в этой области – Джером С. Уэйкфилд предлагает гибридную трактовку болезни (в его терминологии – расстройства) как вредной дисфункции (см.: (Wakefield, 2017)). По его мнению, единство научного, натуралистически объективного критерия «дисфунция» с социально-культурным, нормативистски ценностно нагруженным критерием «вред» является необходимым и достаточным условием болезни и отсекает ложные срабатывания, прежде всего в психиатрии.

Бенджамин Чин-Йи и Росс Э.Г. Апшур идут еще дальше: они скептически относятся к самой оппозиции между натурализмом и нормативизмом, считая ее поверхностной (см.: (Chin-Yee, Upshur, 2017)).

Таким образом, можно констатировать, что непрекращающиеся дебаты в философии медицины между нормативизмом и натурализмом спровоцированы взаимным скептицизмом насчет возможности концептуализации столь многомерных категорий, как здоровье и болезнь в терминах либо исключительно естественных, либо социальных наук. Хотя натуралистическая концептуализация болезни в наибольшей степени отвечает духу биомедицинской модели с ее культом ценностно нейтрального, научно объективного знания, но удовлетво-

[3] Питер Хакленброх, вслед за Мюллером-Экхардом, относит к ним факультативную патологию (или рисковый вариант нормальности, например, низкий рост); амбивалентность в отношении здоровья и болезни (= состояние, которое может быть одновременно защитным и вредным, например, лихорадка); нейтральность в отношении здоровья и болезни (= состояние, наличие и отсутствие которого не являются патологией, например, способность шевелить ушами); парадоксальную патологичность («болезнь, не позволяющую заболеть») (Hucklenbroich, 2014).

[4] Например, Томас Сас и другие антипсихиатры для доказательства того, что психическое расстройство – это миф, даже если оно напрямую связано с патологией головного мозга (такая связь считается сильным аргументом), используют позаимствованную из когнитивной науки аналогию сознания с компьютерной программой, а мозга – с аппаратным обеспечением. Исправность аппаратного обеспечения не гарантирует нормального функционирования программного обеспечения (Szasz, 1974).

ряет далеко не всех поборников биомедицины. Гибридный же подход является попыткой обновить натурализм, сделав его совместимым с нормативизмом.

Гуманистические подходы к категории болезни

Натурализм, нормативизм и гибридный подход сходятся в том, что не могут дать голос отдельному пациенту. Хави Карел справедливо указывает, что в нынешних дебатах по поводу дефиниций здоровья и болезни пренебрегают рассмотрением этих понятий с точки зрения первого лица – тем, чем сильна именно гуманистическая модель медицины (см.: (Carel, 2008)). Биомедицинская концептуализация болезни как нозологической формы (единицы) абстрагирована от жизненного опыта пациента, поэтому не способна уловить болезнь в ее непосредственной значимости для пациента, что влечет несопоставимость значений болезни для врача и пациента.

Гуманистическая модель возникла в ответ на усиливающуюся дегуманизацию современной биомедицины. Ее цель – в «регуманизации» медицинской практики через переориентацию внимания врача с болезни на больного, то есть через возрождение неогиппократовской установки «медицина должна лечить не болезнь, а больного». В этом противостоянии двух моделей медицины на новых основаниях воспроизводится старый спор между гуманизмом и сциентизмом (см.: Marcum, 2008b). В противовес научноцентричности биомедицины гуманистическая модель предлагает относиться к медицине как к искусству или мастерству (см.: (Синюкова, 2018)).

К наиболее популярным гуманистическим подходам в философии медицины относятся: феноменология медицины, рассматривающая болезнь через призму субъективных переживаний больного, и нарративная медицина, заостряющая внимание на специфике взаимоотношений врач – пациент. Как видим, привилегированное значение получает личный опыт человека, а не его биологические параметры, важность которых, впрочем, не отрицается. Согласно Мириам Соломон, представители гуманистической модели медицины исходят из мысли, что именно гуманитарные дисциплины (в данном случае феноменология и нарратология) смогут, в отличие от естественных наук, придать медицине «человеческое лицо» (см.: (Solomon, 2015)).

Примат феноменологического подхода в медицине обосновывают такие современные философы, как Дрю Ледер, С. Кей Тумбс, Хави Карел, Фредерик Свенеус и др.

Стоит уточнить, что феноменология не рассматривает переживания пациента как субъективное отражение некой объективно данной реальности. Будучи метафизически скромной, феноменология оставляет за скобками вопрос о реальности «как она есть». Этим, помимо прочего, она сходится с нормативизмом и отличается от натурализма, претендующего на выход к «подлинной сущности» вещей.

Основным постулатом феноменологии является различение тела как биологического объекта (называемого Эдмундом Гуссерлем Körper, а Морисом Мерло-Понти – corps objectif) и живого тела (соответственно Leib и corps propre). Болезнь ставит во взаимно конфликтные отношения эти два способа переживания тела, синтетически связанные в здоровом состоянии. Здоровое тело – прозрачно (то есть не заметно как само собой разумеющееся), нейтрально, молчаливо. Оно не замечается, находясь на заднем плане внимания. Оно лишь фон для нашей деятельности. При болезни биологическое тело выходит на первый план, навязывая обременительную необходимость интенсивного сосредоточения на нем: становится источником боли, препятствием для выполнения жизненных проектов и объектом медицинских манипуляций, чем еще больше отчуждает человека от него.

Таким образом, с точки зрения феноменологии, серьезная болезнь – это, во-

преки натурализму, больше, нежели дисфункциональность отдельных органов или процессов в организме (см.: (Toombs, 2019)). Это глобальный трансформирующий опыт, задевающий все измерения жизни, а не только чисто биологические (см.: (Carel, 2008)). С. Кей Тумбс, философ, страдающая рассеянным склерозом, описывая болезнь, перечисляет те потери, которые она влечет за собой: утрату целостности, утрату уверенности и контроля, утрату свободы действий и утрату привычного мира (Toombs, 1987: 229). Как отмечает Хави Карел, болезнь, начинаясь как вторжение в чью-либо жизнь, «со временем становится образом жизни» (Carel, 2012: 96). Болезнь – знак нашей конечности, «бытия-к-смерти» (по Мартину Хайдеггеру).

Фредрик Свенеус описывает здоровье и болезнь как два противоположных модуса человеческого бытия-в-мире: домашняя и недомашняя жизнь-в-мире. Быть больным – значит чувствовать себя не дома в своем бытии-в-мире, испытывать дезориентацию, беспомощность, отчаяние вместо домашнего уюта здоровой жизни (см.: (Svenaeus, 2011)).

Конечно, не только болезни, но и другие несчастья (утрата близкого человека, заключение в тюрьму, потеря дома и средств к существованию и т. п.) являются примерами недомашнего бытия-в-мире. Однако, в отличие от этих трагедий, болезнь – это фатальное изменение смысловых структур не только внешнего мира, но и самого человека, когда на первый план выходит инаковость воплощенного «Я». Отчуждение происходит на уровне собственного тела. «Идти больше некуда, потому что тело не может быть оставлено» (Svenaeus, 2011: 341). Болезнь делает мир ненадежным, подлым, а тело – враждебным и предательским.

Феноменология тесно связана с нарратологией, так как для осмысления и разъяснения человеческого опыта необходима его структуризация – в виде нарратива (истории). В контексте феноменологии медицины нарративный подход используется как инструмент, помогающий пациенту сформулировать его опыт болезни, врачу – повысить навыки эмпатии, им обоим – установить диалогическую встречу.

Основоположником нарративной медицины, возникшей в нач. 2000-х гг., считается Рита Харон (Charon, 2006). С точки зрения нарративного подхода нет какого-либо единого общеобязательного объективного знания о мире (в этом сходство с феноменологией и нормативизмом), есть лишь его привилегированные интерпретации.

Нарративный подход в медицине самообосновывается тем очевидным фактом, что большая часть клинической практики строится на нарративах: медицинская встреча начинается с рассказывания пациентом своей истории, описания жалоб и страданий. Даже пациент без сознания, не способный рассказать свою историю, охватывается нарративом, так как такие пациенты обычно поступают в медицинское учреждение с сопроводительной документацией. В любом случае, тела пациентов читаются врачами как тексты. Дальнейшие наблюдения над пациентами вплетают новые сведения в ткань текста.

Врач (вопреки извечному страху науки перед подрывающим чистоту эксперимента вмешательством исследователя) не может и не должен быть сторонним безразличным слушателем. Он становится активным интерпретатором и, как утверждает Марк Х. Уэймак, редактором, переводчиком и даже соавтором (Waymack, 2009). Благодаря этому субъективный нарратив пациента преобразуется в квазиобъективный медицинский нарратив.

Нарративный подход прокладывает мост между неизбывной уникальностью каждого человека и необходимостью выражения этой уникальности в объективных научных терминах. Задача, сложность которой смущала еще Аристотеля и заставила его отказать медицине в статусе науки.

Более того, болезни, согласно Кэтрин Монтгомери, «это нарративы с узнаваемыми вариациями, разворачивающимися

во времени» (Montgomery, 1991: 63). Благодаря диагностике их можно отнести к определенному «жанру» современной медицинской нозологии. То есть не только медицинские встречи, но даже сами болезни (в медицинском смысле) воспринимаются как нарратив.

Таким образом, следует констатировать, что гуманистическая концептуализация болезни выросла из желания преодолеть натуралистическое, присущее биомедицине, видение болезни, которое обвиняется в физикализме и биологическом детерминизме. Но, в отличие от нормативизма, ревизия производится не с позиции культурного релятивизма и социального конструктивизма, а на основании философски отрефлексированного личного опыта пациента, его субъективных переживаний.

Категория болезни в контексте противопоставления биомедицинской и гуманистической моделей медицины

Как можно заметить из вышеизложенного, гуманистическая модель медицины уделяет внимание не столько болезни как патологическому сбою в нормальном функционировании организма (это прерогатива биомедицины), сколько страданию от болезни. Притом страдание – не синонимично боли: боль не является ни необходимым, ни достаточным условием страдания (Hofmann, 2017: 131). Можно страдать без боли (и даже намеренно причинять себе боль в попытке отвлечься от страдания) и можно испытывать боль без какого-либо страдания (например, во время спортивных тренировок). Боль – это сенсорный опыт, страдание же более глобально и разрушительно: оно подрывает целостность, достоинство, автономию личности, представляет собой угрозу человеческой деятельности, лишает человека опоры в мире.

Дихотомия между болезнью и страданием от нее влечет за собой дихотомию между лечением и исцелением. Если биомедицина сосредоточена на лечении, то гуманистическая модель – на исцелении. Цель лечения – откат, насколько это возможно, к прежнему (до болезни) состоянию, цель же исцеления – трансформация самого человека через создание нового смысла в жизни, обретение нового места в мире. Баланс (с собой, с миром) восстанавливается, но не через возврат к прежнему статус-кво, а через создание новой точки равновесия (см.: (Szawarska, 2017)). Поэтому исцеление возможно при отсутствии лечения и даже перед лицом неминуемой смерти (см.: Toombs, 2019). Исцеление, в отличие от лечения, внимательно не только к физической и психологической сторонам болезни (на чем останавливается биомедицина), но и к социальной, духовной, экзистенциональной сторонам.

По мнению Джеймса Маркума, основное расхождение (из которого вытекают все остальные) между биомедицинской и гуманистической моделями связано с тем, что первая модель фокусируется на логосе (рациональности) техники, а вторая – на этосе (характере) заботы (Marcum, 2008a).

По моему мнению, все дело в том, что объектом исследования двух моделей медицины являются разные, дихотомически противопоставленные, аспекты болезни: если биомедицину интересует сущность болезни (заболевания) как объективного биологического патологического явления, то гуманистическую модель – воздействие болезни на человека и ее субъективное восприятие человеком. Поэтому болезнь изучается с двух разных ракурсов: с объективной (и объективирующей) профессиональной точки зрения от третьего лица (врача или ученого) и с субъективной точки зрения от первого лица (самого больного), соответственно. В англоязычной литературе это различие выражено терминологически – в дихотомии disease/illness (Гилязова, 2023: 89).

Впрочем, данное разграничение сфер внимания и исследования не смягчает накал их взаимных претензий (особенно острых со стороны гуманистической модели). Предлагаю рассмотреть основательность их критики.

Биомедицинская и гуманистическая модели: критический анализ

Биомедицину принято критиковать за продвижение отстраненного, безличного и технократического подхода к медицинскому обслуживанию, вбивающему клин в человекоориентированные отношения врача и пациента (Аверкина, 2014; Вольферц, Черданцева, Лукин-Григорьев, 2021; Синюкова, 2018). Впрочем, эта критика не совсем справедлива: многие медицинские специальности (например, гериатрия, неврология и онкология, не говоря уже о паллиативной медицине), будучи нацелены не только на лечение, но и на долгосрочную помощь, немыслимы без неотъемлемых составляющих этой помощи – ухода и заботы.

Более основательной выглядит критика биомедицины за то, что в ней до сих пор довольно прочно укоренена унаследованная от картезианского мировидения метафора человеческого тела как машины, ныне трансформированная (благодаря достижениям в области нейронаук) в метафору компьютера. Объектом медицинского вмешательства оказывается отдельный орган или ткань, остальное тело (а тем более сам человек как единство тела, души и духа) отодвигается на периферию внимания врача.

В противовес такому подходу гуманистическая модель продвигает (и в этом ее заслуга) холистический подход к человеку. Проблема в том, что есть риск непроизвольно перейти тонкую грань от осознания фундаментальной слитости Я и живого тела к идентификации Я через болезнь, а затем – к сжатию Я до болезни. В этом плане биомедицинское восприятие болезни как локализованной неисправности может защитить больного от его редукции к его болезни, помочь (через введение психологической дистанции) поставить болезнь под контроль.

Нельзя не отметить и свойственную (в силу ее опоры на довольно слабую версию гуманизма, сведенного к эмоциональности и интерсубъективности) гуманистической модели ограниченность: сосредотачиваясь на эмоционально-психологической стороне медицинской практики, она пренебрегает общественным здоровьем и системой здравоохранения. Как следствие – представители данной модели медицины много толкуют о хороших врачах, но мало задумываются о собственно хорошей медицине. Это дает основание Джульетте Ферри-Данини спрашивать: «Что хорошего в лучшей технической медицинской процедуре, если она недоступна? Что хорошего в самом лучшем и сострадательном докторе, если он недоступен или не может прописать жизненно важные лекарства?» (Ferry-Danini, 2018: 73). Так что в медицинский дискурс должны быть инкорпорированы не только ценности сострадания, сопереживания, уважения, автономии и свободы (на которых заостряет внимание гуманистическая модель), но также не менее важные ценности справедливости и доступности.

К тому же приоритетность личного опыта в гуманистической модели препятствует теоретизированию тех состояний, которые возникают до развития (само)сознания или при его деградации (деменция), или остановке (кома). В любом случае, суждение о болезни и здоровье требует выхода за пределы чисто субъективных переживаний и личного опыта в сферу объективного биомедицинского знания.

Притом следует признать, что именно развитие «объективирующих» биомедицинских технологий, которые способствуют углубленному постижению генетических, биохимических и отчасти даже социокультурных особенностей людей, прокладывает путь для персонализированной медицины, внимательной к уникальности каждого пациента. Тем самым научный, биомедицинский подход к болезни сближается с гуманистическим подходом.

Впрочем, даже восставая против биомедицины («научно компетентной медицины» по Рите Харон (Charon, 2006: 3)), многие приверженцы гуманистической модели стремятся все же не заменить и не отменить ее, а дополнить.

Со своей стороны, считаю, что у обеих моделей больше точек соприкосновения, чем противоречий (поэтому и стрелы критики (особенно в сторону биомедицины) зачастую летят мимо). Это отражено и в известной сентенции: медицина считается самой гуманной из наук и самой научной из гуманитарных наук.

Заключение

Обе точки зрения на болезнь – и биомедицинская нейтральная, претендующая на объективность, точка зрения от третьего лица, и гуманистическая субъективная точка зрения от первого лица – должны не противопоставляться, а дополнять друг друга и взаимообогащать. Это позволит умерить склонность биомедицины «не видеть деревья за лесом» (отдельных людей, врачей и пациентов с их проблемами, – из-за ее интенсивной технологизации и сверхспециализации), и склонность гуманистической модели «не видеть леса за деревьями» (что сказывается в неоправданном сужении медицины до диадической медицинской встречи врача и пациента).

В завершение данного размышления позволю себе отметить, что и биомедицинская (отражающая точку зрения от третьего лица), и гуманистическая (отражающая точку зрения от первого лица) модели медицины явно пренебрегают возможностью рассмотрения категории болезни от второго лица, или, согласно философии диалогического персонализма Мартина Бубера, опыта Я-Ты. Хотя многие люди на практике испытали этот опыт (ухаживая за своими родными или принимая заботу от них в качестве больного), но философия медицины недостаточно артикулирует этот опыт. Его теоретизация в будущих исследованиях могла бы помочь навести и упрочить мосты между биомедицинской и гуманистической моделями медицины.

Литература

Аверкина, Е.И. Гуманитарное пространство медицинского дискурса // Философские науки. 2014. № 12. С. 111-118.

Вольферц, М.В., Черданцева, И.В., Лукин-Григорьев, В.В. «Другой – объект» как предметный уровень коммуникации между врачом и пациентом // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 1 (139). С. 24-29. DOI: https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.003.

Гилязова О.С. Категории здоровья и болезни в философии медицины: биомедицинская и гуманистическая модели // Сибирский философский журнал. 2023. Т 21. № 2. С. 81–92. DOI: https://doi.org/10.25205/2541-7517-2023-21-2-81-92.

Лаврентьев, А.В. Философско-медицинский и теологический ракурсы осмысления феномена болезни // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 167-179. DOI: https://doi.org/10.47132/1814-5574_2022_4_167.

Светличная, Т.Г., Смирнова, Е.А. Медикализация девиаций как инструмент социального контроля // Logos et Praxis. 2022. Т. 21. № 2. С. 91-103. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.10.

Серебренникова, А.В. Философия медицины: современные аспекты // Национальная ассоциация ученых. 2022. № 79 (1). С. 40-43. DOI: https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2022.1.79.596.

Синюкова, Н.А. Субъективизация опыта болезни как гуманистическая парадигма современной медицины // Сибирский философский журнал. 2018. № 16 (4). С. 147-158. DOI: https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-4-147-158.

Шенк, В.С. Философская проблема: как мы должны определять здоровье и болезнь? // Рефлексия. 2022. № 6. С. 84-89.

Baronov, D. Biomedicine: An ontological dissection // Theoretical Medicine and Bioethics. 2008. No. 29. Pp. 235-254. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-008-9070-4.

Boorse, C. A second rebuttal on health // The Journal of Medicine and Philosophy. 2014. Vol. 39. No. 6. Pp. 683-724. DOI: https://doi.org/10.1093/jmp/jhu035.

Carel, H. Illness: The cry of the flesh. Stocksfield: Acumen, 2008. 147 p.

Carel, H. Phenomenology as a Resource for Patients Get Access Arrow // The Journal of Medicine and Philosophy. 2012. Vol. 37. No. 2. Pp. 96-113. DOI: https://doi.org/10.1093/jmp/jhs008.

Charon, R. Narrative medicine: Honoring the stories of illness. Oxford: Oxford University Press, 2006. 288 p.

Chin-Yee, B., Upshur, R.E.G. Re-evaluating concepts of biological function in clinical medicine: towards a new naturalistic theory of disease // Theoretical Medicine and Bioethics. 2017. No. 38. Pp. 245-264. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-017-9410-3.

Ferry-Danini, J. A new path for humanistic medicine // Theoretical medicine and bioethics. 2018. Vol. 39. No. 1. Pp. 55-77. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-018-9433-4.

Hofmann, B. Suffering: Harm to Bodies, Minds, and Persons // Schramme, T., Edwards, S. (eds). Handbook of the Philosophy of Medicine. Dordrecht: Springer, 2017. Pp. 129–146. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_63

Hucklenbroich, P. "Disease Entity" as the Key Theoretical Concept of Medicine // The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine. 2014. Vol. 39. Iss. 6. Pp. 609-633. DOI: https://doi.org/10.1093/jmp/jhu040.

Kingma, E. Disease as Scientific and as Value-Laden Concept // Handbook of the Philosophy of Medicine / Schramme T., Edwards S. (eds). Dordrecht: Springer, 2017. Pp. 45-64. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_75.

Marcum, J.A. An introductory philosophy of medicine: humanizing modern medicine. New York: Springer, 2008. 376 p. (a)

Marcum, J.A. Reflections on humanizing biomedicine // Perspectives in Biology and Medicine. 2008. No. 51. Pp. 392-405. (b)

Montgomery, K. Doctors' Stories: The Narrative Structure of Medical Knowledge. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991. 205 p.

Saborido, C., Moreno, A. Biological pathology from an organizational perspective // Theoretical Medicine and Bioethics. 2015. Vol. 36. No. 1. Pp. 83-95. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-015-9318-8.

Sadler, J.Z., Jotterand, F., Lee, S.C., Inrig, S. Can medicalization be good? Situating medicalization within bioethics // Theoretical medicine and bioethics. 2009. No. 30. Pp. 411-425. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-009-9122-4.

Solomon, M. Making medical knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2015. 261 p.

Svenaeus, F. Illness as unhomelike being-in-the-world: Heidegger and the phenomenology of medicine // Medicine, Health Care and Philosophy. 2011. No. 14. Pp. 333-343. DOI: https://doi.org/10.1007/s11019-010-9301-0.

Szasz, T.S. The Myth of Mental Illness: Foundations of a Theory of Personal Conduct. New York: Harper & Row, 1974. 159 p. DOI: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-017738-0.50007-7.

Szawarska, D. Curing and Healing: Two Goals of Medicine // Handbook of the Philosophy of Medicine / Schramme T., Edwards S. (eds). Dordrecht: Springer, 2017. Pp. 83-92. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_59.

Toombs, S.K. The healing relationship: Edmund Pellegrino's philosophy of the physician–patient encounter // Theoretical Medicine and Bioethics. 2019. No. 40. P. 217-229. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-019-09490-z.

Toombs, S.K. The meaning of illness: A phenomenological approach to the patient–physician relationship // Journal of Medicine and Philosophy. 1987. No. 12. Pp. 219-240.

Valles, S. Philosophy of Biomedicine // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E.N. Zalta. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/biomedicine/> (дата обращения: 01.12.2023).

Wakefield, J.C. Mental Disorders as Genuine Medical Conditions // Handbook of the Philosophy of Medicine / eds T. Schramme, S. Edwards. Dordrecht: Springer, 2017. Pp. 65-82. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_1.

Waymack, M.H. Yearning for certainty and the critique of medicine as "science" // Theoretical Medicine and Bioethics. 2009. No. 30. Pp. 215-229. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-009-9107-3.

References

Averkina, E. (2014), "Humanitarian Space of Medical Discourse", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 12, 103-110 (in Russ.).

Baronov, D. (2008), "Biomedicine: An ontological dissection", *Theoretical Medicine and Bioethics*, 29, 235-254. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-008-9070-4.

Boorse, C. (2014), "A second rebuttal on health", *The Journal of Medicine and Philosophy*, 39 (6), 683-724. DOI: https://doi.org/10.1093/jmp/jhu035.

Carel, H. (2008), *Illness: The cry of the flesh*, Acumen, Stocksfield, UK.

Carel, H. (2012), "Phenomenology as a Resource for Patients Get access Arrow", *The Journal of Medicine and Philosophy*, 37 (2), 96-113. DOI: https://doi.org/10.1093/jmp/jhs008.

Charon, R. (2006), *Narrative medicine: Honoring the stories of illness*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Chin-Yee, B. and Upshur, R. E. G. (2017), "Re-evaluating concepts of biological function in clinical medicine: towards a new naturalistic theory of disease", *Theoretical Medicine and Bioethics*, 38, 245-264. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-017-9410-3.

Ferry-Danini, J. (2018), "A new path for humanistic medicine", *Theoretical medicine and bioethics*, 39 (1), 55-77. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-018-9433-4.

Gilyazova, O. S. (2023), "Categories of health and disease/illness in the philosophy of medicine: biomedical and humanistic models", *Siberian Journal of Philosophy*, 21 (2), 81–92. DOI: https://doi.org/10.25205/2541-7517-2023-21-2-81-92 (in Russ.).

Hofmann, B. (2017), "Suffering: Harm to Bodies, Minds, and Persons", *Handbook of the Philosophy of Medicine*, in Schramme, T., Edwards, S. (eds), Springer, Dordrecht, 129–146. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_63

Hucklenbroich, P. (2014), "'Disease Entity' as the Key Theoretical Concept of Medicine", *The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine*, 39 (6), 609-633. DOI: https://doi.org/10.1093/jmp/jhu040.

Kingma, E. (2017), "Disease as Scientific and as Value-Laden Concept", in Schramme, T. and Edwards, S. (eds), *Handbook of the Philosophy of Medicine*, Springer, Dordrecht, 45-64. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_75.

Lavrentiev, A. V. (2022), "Philosophical-Medical and Theological Perspectives of Understanding the Phenomenon of Disease", *Christian Reading*, 4, 167-179. DOI: https://doi.org/10.47132/1814-5574_2022_4_167. (in Russ.).

Marcum, J. A. (2008a), *An introductory philosophy of medicine: humanizing modern medicine*, Springer, New York, USA.

Marcum, J. A. (2008b), "Reflections on humanizing biomedicine", *Perspectives in Biology and Medicine*, 51, 392-405.

Montgomery, K. (1991), *Doctors' Stories: The Narrative Structure of Medical Knowledge*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA.

Saborido, C. and Moreno, A. (2015), "Biological pathology from an organizational perspective", *Theoretical Medicine and Bioethics*, 36 (1), 83-95. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-015-9318-8.

Sadler, J. Z., Jotterand, F., Lee, S. C. and Inrig, S. (2009), "Can medicalization be good? Situating medicalization within bioethics", *Theoretical medicine and bioethics*, 30, 411-425. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-009-9122-4.

Schenk, V. S. (2022), "Philosophical problem: how should we define health and disease?", *Refleksiya* [Reflection], 6, 84-89. (in Russ.)

Serebrennikova, A. V. (2022), "Philosophy of medicine: Modern aspects", *The National Association of Scientists*, 79 (1), 40-43, DOI: https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2022.1.79.596. (in Russ.).

Sinyukova, N. A. (2018), "Subjectivization of the illness experience as a humanistic paradigm of modern medicine", *The Siberian Journal of Philosophy*, 16 (4), 147-158, DOI: https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-4-147-158 (in Russ.).

Solomon, M. (2015), *Making medical knowledge*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Svenaeus, F. (2011), "Illness as unhomelike being-in-the-world: Heidegger and the phenomenology of medicine", *Medicine, Health Care and Philosophy*, 14, 333-343. DOI: https://doi.org/10.1007/s11019-010-9301-0.

Svetlichnaya, T. G. and Smirnova, E. A. (2022), "Medicalization of deviations as a tool of social control", *Logos et Praxis*, 21 (2), 91-103, DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.10 (in Russ.).

Szasz, T. S. (1974), *The Myth of Mental Illness: Foundations of a Theory of Personal Conduct*, Harper & Row, New York, USA. DOI: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-017738-0.50007-7.

Szawarska, D. (2017), "Curing and Healing: Two Goals of Medicine", in Schramme, T. and Edwards, S. (eds), *Handbook of the Philosophy of Medicine*, Springer, Dordrecht, 83-92. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_59

Toombs, S. K. (1987), "The meaning of illness: A phenomenological approach to the patient–physician relationship", *Journal of Medicine and Philosophy*, 12, 219-240.

Toombs, S.K. (2019), "The healing relationship: Edmund Pellegrino's philosophy of the physician–patient encounter", *Theoretical Medicine and Bioethics*, 40, 217-229. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-019-09490-z.

Valles, S. (2020), “Philosophy of Biomedicine”, in Zalta, E. N. (ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Online], available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/biomedicine/> (Accessed 01 December 2023).

Wakefield, J. C. (2017), “Mental Disorders as Genuine Medical Conditions”, in Schramme, T. and Edwards, S. (eds), *Handbook of the Philosophy of Medicine*, Springer, Dordrecht, 65-82. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_1.

Waymack, M. H. (2009), “Yearning for certainty and the critique of medicine as “science””, *Theoretical Medicine and Bioethics*, 30, 215-229. DOI: https://doi.org/10.1007/s11017-009-9107-3.

Wolferts, M. V., Cherdantseva, I. . and Lukin-Grigoriev, V. V. (2021), “‘The other – object’ as a subject level of communication between a doctor and a patient”, *Herald of Vyatka State University*, 1 (139), 24-29, DOI: https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.003 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Гилязова Ольга Сергеевна, кандидат философских наук, доцент Центра развития универсальных компетенций, Уральский федеральный университет, ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, 620002, Россия; *olga_gilyazova@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Olga S. Gilyazova, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Center for the Development of Universal Competencies, Ural Federal University, 19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; *olga_gilyazova@mail.ru*

УДК 371.48 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-3**

Штец А. А.

Развивающее обучение в отечественной букваристике XIX века

Севастопольский государственный университет,
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, 299053, Россия; *ashtec@mail.ru*

Аннотация. В статье представлена проблематика определения на материале отечественной букваристики XIX века истоков появления и развития такого актуального сегодня в российском образовании явления, как развивающее обучение. На историческом материале дается анализ трех основных направлений развивающего обучения: свободного, рационального и естественного развития ребенка. Показаны педагогические принципы и методические находки учителей народной школы XIX века, которые заново переоткрываются сегодня в процессе поиска эффективных гуманистических способов обучения чтению и письму.

Ключевые слова: отечественная букваристика; развивающее обучение; методика обучения грамоте; свободное, рациональное и естественное развитие; начальное образование; методы обучения

Для цитирования: Штец А.А. Развивающее обучение в отечественной букваристике XIX века // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 29-39. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-3

A. A. Shtets

Developmental education in Russian alphabet literature of the 19th century

Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation; *ashtec@mail.ru*

Abstract. Based on the material of Russian alphabet studies of the 19th century, the article presents the problems of determining, the origins and development of such a relevant phenomenon in Russian education today as developmental education. Based on historical material, an analysis is given of the three main directions of developmental education: free, rational and natural development of the child. The pedagogical principles and methodological findings of public school teachers of the 19th century are shown, which are being rediscovered today in the process of searching for effective humanistic ways of teaching reading and writing.

Keywords: domestic alphabet writing; developmental training; literacy teaching methods; free, rational and natural development; elementary education; teaching methods

For citation: Shtets A.A. (2023), “Developmental education in Russian alphabet literature of the 19th century”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 29-39, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-3

В настоящее время в российской педагогической среде принято считать, что основателями и разработчиками теории развивающего обучения являются психологи Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов. Нужно признать, что сами психологи и их адепты сделали все для такого положения вещей. Действительно, после чтения многочисленных работ современных исследователей, посвященных развивающему обучению, складывается впечатление, что именно Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов были первооткрывателями системы развивающего обучения, которая сегодня в общем образовании и носит их имя.

Тем не менее, ситуация как с понятием «развивающее обучение», так и с его содержанием не такая уж и однозначная. Достаточно отметить, и это хорошо известно в истории педагогики, что термин «развивающее обучение» был введен в начале XVIII века швейцарским педагогом И.Г. Песталоцци, который не только обосновал это понятие, но и реализовал основные положения в собственной образовательной системе (приют в Станцах). В данном случае принципиально важно то, что в своей концепции развивающего обучения И.Г. Песталоцци был отнюдь не романтиком: в обосновании концепции он непосредственно опирался на принцип природосообразного обучения Я.А. Коменского. Если учесть, что В.В. Давыдов выступил с отрицанием данного принципа как тормоза, мешающего формированию у детей научно-теоретического мышления, то становится понятным, чем обусловлена «забывчивость» истории педагогики.

В России идеи развивающего обучения были подхвачены и развиты во второй половине XIX века, причем сразу в трех направлениях. И это обстоятельство также крайне невыгодно признавать современным адептам развивающего образования. За исключением отдельных исследований разработанные в дореволюционной России концепции развивающего обучения просто замалчиваются: это хорошо видно на примере недавно вышедшего учебного пособия для вузов «История отечественного образования и педагогики» Е.А. Князева (Князев, 2023).

Первую методическую систему обучения грамоте, которая может быть отнесена к развивающему обучению, предложил российский педагог и методист Иосиф Иванович Паульсон. Она опиралась на известную в первой половине XIX века концепцию «способа нормальных слов» немецких методистов К. Фогеля и А. Бёме. В 1860 году выходит в свет «Книга для чтения и практических упражнений в русском языке» И.И. Паульсона, а в 1862 году – «Букварь для соединенного обучения чтению и письму». Теоретическое обоснование концепции развивающего обучения И.И. Паульсон сделал значительно позже в своей монографии (Паульсон, 1887).

Принадлежность концепции И.И. Паульсона к развивающему обучению обнаруживается в главной идее, на которой сконцентрировал свое внимание ученый: *ребенок должен развиваться свободно и самостоятельно через постоянное побуждение к самодеятельности*. Таким образом, по своему содержанию система развивающего обучения И.И. Паульсона может определяться как педагогическая концепция свободного развития ученика, которая предполагала деятельностное обучение. В основу такого обучения была положена творческая деятельность, включавшая три вида самодеятельности:

- воспроизведение смысла слова на основе деятельности рисования;
- списывание слова для воспроизведения рукописной формы слова;
- конструирование для воспроизведения новых слов.

Кроме этого, И.И. Паульсон внес в структуру своей методической системы целый ряд усовершенствований, которые усилили и всю концепцию свободного развития ребенка в обучении грамоте.

Во-первых, он разделил весь курс обучения грамоте на два периода: подгото-

вительный и основной, разработав для каждого специальные комплексы заданий. Сначала учащиеся знакомились с буквами, обозначающими гласные звуки, потом переходили к буквам согласных звуков. Все буквы при этом были распределены в группы по способу их артикуляции, «по органам речи»: *а, о, у, е, и, ы…*; затем: *б, п, м; д, т, н; р, л; в, ф; г. к, х; з, с, ж. ш; ц, ч, щ*. Эта последовательность иллюстрирует и подтверждает методически реализованное стремление И.И. Паульсона двигаться в обучении ребенка путем развития его речевого аппарата, помогая преодолевать имеющиеся у него затруднения и проблемы, в целом, – идти от ребенка. Таким образом, И.И. Паульсон кладет в основу группового изучения букв принцип нейтрализации логопедических трудностей в речи учащихся.

Во-вторых, И.И. Паульсон добавил к иллюстрациям значений слов их буквенные образы, целостные и по частям – буквы, слоги, буквосочетания – в рукописном и печатном виде, в разных формах, для более успешного освоения детьми навыками чтения и письма (см. рис. 1).

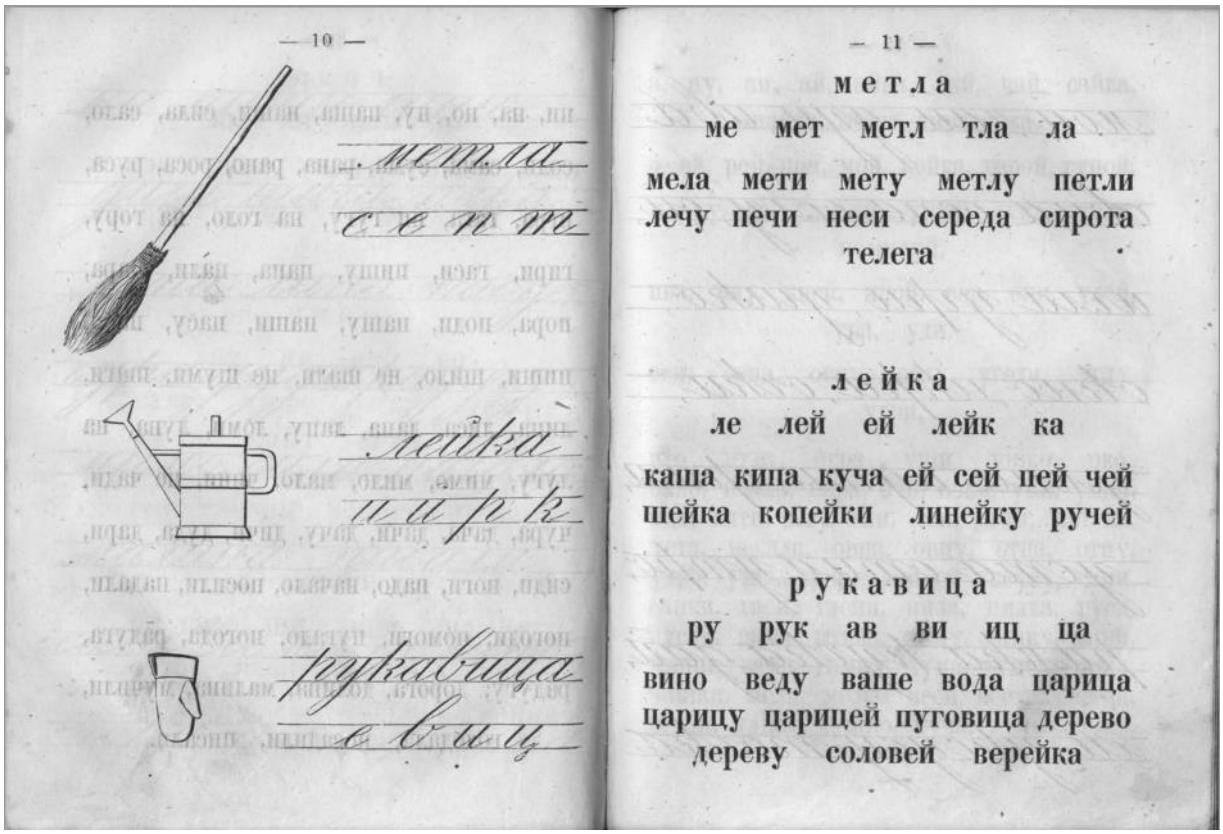


Рис. 1. Страницы 10-11 из «Первой учебной книжки» И. Паульсона 1868 г.
Fig. 1. Pages 10-11 from the “First Educational Book” by I. Paulson, 1868

При детальном рассмотрении инноваций в методической системе И. Паульсона обнаруживается, что методист фактически выходит на реализацию генетического метода (способа) обучения грамоте. Своеобразие генетического метода И. Паульсона обнаруживается в данном им самим для учителей методическом пособии, описывающем «ход и приемы» наглядного обучения грамоте (Паульсон, 1868). В начале проводилась беседа о предмете, изображенном на иллюстрации учебника, затем его срисовывали, далее переходили к изображению элементов букв, описывая внешний

вид и качества предмета, комментируя действия с ним, все время переходя от изображения к слову и обратно. Наглядное обучение использовало ряд приемов для перехода от рисунка к слову:

1) выделение в словах звуков и букв, разложение букв на элементы для письма;

2) написание букв под тактирование;

3) составление слогов с помощью «подвижных букв» и их чтение;

4) составление слов и их систематические письмо.

Как видно, действия графического письма выводятся в обучении из деятельности рисования. С нашей точки зрения, реализация таким образом генетического метода может квалифицироваться как принцип опоры обучения письму на рисование.

Общую оценку развивающего подхода И.И. Паульсона к обучению грамоте дали современные исследователи его творчества Н.М. Старцева и Е.Ю. Ромашина: «Переработав системы Фогеля и Беме, приспособив их к материалу русского языка, Паульсон стремился дать учителю простор для творчества, предлагал ему стать полноправным соучастником процесса, соединить в одном предмете все дисциплины первоначального обучения. Это должно было способствовать тому, что ребенок не станет скучать за однообразным рисованием палочек или чтением “складов”, а будет, во-первых, переключаться с одного вида деятельности на другой, а во-вторых, научится воспринимать мир целостно» (Старцева, Ромашина, 2016: 215).

Необходимо добавить, что концепция развивающего обучения письму-чтению И.И. Паульсона разрабатывалась и другими российскими букваристами (В. Александровым, В.С. Гербачом, Ф.Ф. Павленковым, Ф.Ф. Пуцыковичем, И.Ф. Шарловским и др.) вплоть до конца XIX века, образовав в отечественной методике обучения грамоте особое направление свободного развития ребенка, но наивысшего уровня в совершенствовании этой системы достиг Флорентий Федорович Павленков.

Ф.Ф. Павленков разработал наглядно-звуковой способ обучения грамоте, который был использован в «Наглядной Азбуке», изданной в 1873 году. Такой способ предполагал, чтобы ученик сначала познакомился с несколькими буквами гласных и согласных звуков. После такого знакомства ученику показывалась картинка с подписанным под ней названием изображенного предмета. В азбуке Ф.Ф. Павленкова таким предметом выступало слово *ус*.

Далее совместно с учителем определялось название предмета, которое разлагалось на звуки. Опираясь на слово под иллюстрацией, учитель указывал ученику на знакомую ему первую букву *у*. После этого ученик самостоятельно приходит к пониманию, что вторая буква слова *с*, есть знак звука [с]. Сделанное открытие закрепляется выделением новой буквы в словах *усы, оса, оси*, которые также сопровождаются иллюстрациями. Таким образом, с помощью иллюстрированных слов ученики постепенно знакомились с другими буквами алфавита и самостоятельно научались читать, не испытывая проблем с различного рода букво- или звукослияниями.

В целом методическая система Ф.Ф. Павленкова включала в «Наглядной Азбуке» 800 рисунков, лист разрезных букв, хрестоматию, состоявшую из 16 иллюстрированных рассказов, 127 пословиц, 118 загадок, 20 скороговорок и системы различных задач: 111 буквенных задач, 55 ребусов или задач для письма из соединения слов с картинками и 35 картинных задач под заглавиями: «Бывает ли так?» и «Может ли это быть?» (см. рис. 2). Использование такого количества разнообразных задач означало, что методист впервые реализовал один из важнейших принципов развивающего обучения – принцип учебных и учебно-практических задач, который действительно обеспечивал в обучении субъектность ребенка, давая ему возможность самостоятельно осваивать деятельность чтения.

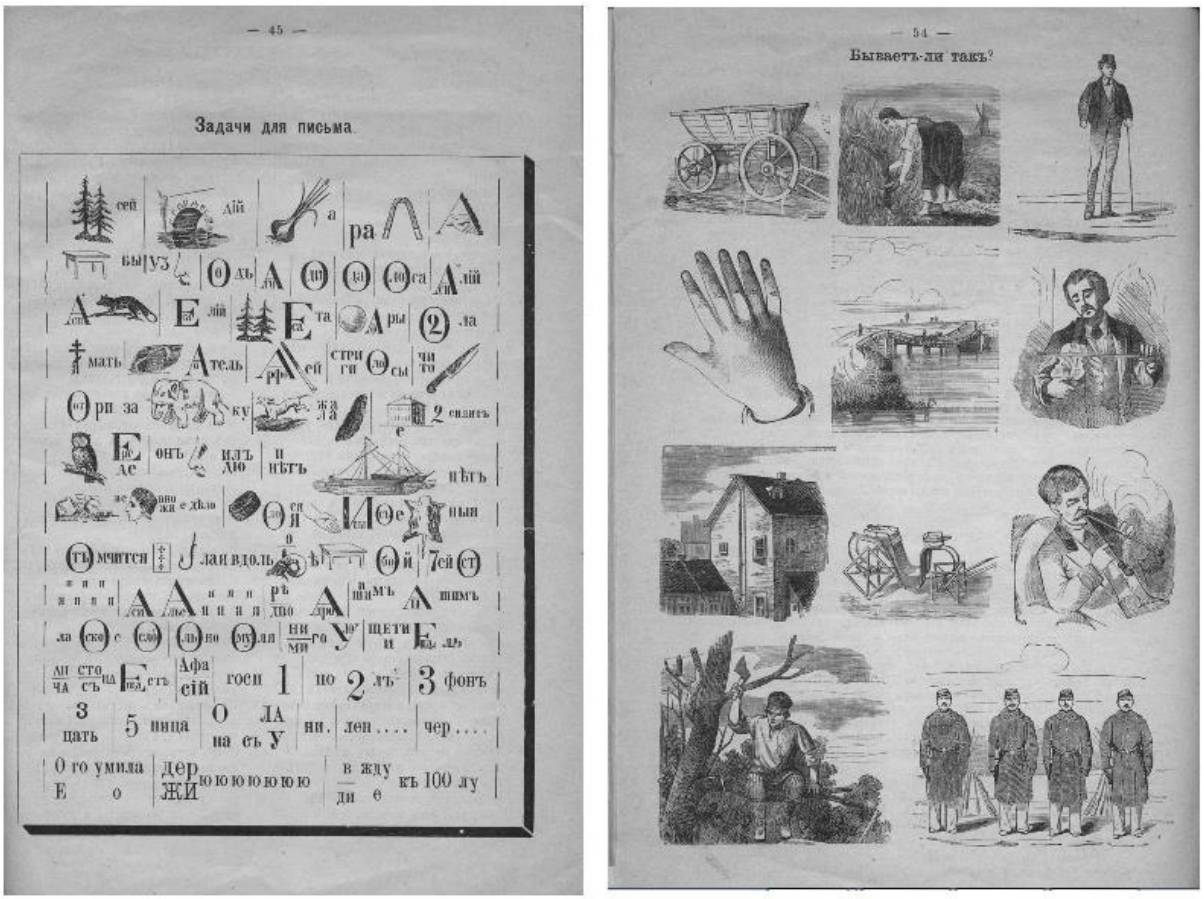


Рис. 2. Страницы 45 и 54 из «Наглядной Азбуки» Ф. Павленкова 1873 г.
Fig. 2. Pages 45 and 54 from “Visual ABC” by F. Pavlenkov, 1873

Необходимо отметить, что, благодаря выдающемуся организатору земского просвещения Н.А. Корфу, методическая система Ф.Ф. Павленкова обсуждалась на международной конференции, которая состоялась 2 июля 1873 года в Вене. Как писали Санкт-Петербургские Ведомости (№ 183 от 6 июля 1873 г.), ведущие методисты Австрии, Америки, Венгрии, Германии, Швеции и других стран, принимавшие участие в конференции, пришли к единодушному заключению:

1. «Наглядная Азбука» представляет совершенно новый в Европе и Америке, истинно наглядный способ обучения чтению и письму, и есть значительный шаг вперед по сравнению с методом Фогеля-Бёме, в котором наглядность при обучении намного меньше, чем в русской «Наглядной Азбуке».

2. «Наглядная Азбука» лучше всех, до сих пор изданных и известных конференции руководств, обеспечивает самодеятельность учащихся, чем и может оказать неоценимые услуги школе.

3. Необходимо и в других государствах в интересах подрастающего поколения применить основную идею русской «Наглядной Азбуки» к обучению чтению и письму.

Впервые отечественная методика обучения грамоте получила такую высокую международную оценку. В настоящее время попытки применить в отечественном образовании идеи свободного развития, правда не столь успешно, продолжают предприниматься: например, в 1990-х гг. в «Школе свободного развития» А.В. Хуторского или сегодня в «Хорош-школе» Г. Грефа.

Ко второму не менее распространенному в России направлению развивающего обучения следует отнести концепцию К.Д. Ушинского, которая была реализована в 1864 году в виде учебно-методического комплекса «Родное слово. Книга для учащих» (см. рис. 3). По мнению К.Д. Ушинского, в обучении детей вся их разнообразная деятельность должна направляться к одной цели – «ко всестороннему развитию телесного и душевного организма дитяти» (Толстой, 1872: 221). Как видно, обучение рассматривается педагогом как одно из условий развития ребенка, и следовательно, «Родное слово» может относиться к системе развивающего обучения. На это обстоятельство обратил внимание известный исследователь наследия ученого Э.Д. Днепров, отметив, что в «Родном слове» «главным оставалось *развитие самого ребенка* в школе и средствами школы» (Днепров, 2002: 358).

Свою методику обучения грамоте К.Д. Ушинский квалифицировал как «новейший рациональный способ», который «следует, в отличие от всех прочих, назвать *историческим*, потому что он основан на способе, которым, как можно предполагать, был изобретен письменный язык» (Толстой, 1872: 249). С этой точки зрения, следует говорить о методике обучения грамоте К.Д. Ушинского как о рационально-историческом варианте системы развивающего обучения.

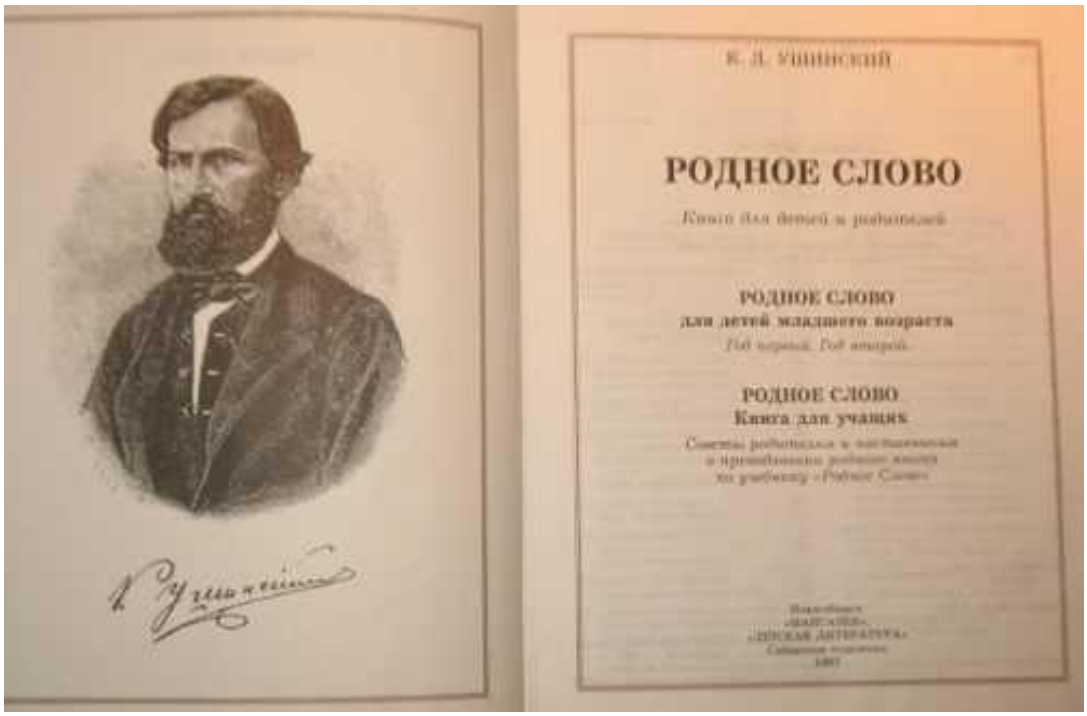


Рис. 3. Первый разворот из «Родного слова» К.Д. Ушинского 1864 г.
Fig. 3. The first spread from “Native Word. A book for teachers" by K.D. Ushinsky, 1864

Такая квалификация методической системы К.Д. Ушинского опирается на выделенные самим педагогом следующие характеристики его основного способа обучения:

«1) приучить глаз и руку дитяти к письму элементов букв;

2) приучить слух дитяти к отыскиванию отдельного звука в слове;

3) приучить язык дитяти к отчетливому произношению звуков;

4) приучить внимание дитяти останавливаться на словах и звуках, их составляющих;

5) приучить и глаз, и руку, и слух, и язык, и внимание дитяти разлагать и складывать слова, представляемые в уме, произносимые, писанные и печатные» (Ушинский, 2015: 382).

Это описание представляет целостный аналитико-синтетический метод обучения письму-чтению, в основе которого закладывается компонент письма (1), и на ней, развивая звуковой анализ (2, 3, 4) и синтез (5), достигается уровень чтения печатного слова (5).

При всей своей внешней простоте ведущий способ обучения К.Д. Ушинского представлял собой оригинальную отечественную методику обучения грамоте в составе новой концепции начального обучения в школе. Педагог впервые обосновал подход к обучению грамоте не столько в узких рамках присущих ей особенностей, сколько системно – с учетом места и роли обучения грамоте в системе начального образования с ее спецификой.

В своих педагогических работах К.Д. Ушинский формулирует фундаментальные положения, которые являются и научным основанием его методики обучения грамоте, а именно:

- воплощение развивающей направленности начальной школы;
- реализация ее комплексного (интегрального типа) учебного курса;
- решение в составе данного курса задач обучения родному языку.

По существу, с концепции К.Д. Ушинского начинается научно-теоретическое обоснование методики обучения грамоте на уровнях методологии, педагогики и лингводидактики, то есть трехуровневой теории, центральное место в которой занял основополагающий труд ученого «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (1868–1869). С этой точки зрения, методика К.Д. Ушинского изначально создавалась на антропологической основе как система развивающего обучения грамоте и шире – русскому языку.

Новаторский характер концепции рационально-развивающего обучения грамоте К.Д. Ушинского поддержали и продолжили развивать такие известные дореволюционные методисты, как В.И. Водовозов, Д.И. и Е.Н. Тихомировы, Н.Ф. Бунаков, В.П. Вахтеров и многие другие.

Следует признать, что рациональный подход к развивающему обучению грамоте был реализован и в собственно научно-теоретическом плане на основе выделения слогового (позиционного) принципа русской графики. Впервые такой подход предложили независимо друг от друга букваристы А.А. Дмитревский, М.А. Тулов, а несколько позже М. Фенелонов. В 1874 году М.А. Тулов в своих методических работах поставил проблему применения звукового метода «в точном смысле этого слова», то есть на научной основе, или, по А.А. Дмитревскому, – по фонетическому способу. Используя открытия, сделанные в фонетике лингвистами Г. Гемгольцем, К. Таузингом, а также академиком Я.К. Гротом, методисты обосновали исходные положения фонетического способа обучения чтению, согласно которому, например в «Добро-Азбуке» А.А. Дмитревского, буквы изучались парами в следующей последовательности: *А а – Я я; О о – Ё ё; У у – Ю ю; ы – И и; Э э – Е е.*

По М.А. Тулову, научные основы закономерностей русской графики объяснялись учащимся следующим образом:

1. На примерах учащимся показывалось, что слова состоят из слогов, а слоги – из звуков, которые на письме изображаются своими буквами. Всего в русской азбуке 36 букв. Одни буквы обозначают гласные звуки, другие – согласные. Гласными звуками называются те, которые можно произнести протяжно и запеть голосом, например *ааа, ооо, ууу*; согласными называются те, которые можно только выговорить известными движениями органов речи, но нельзя запеть голосом, например *б, д, с, ф*.

2. При знакомстве учащихся с буквою *в* нужно произносить только звук, изображаемый этой буквой, а не ее название – *вэ*

или *веди*. Если к звуку буквы *в* присоединить гласный звук буквы *а* и произнести оба звука слитно, то есть одним движением уст, то образуется слог *ва*; если к звуку буквы *в* присоединить гласный звук буквы *о*, то получится слог *во*. Если соединить таким образом звук буквы *в* с гласными *а, о, у, э, ы*, то составятся слоги *ва, во, ву, вэ, вы*.

3. Когда за мягким согласным буквы *в* следует гласный звук *а*, то мягкий выговор буквы *в* отмечается на письме на следующей за буквой *в* гласной *а*, посредством буквы *я*, которая в этом случае выражает и гласный звук *а*, и знак мягкого выговора буквы *в* (см.: Толстой, 1872).

Таким образом, разработанная А.А. Дмитревским и М.А. Туловым методика обучения чтению впервые предлагала решение одной из важнейших проблем в обучении грамоте – реализацию осознанного обучения на основе повышения его научности, с учетом закономерности изучаемого материала – графики русского языка. Она существенно уточняла лингводидактические понятия методики рационально-развивающего обучения грамоте, разработанные К.Д. Ушинским, и поэтому может определяться как концепция рационально-понятийного варианта развивающего обучения грамоте. Данная концепция продолжает разрабатываться и в настоящее время, с разной степенью успешности, в методических системах обучения грамоте Л.Е. Журовой, В.В. Репкина, Г.А. Цукерман и других.

Принципиально иной подход к развивающему обучению грамоте разработал и реализовал в своих учебниках «Азбука» (1872 г.) и «Новая азбука» (1875 г.) Л.Н. Толстой. Оригинальность как методики обучения первоначальному чтению, так и самого способа обучения, в частности, была настолько радикальной, что даже в настоящее время с трудом вписывается в традиционные систематизации методов обучения грамоте. Своим принципиально новым взглядом на образование и место в нем ребенка Л.Н. Толстой сразу же встал особняком не только в российской букваристике, но и в педагогике в целом.

С публикацией «Азбуки» (1872 г.) концепция Л.Н. Толстого не была воспринята большинством букваристов. Она подверглась жесткой критике, которая была обусловлена главным – попыткой оценить методику обучения чтению Л.Н. Толстого в рамках существовавших тогда подходов. Как правило, критиковались отдельные элементы и приемы методики в отрыве от той теории развивающего обучения, вне которой они просто не могли быть поняты. В целом, методическая система педагога-гуманиста не была по достоинству оценена и после того, как Министерство народного просвещения допустило «Новую Азбуку» к использованию в школьном обучении. Не прислушались букваристы даже к мнению авторитетного представителя звукового метода И.И. Паульсона, который справедливо заметил, что «Азбука» Л.Н. Толстого «вовсе уж не так несостоятельная, как это кажется некоторым передовым педагогам, и бесспорно может способствовать скорейшему распространению грамотности в народе» (Паульсон, 1887: 348).

В основу своей концепции обучения грамоте букварист Л.Н. Толстой положил «слуховой способ», выбор которого был обусловлен, главным образом, крайне негативным отношением к западноевропейским и отечественным системам обучения (воспитания). Толстой считал, что современная массовая школа – это школа принудительного обучения, которая возбуждает у детей только отвращение к образованию: она действует на ученика «одуряющим образом и отрывает его от тех необходимых условий развития, которые поставила для него сама природа» (Толстой, 1989: 66). Соответственно, Л.Н. Толстому нужна была школа, в которой ребенок мог развиваться по законам и условиям его природы, то есть свободно и естественно. Поэтому целеполагание правильной народной школы должно заключаться в развитии духовно-нравственной личности, а задачи обучения и воспитания – в формировании у ребенка творческого мышления и нравственного самосознания.

Приступая к разработке «Азбуки», педагог был убежден, что решение задачи возможно обычными наглядными средствами, которые применялись во множестве букварей для иллюстрации букв (см. рис. 4).

Кроме того, для успешного обучения чтению нужно применить максимально простой способ, который бы учитывал природу речевой деятельности, приспосабливал ребенка к законам письма, но при этом исходил от ребенка, его потребностей и трудностей как сознательного речедеятеля. В качестве такого метода Л.Н. Толстой использовал слуховой способ обучения, сущность которого заключалась «в том, чтобы выучивать буквы, называя их *бе, ве, ге, ме, ле, се, фе* и т. д., и потом складывать на слух, откидывая ненужную гласную *е* и наоборот…» (Паульсон, 1887: 81).

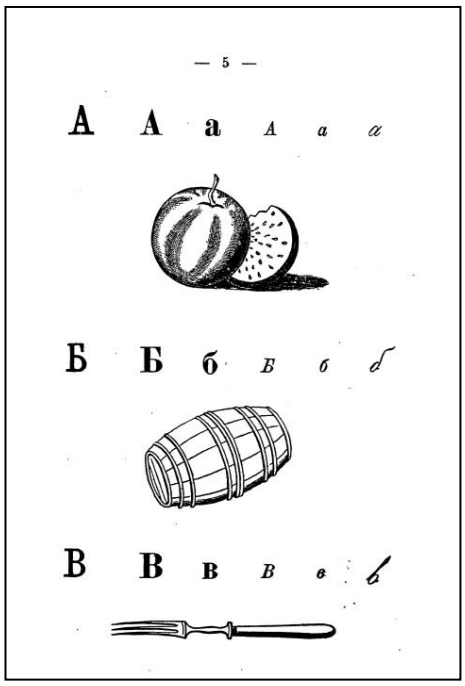


Рис. 4. Страница 5 из Азбуки Л.Н. Толстого 1872 г.
Fig. 4. Page 5 from L. N. Tolstoy's ABC, 1872

Несмотря на ориентацию слухового способа на преобразующую деятельность ученика с буквами, он все же сохранял и основное достоинство звукового метода – звуковая природа письма также осознавалась, но непосредственно в деятельности с буквами как графическими знаками звуков. Для этого Л.Н. Толстой специально универсализировал названия букв, но так, «чтобы ученик научился понимать значение согласного звука без присоединения какой-нибудь определенной гласной, и мог бы соединять его со всякою гласной» (Толстой, 1872: 134). Таким образом Л.Н. Толстой запустил механизм чтения слогов на основе их преобразования в нужные слоги. Тем не менее, как показали результаты экспериментального обучения, предпринятых мер для качественного обучения чтению оказалось недостаточно, и Л.Н. Толстой практически полностью перерабатывает учебный материал, фактически создавая в «Новой азбуке» оригинальную методическую систему, целиком направленную на развитие деятельности чтения. Для этого учебный материал располагается в логике постепенного и правильного нарастания его сложности:

1) от двухбуквенных слов к двухсложным словам, имеющим слог из одной гласной;

2) от двухсложных слов с гласною *е* и «ять» к двухсложным словам с трехбуквенными слогами;

3) от слов, в которых второй слог состоит из одной согласной и *ъ*, к словам со вторым слогом, состоящим из одной согласной и из *ь*;

4) от слов, в которых второй слог состоит из двух согласных с *ъ* и *ь*, к словам с *й* на конце;

5) от слов в три слога к словам со слогами в три и более согласных;

6) от слов с *й* в середине к словам с *ъ* и *ь* перед гласною и далее к словам с **ь** перед согласною;

7) от слов с удвоением согласных к словам с удвоением гласных.

Завершают развертывание учебного материала слова из четырех и более слогов.

В таком виде методическая система «Новой азбуки» строится уже не в движении от буквы к букве, а от чтения простых слогов к более сложным, где деятельность чтения поэтапно, то есть в циклическом режиме, развивается, приобретая все новые и новые качества. Фактически, в методической системе «Новой азбуки» получила свою реализацию принципиально новая концепция развивающего обучения – концепция естественного развития ребенка средствами обучения грамоте.

Таким образом, Л.Н. Толстой фактически разработал не столько концепцию свободного воспитания, как это утверждают многие исследователи, сколько теорию естественного развития личности ребенка в образовании. Ее сердцевину составляли три идеи: 1) свободного (т. е. не принудительного) развития творческого потенциала ребенка; 2) рационального (т. е. разумного) развития самосознания ученика; 3) персонифицированного (т. е. идущего от ученика, его проблем и запросов) развития личности ребенка.

В том или ином виде теорию естественного развития личности ребенка разрабатывали А. Анастасиев, В.Ф. Люстрицкий, М.И. Тимофеев, В.А. Флеров и другие исследователи, но в настоящее время она сведена лишь к проблеме здоровьесберегающего обучения.

Если сравнить потенциал представленных направлений развивающего обучения в отечественной букваристике XIX века, не сложно заметить, что наиболее сбалансированным является направление естественного развития личности ребенка, поскольку оно, с одной стороны, лишено однобокого и принудительного подхода к развитию ребенка, с другой – гармонично сочетает в себе все сильные стороны остальных направлений развивающего обучения, предлагая для отечественного образования по сути коэволюционный подход к реализации личностно развивающего обучения.

Литература

Днепров, Э.Д. Теория первоначального образования и учебные книги К.Д. Ушинского // К.Д. Ушинский. Русская школа. М.: Изд-во УРАО, 2002. 414 с.

Князев, Е.А. История отечественного образования и педагогики: Уч. пос. для вузов. М.: Юрайт, 2023. 236 с.

Паульсон, И.И. Методика грамоты по историческим и теоретическим данным: В 2 ч. Ч. 1: Историческая. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1887. 441 с.

Паульсон, И.И. Способ обучения грамоте по Первой учебной книжке: (Объяснение для преподавателя). СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1868. 81 с.

Старцева, Н.М., Ромашина, Е.Ю. «Первая учебная книжка» И.И. Паульсона (1868 г.): наглядное обучение русской грамоте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): В 4-х ч. Ч. 1. С. 212-216.

Толстой, Л.Н. Педагогические сочинения / вступ. ст. Н.В. Вейкшан (Кудрявой). М.: Педагогика, 1989. 542 с.

Толстой, Л.Н. Для учителя. К первой части // Азбука графа Л.Н. Толстого. Книга I. СПб.: Тип. Замысловского, 1872. 186 с.

Тулов, М.А. Руководство для обучающих чтению по Русскому букварю. Киев: ред. «Киевск. нар. календаря», 1875. 28 с.

Ушинский, К.Д. Русская школа. М.: Изд-во УРАО, 2002. 414 с.

Ушинский, К.Д. Русская школа / сост., предисл., коммент. В.О. Гусаковой; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 688 с.

References

Dneprov, E. D. (2002), "Theory of primary education and educational books by K. D. Ushinsky", *Ushinsky, K. D. Russkaya shkola* [Ushinsky, K. D. Russian school], Publishing House of the University of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia (in Russ.).

Knyazev, E. A. (2023), *Istoriya otechestvennogo obrazovaniya i pedagogiki: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [History of Russian education and pedagogy: A textbook for universities], Yurayt, Moscow, Russia (in Russ.).

Paulson, I. I. (1887), *Metodika gramoty po istoricheskim i teoreticheskim dannym: V 2 ch. Ch. 1: Istoricheskaya* [Literacy methodology based on historical and theoretical data: In 2 p. P. 1: Historical], Printing house of V. Bezobrazov and co., St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Paulson, I. I. (1868), *Sposob obucheniya gramote po Pervoy uchebnoy knizhke: (obyasnenie dlya prepodavatelya)* [Method of teaching literacy using the first textbook: (explanation for the teacher)], Printing house of V. Bezobrazov and co., St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Startseva, N. M. and Romashina, E. Yu. (2016), "'The first educational book' by I. I. Paulson (1868): visual teaching of Russian literacy", *Philology. Theory & Practice*, 12 (66), P. 1, 212-216 (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1989), *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical essays], Pedagogika, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1872), "For the teacher. To the first part", *Azbuka grafa L. N. Tolstogo. Kniga 1* [ABC of Count L. N. Tolstoy. Book I], Zamyslovsky's Printing house, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Tulov, M. A. (1875), *Rukovodstvo dlya obuchayushchikh chteniyu po Russkomu bukvaryu* [A guide for teaching reading using the Russian ABC book], Kievskiy narodny kalendar', Kiev, Russia (in Russ.).

Ushinskiy, K. D. (2002), *Russkaya shkola* [Russian school], Publishing House of the University of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia (in Russ.).

Ushinskiy, K. D. (2015), *Russkaya shkola* [Russian school], in Platonov, O. A. (ed.), Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Штец Александр Александрович, доктор педагогических наук, профессор, кафедра «Дошкольное и начальное образование», Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, 299053, Россия; *ashtec@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Alexander A. Shtets, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pre-school and Primary Education, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation; *ashtec@mail.ru*

УДК141.319.8 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-4**

Коваленко Н. Г.[1], Алябьева С. В.[2]

Новое религиозное сознание в поэтическом творчестве З. Н. Гиппиус

[1] Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия; *nataly6707@mail.ru*

[2] Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия; *sveta.alabeva@yandex.ru*

Аннотация. В настоящей работе рассматривается такое направление творческой деятельности представителей культуры Серебряного века, как разработка философии нового религиозного сознания. Авторы стремятся выявить роль феномена нового религиозного сознания в становлении как литературного творчества символистов, так и их социально-философских воззрений. Сам термин «новое религиозное сознание» был предложен старшими символистами и активно творчески использовался Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус. Это соответствовало той задаче философского плана, что поставил Владимир Соловьев, – работать не только в сфере духовности, но и в социально-политической жизни современного им общества. При этом новые религиозно-мировоззренческие идеи рассматривались как разновидность идеологии, которая была бы способна освободить массовое сознание русских людей от влияния огосударствленной деятельности Православной церкви. Методологический подход, который реализуется в статье, можно определить как культурно-исторический, поскольку он дает возможность анализа диалогового взаимодействия различных представителей отечественного Серебряного века. Философские категории любви-эроса и любви как высшей духовной ценности стали основоположением нового религиозного сознания и творческой парадигмой столпов культуры Серебряного века: Толстого, Соловьева, Мережковского, Гиппиус и др.

Ключевые слова: культура Серебряного века; символизм как философско-мировоззренческое течение; идеология нового религиозного сознания; любовь как общечеловеческая ценность

Для цитирования: Коваленко Н.Г., Алябьева С.В. Новое религиозное сознание в поэтическом творчестве З. Н. Гиппиус // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 40-52. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-4

N. G. Kovalenko[1], S. V. Alyabyeva[2]

New religious consciousness in the poetic work of Z. N. Gippius

[1] St. Petersburg State Agrarian University,
2 Peterburgskoe Hgw., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russian Federation;
nataly6707@mail.ru

[2] St. Petersburg State Agrarian University,
2 Peterburgskoe Hgw., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russian Federation;
sveta.alabeva@yandex.ru

Abstract. The present paper deals with such a theme of creative activity of the representatives of the Silver Age culture as the development of the philosophy of the new religious consciousness. The term "new religious consciousness" was proposed by the senior Symbolists and was actively and creatively used by Dmitry Merezhkovsky and Zinaida Gippius. The purpose of this article is to identify the role of the phenomenon of new religious consciousness in the formation of both the literary work of the Symbolists and their socio-philosophical views. It corresponded to the philosophical task set by Vladimir Solovyov – to work not only in the sphere of spirituality, but also in the socio-political life of his contemporary society. At the same time, new religious and worldview ideas were considered as a kind of ideology that would be able to free the mass consciousness of the Russian people from the influence of the state-sponsored activity of the Orthodox Church in Russia. The methodological approach, which is implemented in the article, can be defined as historical-cultural, as it provides an opportunity to analyze the dialogue interaction of various representatives of the Russian Silver Age. The philosophical categories of love-eros and love as the highest spiritual value became the foundation of the new religious consciousness and the creative paradigm of the Silver Age cultural pillars of Tolstoy, Solovyov, Merezhkovsky, Gippius and others.

Keywords: culture of the Silver Age; symbolism as a philosophical and ideological trend; ideology of new religious consciousness; love as a universal value

For citation: Kovalenko N. G., Alyabyeva S. V. (2024), “New religious consciousness in the poetic work of Z. N. Gippius”, *Research Result. Social Studies and Humanities,* 10 (1), 40-52, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-4

Введение

Акмеизм как одно из самых известных философско-литературных направлений культуры Серебряного века был ориентирован в социальном плане на индивидуализм и субъективность, что отчетливо отражалось в интроспективности произведений авторов данного течения. Однако в целом акмеизм не сумел решить все задачи, которые стояли перед ним (которые были поставлены Гумилевым, Ахматовой, Городецким и др.). Философия творчества акмеистов, несмотря на органичное сочетание с их художественными работами, оставляла за собой проблемы, связанные с трактовкой понятия «мой акмеизм», то есть акмеизм того или иного автора. Таким образом, акмеисты в целом, обращаясь к античному понятию «акме», выражали свои общие стремления к ясности, точности, зрелости и

индивидуальности в поэтическом творчестве, но с особенностями субъективного характера. Камерность и «живописность» стиля акмеизма в этом отношении противоречили стремлению символистов к созданию «творцами действительности» (Соловьев, Вяч. Иванов, Мережковский, Гиппиус и др.) нового мировоззренчески-религиозного сознания. На это в свое время указывал Владимир Соловьев. В письмах В.С. Соловьева к его адресатам, как отмечал Н.О. Лосский, подчеркивалось, что монашество как идеал религиозного сознания уже не может выполнять ту высокую миссию, которую оно несло в прошлом, и что наступило время не уходить от мира, а вступать в него, чтобы преобразовывать его (Лосский, 1991: 126). В своих письмах Соловьев также акцентировал внимание на необходимости не только развития духовности, но и реального участия в жизни современного общества.

Эту точку зрения разделяли символисты, которые рассматривали «новое религиозное сознание» как силу, освобождающую от традиционной официозной православной веры и как новый этап в развитии духовности и социальности нации. Они считали, что это сознание может помочь преобразовать социум и создать новый мир, основанный на более высоких человеческих ценностях, не связанных только с материальным благополучием. Следовательно, Соловьев и символисты, в частности Вячеслав Иванов, Андрей Белый и Зинаида Гиппиус, акцентировали внимание на необходимости преобразования общества на основе приоритета духовных ценностей и наличия нового религиозного сознания, а не на изоляции в монашеском уединении.

Методология

Цель данной статьи состоит в анализе динамики отечественной культуры рубежа XIX-XX веков, которая в литературоведении и истории философии обозначается как культура Серебряного века. Методологически в статье широко используется культурно-исторический подход, историзм как парадигмальная идея и представление об Я-субъективности, что характерно для поэтического отражения природного и социального. Авторы опираются на философское и культурное наследие художников слова Серебряного века, на современную исследовательскую литературу. Новизна работы заключается в стремлении рассмотреть феномен нового религиозного сознания в его диалоговой целостности, поскольку литературное творчество связано с особым статусом субъекта как творца и носителя бытия культуры. Достоверность в решении задач настоящей работы обусловлена широким использованием литературных и исследовательских источников.

Основная часть

С точки зрения акмеистов, высшей ступенью в иерархии социальных ценностей была культура, которая тождественна общечеловеческой памяти, поэтому мифологические сюжеты и образы стали столь частым элементом их творчества. В отличие от символистов, которые ориентировались на музыку, акмеисты были предельно заняты пространственными видами искусства, такими как архитектура, скульптура и живопись. Они стремились к трехмерному миру и не скрывали свое увлечение предметностью. И хотя акмеизм также сконцентрировался на реальной социальной действительности, он смог «преодолеть» символизм не столько в области общих идей, сколько в сфере поэтической стилистики. То есть акмеисты стали использовать более ясный, точный и конкретный поэтический язык, который напрямую обращался к жизни и к социальным проблемам своего времени. Именно поэтому они достаточно критически относились к символизму, к его сложной и многозначительной языковой символике, которая вносила в творчество элементы недопонимания и многозначной трактовки.

Символисты были очень заинтересованы в формировании «нового религиозного сознания», которое, по их представлениям, способно было освободить человека

от давящих формальностей и официоза православной веры и помочь ему обрести свободу мысли и духовную гармонию. Поэтому в творчестве Зинаиды Гиппиус, Андрея Белого и других символистов Церковь, культура, православие и русская история играли важную роль и, согласно их мнению, требовали существенного переосмысления.

В путевом дневнике «Светлое озеро» Зинаида Гиппиус пытается проникнуть в суть русской души через пристальное изучение особенностей народных обычаев и русских традиций. Она обращается к расширению сознания, с помощью которого можно воссоздать связь с народной культурой и духовным наследием предков. В ее произведениях часто встречаются образы российских земель и народные мотивы, которые становятся символами целого ряда значений: мистической тайны, коллективной культурной памяти, свободы духа и нравственной чистоты (Гиппиус, 2001: 312).

В статье Мережковского «Революция и религия» и его романе «Петр и Алексей» тоже затрагиваются вопросы религии, Православной церкви и ее роли в жизни современного русского человека. Мережковский использует антропологический подход к религии, который позволяет понимать ее как феномен культуры, связанный с целым рядом социальных и психологических факторов. Он считает, что настоящее религиозное сознание должно основываться на постижении собственной духовной природы, а не на следовании догматам Церкви. В своих произведениях он критически относится к официальному православию и призывает к поиску новых форм религиозной свободы (Мережковский, Гиппиус, Философов, 1999: 129).

Поэтическое звучание новых концептуальных идей было одной из главных причин привлекательности символизма для российской читательской публики в начале XX века. Символисты не только выражали свои идеи через конкретные образы, воспринимаемые чувственно, но и расширяли представления о религиозности и духовности. Они отвергали официозную Церковь в пользу поиска новых форм выражения религиозного опыта, опираясь при этом на идеологию старой веры (Шахов, 2006: 1013).

Поэзия является могущественным средством познания мира и человека. Она не только передает реальные человеческие эмоции и чувства, но и помогает расширять представления о мире и человеческой природе, активно используя при этом мифологические сюжеты. В то же время мифы являются формами символического выражения, которые могут описывать национальные культуры и традиции, а также универсальные темы, связанные с человеческим опытом. По убеждению знатока отечественного фольклора А. Потебни, мифы могут помочь человеку лучше понять самого себя и мир вокруг него, поскольку они содержат глубокие символические значения, которые отображают основные аспекты человеческого бытия и социального существования. Анализ мифологических символов может помочь раскрыть смысл жизни, разобраться в сложных эмоциях и переживаниях, а также привести к более глубокому пониманию культурных традиций и исторической памяти народов (Потебня, 2000).

Зинаида Гиппиус была одной из главных представительниц символизма, которая поставила перед собой задачу воплотить новое религиозное сознание в своих произведениях. Она стремилась доказать, что религия не должна быть связана только с реакционными и консервативными тенденциями (Гиппиус, 1999а: 166), а может быть прогрессивной и свободной. Одним из важных принципов Гиппиус было писать «понятно о непонятном» (Лавров, 1999: 26). Она считала, что литература должна быть доступной и внятной для читательской аудитории, даже если она затрагивает сложные и философские темы. Для этого она использовала яркие образы и символы, которые могли вызывать читательские эмоции и чувства и помогали бы лучше понять смысл

ее произведений. В этом аспекте творчество Гиппиус стало созвучным методологии герменевтики, а именно философской герменевтики, где термин «понимание» был и остается одним из основополагающих. Герменевтический подход к анализу любого культурного текста в условиях XX-XXI столетий становится одним из ведущих (Осинцева, 2022: 138; Коначева, 2023: 10).

Задача практической реализации нового религиозного сознания не была выполнима на рубеже XIX-XX веков, поскольку социально-исторические условия российского общества не способствовали его распространению. Гиппиус признавала, что ее стихи могут быть слишком своеобразными и однообразными, но это было связано с ее особым видением мира и принципом акцентации на понятии «воля» (Гиппиус, 1999а: 72). В ее поэтическом творчестве «воля» была одним из сущностных понятий, которое переплеталось с идеей свободы и самоопределения. Она отмечала, что религия должна помочь человеку осознать свою волю и направить ее на духовное развитие. Многие поэтические творения Гиппиус отражают не столько созерцание мира, сколько действенные оценки действительности и критику современных социальных явлений. Она не жалуется и не стонет о своей судьбе, а активно выражает свои мысли и взгляды на окружающий мир. Ее стихи были направлены на вызов существующей общественной системе и поддержание свободы духа, что связано с пониманием религии и духовности как основы личной свободы и самоопределения (Колобаева, 2000: 40).

После событий, произошедших в октябре 1917 года, Гиппиус было написано стихотворение «Дверь». В этом произведении поэтесса сделала собственную попытку осмыслить все произошедшее в России с точки зрения «покаяния» за совершившееся (Гиппиус, 1991: 75). Отметим, что в поэтическом произведении отсутствует излишняя эмоциональность, столь часто приписываемая поэтическому творчеству. Ее поэзия отличается рациональностью и интеллектуальной оценочностью, что, кстати, не всегда воспринималось современниками положительно. Однако это легко объясняется волевой однонаправленностью поэтессы, и поэтому она избегает излишней эмоциональности в своих произведениях. Григорий Адамович, как и многие другие современники Зинаиды Гиппиус, оценивал ее творчество с изрядной долей сомнения. Он относился к ее стихам с пристрастием, однозначно не считал их поэзией, поскольку, по его мнению, в них отсутствовало то, что приписывается обычно поэтическим произведениям, – порыв, отказ от себя, творческое самозабвение и огонь (Адамович, 1996: 60).

Волевая направленность и отсутствие эмоциональной экспрессии в лирике Гиппиус объясняется ее философско-мировоззренческими взглядами на социальный мир и религию. Она не стремилась к эмоциональным переживаниям и не занималась самораскрытием, а все творческие усилия направляла на выражение волевых качеств себя как личности. Ее стихи были скорее проявлением активного мыслительного процесса, чем проявлением эмоциональных переживаний и чувств (Гиппиус, 1992: 137).

В своих первых поэтических опытах Зинаида Гиппиус фиксирует установки нового религиозного сознания, которые звучат крайне неприемлемо для мировосприятия православного человека. Она обосновывает идеи о любви к себе как к Богу и о необходимости доказательства некоего несуществующего на свете. Такое новое религиозное мировоззрение требовало от читателя не только сочувствия, но и содействия в распространении новых идей и представлений. Гиппиус была тем отечественным поэтом, которая одной из первых обратилась к созданию идеологии нового религиозного сознания, что требовало не только нового прочтения привычных христианских истин, но и кардинальных изменений в мышлении людей. В ее стихах звучали не-

обычные идеи, которые не всегда принимались публикой с пониманием. Касалось это, в частности, надежды на установление Царства Божьего на земле. Также в творчестве отражался личностный религиозный опыт поэтессы и, в частности, ее представления о Третьем пришествии. Для Гиппиус, как и для других символистов, религия и религиозное сознание индивида были неотъемлемой частью духовной культуры как социума в целом, так и отдельной личности. Надежда на новое пришествие Христа, которое приведет к установлению Царства Божия на земле, по ее убеждению, основывается исключительно на необходимости обновления духовной жизни всего человечества.

Поэтому одним из самых значимых понятий для Гиппиус была идея Третьего пришествия, которое она представляла как низвержение всех врагов Божьих, как преображение мира и жизни будущих веков навечно. Это понятие было крайне важным для символистов, воспринимающих бытие России как духовную стагнацию, нуждающуюся в обновлении. Третье пришествие у Гиппиус соотносилось с Судным днем, когда произойдет разделение людей на праведников и грешников. Гиппиус считала, что для установления Царства Божия на земле необходимо как качественное обновление духовной жизни человечества, так и возвышение человеческой личности, Человека. Она верила в то, что каждый без исключения обязан осознать свою связь с божественным началом и поставить жизнь свою в зависимость от духовных ценностей. Только тогда произойдет обновление духовной жизни, а Царство Божие на земле станет реальностью (Лавров, 1999: 32).

Главное свойство молитвенных стихотворений Гиппиус заключается в конкретном содержании, которое ярко и определенно выражает насущные религиозные чувства. Она настолько точно передает сущность молитв, что их можно использовать в молитвенной практике, а чтение стихотворений затрагивает не только эстетические, но и религиозные чувства. Молитвенные стихотворения Гиппиус вполне соответствуют духу исторического христианства, начального христианства первых веков его существования (Свенцицкая, 1989, 1981). Они выражают веру в божественную справедливость, духовное возрождение и обновление человека и показывают ее как важную часть жизни любого верующего. В стихотворениях Гиппиус проявилась глубокая религиозность, которая выражает суть ее творческого мировоззрения. Она верила в то, что связь с божественным началом и духовные ценности являются основой человеческой жизни и только через них можно достичь истинного благополучия (Гиппиус, 1999b: 107).

Исследователи творчества Гиппиус как в прошлом, так и сейчас подчеркивают молитвенный характер ее стихов; так, А.А. Измайлов подчеркивал, что «стихотворения поэтессы напоминают те молитвенные оды и гимны, которые пелись в древней христианской литургии, например, у Ефрема Сирина и Андрея Критского» (Измайлов, 1910: 233). Вместе с тем он указывал на неортодоксальность христианской трактовки в творчестве поэтессы, которое, по его мнению, есть «манихейство и гностицизм». Это связано с тем, что Гиппиус была вдохновлена не только христианскими заповедями, но и гностической философией, которая представляла собой смесь древних религиозных учений и философских теорий. В стихах Гиппиус можно увидеть те же мотивы, что и в гностических трактатах, например, идею о том, что человек является неким разъединенным ископаемым, а не единым целым, что существует разрыв между материальным и духовным миром, и что человек должен стремиться к духовному совершенству, чтобы достичь единения с божественной сущностью.

Гностицизм не поддерживался христианской церковью и противоречил догматике учения. Он, скорее, представлял собою смесь теософских систем, которые сформировались в первые века существования хри-

стианской религиозной догматики. Поэтому в гностицизме были столь сильны мотивы языческой (как восточной, так и эллинской) мудрости. В отличие от догматического христианства гностицизм признавал христианские данные, но обрабатывал их на языческий манер. Он также отрицал исторические корни христианства в иудаизме, религии еврейского народа как предшествующей религии Иисуса Христа. Помним, что историческим предшественником Иисуса был Иоанн, который вошел в христианство под титулом Креститель. Иоанн Креститель олицетворял первоначальное единство иудаизма как этнической религии Древнего мира и возникающего христианства как религии мирового значения, так называемого «иудеохристианства». Гностицизм внес в религиозный мир наследие македонян и римлян. Это смешение привело к возникновению новых религиозных и философских учений, которые отличались от христианства своей языческой основой и затрагивали темы, связанные с пантеизмом, дуализмом и индивидуализмом (Бонецкая, 2021: 105; Кирсанова, 2016: 20; Бахарь, 2021, Ахматов, 2022).

В поэзии Гиппиус можно выделить другую большую группу стихотворений, которые стали программными для всего нового религиозного сознания символистов. Среди них «Песня», «Посвящение», «К пруду», «Соблазн», «О вере». Некоторые стихотворения Гиппиус, которые она представляла при подготовке к печати своего первого сборника, были пронизаны критикой исторической христианской церкви, позиций аскетизма и отшельничества. Они выражали ее убеждение в том, что связь с божественным началом и духовные ценности являются основой человеческой жизни и только через них можно достичь истинного совершенства. Поэтесса также весьма критически относилась к церковной иерархии Русской православной церкви, и формальной, с ее точки зрения, религиозной практике, считая их лишенными духовности и истинного богопознания (Гиппиус, 1999a: 103).

Поиски новой религии, считала Гиппиус, связаны с выходом из индивидуалистического самоопределения. Это путь к обретению единства «правды о небе» и «правды о земле». Строфы из стихотворения «Другой христианин» дают представление о внутреннем мире тех людей, которые не могли обрести истинной веры и благодаря которым Гиппиус пыталась убедить новые поколения в необходимости создания новой религии и новой Церкви:

Посты и вериги
Не Божий завет,
Христос, в твоей книге
Прощенье и свет (Гиппиус, 1999b: 77).

Для Гиппиус сохранение целостности бытия и преодоление разорванности индивидуализма возможно только через христианскую веру, но с поправкой на возврат человеческой личности к Богу. Новое религиозное сознание – это не только возврат к Богу, но и новое отношение к Богу, поиск нового Христа, лишенного смирения и покорности судьбе. Гиппиус представляет Небо уже не как безусловный символ Божественного, но как опустевшее и замещенное иными силами. В некоторых ее стихотворениях можно увидеть звучание ницшеанских мотивов, которые указывают на ее критически-ироническое отношение к христианской традиции. Она высказывает пожелание пересмотреть традиционные представления о Боге и предлагает новый взгляд на религиозные ценности (Левандовская, 2015: 123; Боков, 2015: 67).

В своей поэзии Гиппиус отражает свободное отношение к традиционным религиозным установкам и пропагандирует открытость к новым взглядам на мир и человеческую жизнь. Она призывает к объединению духовных ценностей с реальным миром и божественным началом, чтобы сохранить целостность бытия (Гиппиус, 1999a: 176). У Ницше лозунг «Бог умер» означает не только преодоление Бога, но и новый взгляд на религиозные ценности и мир человеческой жизни. В поэзии Гиппиус также присутствует стремление объединить инди-

видуальность и общезначимые религиозные начала. Ее поэзия предельно подвижна. В ней есть бунтарство личности и эгоцентризм, которые, однако, уравновешиваются религиозно-мистической направленностью стихотворных метафор и символов. Данное сочетание приводит к появлению у человека нового религиозного сознания и свежего взгляда на ценности человеческой жизни. У Гиппиус сохраняется желание объединить духовные ценности и реальный мир в целостный образ, который преодолевает индивидуализм и олицетворяет диалог между противоположными началами (Лавров, 1999: 41).

Литературные работы Гиппиус в прозе отличаются от ее поэтических произведений. В них сильнее проявляются сценарий идеи, философско-концептуальные парадигмы. Поэтому, по мнению Н.А. Бердяева, в прозе Гиппиус смысл превалирует над жизнью (Бердяев, 1910: 153). В ее произведениях персонажи озабочены поиском «Святой плоти». Другими словами, проблемой философского характера, состоящей в нахождении единства «духовной святости и жизни пола, неба и земли, христианства и язычества» (там же). Это полностью соответствует умонастроению старших символистов по поводу того, что только люди с новым религиозным сознанием могут жить в новом обществе, в котором основой является не экономика, а Дух. Данная парадигмальная конструкция последовательно прослеживается в прозе Гиппиус. Автор показывает, что новое религиозное сознание не может быть отделено от повседневной жизни и должно затрагивать все аспекты бытия, включая личные отношения и сексуальность. Характерно это и для рассказа «Небесные слова», который особенно типичен по своей тематике и идейному содержанию. Главный герой рассказа, Иван, с детства испытывал желание соединить «землю» и «небо» в едином целом и понимал, что будущее человечества возможно только в таком объединении. В зрелом возрасте Иван находит единомышленников, которые разделяют его идеи, и вместе они посвящают себя реализации этого идеала в реальной жизни. Они понимают, что небо пригрело их своей лаской не только для спасения их лично, но и для спасения Божьего дела, для перестройки и преобразования общества на новых религиозных позициях. Рассказ «Небесные слова» является ярким примером тематического многообразия произведений Гиппиус, в которых она стремилась создавать образ новой религии, способной преодолеть разрыв между землей и небом, реализовать духовное единство и обращение к Богу как новую основу жизни и общественного устройства (Гиппиус, 2001: 164).

Рассказ «Сумасшедшая» (Гиппиус, 2001: 194) также является показательным примером тематического многообразия произведений Гиппиус, в которых на первый план выходят те проблемы, которые были связаны с философскими поисками и социальными конфликтами российской истории. Главный герой рассказа живет по гуманным принципам философии позитивизма, не верит в Бога и считает, что люди должны заниматься просвещением, чтобы нести добро другим. Однако возникает мировоззренческий конфликт между ним и его женой Верой, которая не мыслит свою жизнь без веры и пробует доказать мужу и его сестре гибельность их жизненного пути. Итогом этого конфликта становится гибель самой Веры. В этом рассказе Гиппиус налицо известный конфликт между наукой и религией, позитивизмом и верой. Она показывает, что научные знания и интеллектуальное развитие могут стать причиной озлобления и гибели духовно нестойких людей. Такой подход напоминает идею Л.Н. Толстого о необходимости возвращения к простым истинам жизни и отказа от рационализма и ложного разума.

Для Толстого «новое религиозное сознание» – это не только возрождение религии или сближение интеллигенции с Православной церковью, но и желание глубоко преобразовать сам строй христианской жизни и социального бытия России. Он ис-

кал новую Церковь и новую веру и переосмысливал христианские догматы. Одно из основоположений учения христианства – Троичность – не укладывалось в его представления о вере. Он видел в этом трудноразрешимое противоречие диалектического характера. Толстой считал, что воля Бога должна выражаться более ясно и понятно для людей, а для этого нужно пересмотреть саму концепцию религиозной веры. Он доказывал, что учение Иисуса Христа лучше всего выражает волю Бога и настоятельно пропагандировал это учение (Толстой, 1984: 206).

Критика Толстым догматики православия привела к его отлучению от Русской православной церкви, но его духовные убеждения оказали огромное влияние на развитие духовной культуры и общественного сознания в России. Его идеи об отказе от насилия, пропаганде любви и сострадания, отказе от частной собственности и стремлении к равенству вдохновили множество людей по всему миру, в том числе и в России. Влияние Толстого на художественную и культурную среду проявилось как в международных кругах интеллигенции, так и среди российских писателей и художников, которые стали рассматривать свое творчество как созидательный процесс во имя любви и истины, близкий к религиозному вдохновению.

Образы «души», «слова» и «Бога» были важными символами, которые легли в основу творчества старших символистов и многих деятелей Серебряного века в России. Понятие «души» было центральным для поэзии и прозы Зинаиды Гиппиус. Для нее «душа» была символом сознания и сути глубокого внутреннего мира человека, его сущности, которая соединяла в себе разные начала и противоречия. Это была часть человека, где находился Бог, и где существовали все его скрытые тайны и потаенные творческие возможности. «Душа» была также содержательным религиозным понятием, символом связи человека с Богом и путем преодоления безверия, отчаяния и пессимизма. Гиппиус верила, что без Бога человек чувствует покинутость в мире и не может найти свое место в жизни (Pakhmuss, 1972: 464).

Любовь также была одной из важнейших тем в культуре Серебряного века, и особенно в символизме, в котором она трактовалась как метафизическое понятие, превышающее рамки индивидуального эгоизма и возвышающееся над формальным равенством. В творчестве Гиппиус и других старших символистов любовь была провозглашена как высшая духовная ценность, которая объединяет людей и позволяет им достичь всеединства (Емельянов, Новиков, 1995: 172).

Философия любви Вл. Соловьева, одного из важнейших представителей философии Серебряного века, была направлена на признание приоритета духовной любви (Соловьев, 2021). В его трактовке, любовь должна помочь двум индивидуумам стать единым существом, которое выходит за рамки личностно-индивидуального. Он считал, что физическое соединение стоит на пути к достижению этой цели, и что любовь как чувство должна стать нравственным долгом, который возвышает ее до приоритетности в ценностях традиционализма. Однако, по Соловьеву, любовь должна объединять людей не только на физическом уровне, но и на уровне духовном. В его философии любовь представляла собой инструмент, который помогал достигнуть всеединства, превосходящее индивидуальное. Он доказывал, что только любовь может помочь преодолеть свойство эгоцентризма и достичь гармонии в мире. Соловьев также указывал на то, что физическое слияние не является решающим фактором в достижении гармонии. Вместо этого он призывал к преодолению стереотипов мышления и к образованию новой ментальности, основанной на высшей духовной любви, которая объединяет людей и позволяет им достичь всеединства (Соловьев, 1988: 511.)

Для Гиппиус вопрос любви был одним из центральных в парадигме нового религиозного сознания. Она вдохновлялась идеями Василия Розанова (Кожурин, 2015:

158) и Владимира Соловьева, которые раскрывали философию эроса и представляли любовь как высшую духовную ценность. В своих статьях и эссе она часто обращалась к вопросам пола и любви, пытаясь понять их метафизическую сущность и роль в жизни человека. Поэтесса в этом случае использовала русскую философскую традицию, представленную новым религиозным сознанием символистов, и применяла ее к своим исследованиям. Особенно важным был для нее вопрос любви, который она рассматривала как путь к достижению единства и гармонии в жизни человека. Она призывала к преодолению эгоизма и к поиску высшей духовной любви, которая поможет найти свое место в жизни и достичь всеединства.

В ее творчестве вопрос любви был связан с решением триединой задачи: о личности, личной любви и обществе. Она считала, что только любовь дает безусловное принятие Другого как личности. По мнению Гиппиус и Соловьева, любовь имеет силу преодоления эгоцентризма личности и помогает узнать истину другого человека, а также свою собственную истину и свое безусловное значение. Любовь, по их мнению, способна привести к осуществлению идеала единения, которое не только объединяет души, но и духовно преобразует людей. Гиппиус подчеркивала в своих работах, что даже в самом счастливом браке тело и душа человека могут тосковать об идеальном. Идеальное и возвышенное есть нечто иное, сравнимое с победой над смертью. Два русских поэта были едины в представлении о пути любви как любви богочеловеческой, пути восхождения к Богу. В глубине любви человек может найти свои высшие смыслы и достичь идеального единства, которое позволит ему преобразовать мир (Русский эрос…, 1991: 191).

В своей статье «Влюбленность» (1904) Гиппиус толкует понятие любви с позиции неохристианства и утверждает, что истинная любовь отрицает все формы телесных соединений и не стремится к плотскому удовлетворению. Она считает, что любовь должна устранить саму проблему пола. Любовные переживания людей возвышают их на высоты духовности и это есть наиболее благоприятный путь к достижению счастья (Русский эрос…, 1991: 178). В работе «Великий путь» (1914) Гиппиус определяет также место идеала любви в христианстве и новом религиозном сознании. Она обосновывает мнение, что историческое христианство есть только часть этой великой религии, истинного Христианства. Сутью последнего является личная вера в Одну Божественную личность: Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа, поэтому Церковь и церковная жизнь должны обладать безусловной духовной свободой (Гиппиус, 1914: 13).

Выводы

Подводя итог, отметим, что, во-первых, в центре философии символизма Зинаиды Гиппиус всегда стояла любовь, которая для нее была ключом к преодолению противоречий между индивидуальностью и общественностью, Я и Мы, личностью и социумом. Новое религиозное сознание в ее трактовке представляло собой мост, который соединял эти сферы. В узкой трактовке концепция нового религиозного сознания отражала абсолютный философский поиск смысла жизни русского человека.

Во-вторых, Гиппиус в своей философии символизма опиралась на русскую философскую традицию, в частности на идеи Владимира Соловьева, и развивала их, применяя к вопросу любви и определению места личности в обществе. Она считала, что только любовь может помочь преодолеть эгоизм индивидуализма и обрести идеальное единство.

И, в-третьих, Гиппиус развивала свой подход к любви как к высшей духовной ценности, способной преодолеть противоречия между духом и телом и помочь человеку достичь идеала единения и преобразования мира. Ее взгляды стали важным элементом нового религиозного сознания символистов и оказали значительное влияние

на культурную и философскую среду России в начале XX века, а также не утратили своего влияния и сегодня.

Литература

Адамович, Г. Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. 447 с.

Ахматов, В.В. Феномен вероотступничества в раннехристианской историко-культурной традиции: автореферат дис. ... канд. филос. наук. Томск: ТГУ, 2022. 33 с.

Бахарь, С.А. Память и мнемотехники в античном гностицизме: дисс. ... канд. филос. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 169 с.

Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции: статьи по общественной и религиозной психологии (1907–9 г.). СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1910. 304 с.

Боков, Г.Е. Философское наследие Фридриха Ницше и теология «смерти Бога» // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 1. С. 67-87.

Бонецкая, Н.К. Н.А. Бердяев: мистик, гностик, экзистенциалист // Вестник культурологии. 2021. № 1 (96). С. 105-139.

Гиппиус, З.Н. Письма к П. Перцову // Русская литература. 1992. № 1. С. 134-157.

Гиппиус, З.Н. Собрание сочинений. Т. 3. Алый меч: Повести. Рассказы. Стихотворения. М.: Русская книга, 2001. 575 с.

Гиппиус, З. Дверь // Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX – начала XX в. Л.: Лениздат, 1991. С. 75.

Гиппиус, З.Н. Великий Путь // Голос жизни. 1914. № 7. С. 13-17.

Гиппиус, З.Н. Дневники: В 2 кн. Кн. 1 / вступ. ст. и сост. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 1999. 732 с. (a)

Гиппиус, З.Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. 592 с. (b)

Емельянов, Б.В., Новиков, А.И. Русская философия серебряного века: Курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 284 с.

Измайлов, А.А. Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. 251 с.

Кирсанова, Я.А. Осмысление смерти в раннехристианской традиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 1. С. 20-22.

Кожурин, А.Я. Трактовка телесности в работах мыслителей Серебряного века (В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Вяч. И. Иванов) // Метаморфозы телесности: Сб. статей / под ред. И.В. Кузина. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. С. 158-179.

Колобаева, Л.А. Русский символизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 296 с.

Коначева, С.А. Понимание и предпонимание в теологической герменевтике // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 1. С. 10-30. DOI 10.28995/2073-6401-2023-1-10-30

Лавров, А.В. З.Н. Гиппиус и ее поэтический дневник // Гиппиус, З.Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. 592 с.

Левандовская, Е.Н. О роли понятия культуры в философии Ницше // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. № 1. С. 123-129.

Лосский, Н.О. История русской философии. М.: Высш. шк., 1991. 559 с.

Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция: Сб. / первое русское издание под редакцией М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. 224 с.

Осинцева, Н.В. Герменевтика как методологический инструмент в образовательном процессе: проблема понимания // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 1. С. 138-148. DOI 10.17805/zpu.2022.1.11

Потебня, А.А. Из записок по теории словесности: В 3 т. Т. 3. Харьков: Изд-во М.В. Потебни, 1905. 652 с.

Потебня, А.А. Символ и миф в народной культуре: Собр. тр. М.: Лабиринт, 2000. 479 с.

Русский эрос, или Философия любви в России: Сб. / сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков; коммент. А.Н. Богословского. М.: Прогресс, 1991. 443 с.

Свенцицкая, И.С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1989. 335 с.

Свенцицкая, И.С. Тайные писания первых христиан. 2-е изд. М.: Политиздат, 1981. 288 с.

Соловьев, В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. 822 с.

Соловьев, В.С. Оправдание добра. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 770 с.

Толстой, Л.Н. Ответ на определение Синода от 20-22 февраля и на получение мною по этому поводу письма // Толстой, Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 17. М.: Худож. лит., 1984. С. 199-207.

Шахов, М.О. Старообрядчество, староверие // Религиоведение: Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. С. 1013-1014.

Pachmuss, T. (ed.) Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondense of Zinaida Hippius. München: Fink, 1972. 784 p.

References

Adamovich, G. (1996), *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and freedom], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Akhmatov, V. V. (2022). "The phenomenon of apostasy in the early Christian historical and cultural tradition", Abstract of Ph.D. dissertation, Tomsk State University, Tomsk, Russia (in Russ.).

Bakhar, S. A. (2021), "Memory and mnemotechnics in ancient Gnosticism", Ph.D. Thesis, Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Berdyaev, N. A. (1910), *Dukhovny krizis intelligentsii: statyi po obshchestvennoy i religioznoy psikhologii (1907–9 g.)*. [Spiritual crisis of intellectuals: articles on social and religious psychology (1907-1909)], Printing house of the partnership "Obshchestvennaya pol'za", Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Bokov, G. E. (2015), "The philosophical heritage of Friedrich Nietzsche and the theology of the 'death of God'", *Philosophy Journal*, 8 (1), 67-87 (in Russ.).

Bonetskaya, N. K. (2021), "N. A. Berdyaev: mystic, gnostic, existentialist", *Herald of Culturology*, 1, 105-139 (in Russ.).

Emelyanov, B. V. and Novikov, A. I. (1995), *Russkaya filosofiya serebryanogo veka* [Russian Philosophy of the Silver Age], Ural University Publishing House, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Gippius, Z. (1991), "Door", *Serebryany vek. Peterburgskaya poeziya kontsa XIX – nachala XX v.* [Silver Age. Petersburg poetry of the late 19th and early 20th century], Lenizdat, Leningrad, USSR, 75 (in Russ.).

Gippius, Z. N. (1999b), *Stikhotvoreniya* [Poems], Akademichesky proekt, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Gippius, Z. N. (1914), "The Great Path", *Golos zhizni* [The Voice of Life], 7, 13-17 (in Russ.).

Gippius, Z. N. (1992), "Letters to P. Pertsov", *Russkaya Literatura* [Russian literature], 1, 134-157 (in Russ.).

Gippius, Z. N. (1999a), *Dnevniki: V 2 kn. Kn. 1* [Diaries: in 2 books. Book 1], Intelvak, Moscow, Russia (in Russ.).

Gippius, Z. N. (2001), *Sobranie sochineniy. T. 3: Aly mech: Povesti. Rasskazy. Stikhotvoreniya* [Collected Works. Vol. 3: The Scarlet Sword: Narratives. Stories], Russkaya kniga, Moscow, Russia (in Russ.).

Izmaylov, A. A. (1910), *Pomrachenie bozhkov i novye kumiry. Kniga o novykh veyaniyakh v literature* [The darkening of the gods and new idols. A book about new trends in literature], Printing House of the I. D. Sytin partnership, Moscow, Russia (in Russ.).

Kirsanova, Ya. A. (2016), "Comprehension of death in the early Christian tradition", *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 16 (1), 20-22 (in Russ.).

Kolobaeva, L. A. (2000), *Russkiy simvolizm* [Russian Symbolism], Moscow University Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Konacheva, S. A. (2023), "Understanding and Pre-understanding in theological hermeneutics", *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 1, 10-30 (in Russ.).

Kozhurin, A. Ya. (2015), "The treatment of corporeality in the works of Silver Age thinkers (V. V. Rozanov, D. S. Merezhkovsky, Vyach I. Ivanov)", *Metamorfozy telesnosti: Sb. statey* [Metamorphoses of physicality: Collection of articles], RHGA Publishing House, St. Petersburg, Russia, 158-179 (in Russ.).

Lavrov, A. B. (1999), "Z. N. Gippius and her poetic diary", *Gippius, Z. N., Stikhotvoreniya* [Poems], Akademichesky proekt, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Levandovskaya, E. N. (2015), "On the role of the concept of culture in Nietzsche's philosophy", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 1, 123-129 (in Russ.).

Lossky, N. O. (1991), *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Merezhkovsky, D., Gippius, Z. and Filosofov, D. (1999), *Tsar' i revolyutsiya* [The Tsar and the Revolution], First Russian edition, in Kolerov, M. A. (ed.), United Humanitarian Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Osintseva, N. V. (2022), "Hermeneutics as a methodological tool in the educational process: the problem of understanding", *Knowledge. Understanding. Skill*, 1, 138-148 (in Russ.).

Pachmuss, T. (ed.) (1972), Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondense of Zinaida Hippius, Fink, München, Germany (in Eng.).

Potebnya, A. A. (1905), *Iz zapisok po teorii slovesnosti: V 4 t., T. 3* [From notes on the theory of diction: In 4 vols. Vol. 3], Publishing House of M. V. Potebnya, Kharkiv, Russia (in Russ.).

Potebnya, A. A. (2000), *Simvol i mif v narodnoy kul'ture* [Symbol and myth in folk culture], Labirint, Moscow, Russia (in Russ.).

Russkiy eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii (1991) [Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Shakhov, M. O. (2006), "Old Believership, Old Belief", *Religiovedenie: Entsiklopedicheskiy slovar* [Religious Studies: An Encyclopedic Dictionary], Akademicheskiy proekt, Moscow, Russia, 1013-1014 (in Russ).

Solovyov, V. S. (1988), *Sochineniya: V 2-kh tomakh. T. 2.* [Works: In 2 volumes. Vol. 2], in Guliga, A. V., Losev, A. F. (eds), Mysl', Moscow, USSR (in Russ.).

Solovyov, V. S. (2021), *Opravdanie dobra* [Justification of the Good], Azbuka-Attikus, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Sventsitskaya, I. S. (1981), *Taynye pisaniya pervykh khristian* [Secret writings of the first Christians], Politizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Sventsitskaya, I. S. (1989), *Rannee khristianstvo: stranitsy istorii* [Early Christianity: pages of history], Politizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1984), "Response to the definition of the Synod of 20-22 February and on the receipt of my letter on this occasion", *Sobraniye Sochineniy: V 22-kh t. T. 17* [Collected works: In 22 volumes. Vol. 17], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 199-207 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Коваленко Наталья Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия; *naty6707@mail.ru*

Алябьева Светлана Валериевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия; *sveta.alabeva@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Natalya G. Kovalenko, PhD in Philosophy, Assistant Professor, Department of Foreign Languages and Culture of Speech, St. Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg Hgw., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russian Federation; *naty6707@mail.ru*

Svetlana V. Alyabyeva, PhD in Philosophy, Assistant Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, St. Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg Hgw., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russian Federation; *sveta.alabeva@yandex.ru*

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-5

D. I. Spicheva[1], E. V. Polyanskaya[2], E. N. Vinokurova[3]

Generalized Representations of Siberia in Electronic Scientific Communications

[1] National Research Tomsk State University,
36 Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia; *speecheva@mail.ru*
[2] National Research Tomsk State University,
36 Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia; *polyanskayaev77@mail.ru*
[3] National Research Tomsk State University,
36 Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia; *c.vinockurova@yandex.ru*

Abstract. This paper describes how we identified the images of a region and the regions' generalized representations based on these multiple images. To illustrate this, we attempted to identify the generalized representations of Siberia, one of the largest regions on the planet. We analyzed open Internet resources on scientific research on Siberia that can lay the foundation for positioning Siberia in the contemporary world. To identify the generalized representations of Siberia, we analyzed the multiple images of Siberia in electronic scientific communications in Russia and abroad. Using ScienceGate (SGP) and the Bielefeld Academic Search Engine (BASE) services, we studied the abstracts of papers published in the International Peer Reviewed Journals in 2013–2020 and 2020–2023. After that, we analyzed the set of images of Siberia we found in electronic scientific communications and identified the generalized representations of Siberia. This region was chosen for two reasons: Siberia 1) acts as an indicator to predict the consequences of such changes as climate change, global warming and others for the planet; and 2) can be interesting for researchers in different scientific areas. Defining the generalized representations of Siberia might further scientific prognosis as researchers will be able to better understand the potential of this region. The method we utilized may be applicable to identifying generalized representations of other regions and contribute to their comprehensive study from different perspectives, including interdisciplinary scientific research.

Key words: Siberia; generalized representations; image; scientific communications; global changes; interdisciplinary scientific research; climate change; global warming; COVID-19

For citation: Spicheva D. I., Polyanskaya E. V., Vinokurova E. N. (2024), "Generalized Representations of Siberia in Electronic Scientific Communications", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 53-74, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-5

Спичева Д. И.[1], Полянская Е. В.[2], Винокурова Е. Н.[3]

Обобщенные представления о Сибири в электронных научных коммуникациях

[1] Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *speecheva@mail.ru*
[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *polyanskayaev77@mail.ru*
[3] Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *c.vinockurova@yandex.ru*

Аннотация. В статье описываются результаты работы по выявлению образов региона и обобщенных представлений о регионе с опорой на эти различные образы. Для того чтобы это показать, была предпринята попытка выявления обобщенных представлений о Сибири – одном из крупнейших регионов планеты. Были проанализированы научные исследования о Сибири, размещенные на открытых интернет-ресурсах, которые могут стать основой для позиционирования Сибири в современном мире. Для выявления обобщенных представлений о Сибири проанализированы многочисленные образы Сибири в электронных научных коммуникациях в России и за рубежом. С помощью сервисов ScienceGate (SGP) и Bielefeld Academic Search Engine (BASE) изучены аннотации к статьям, опубликованным в международных рецензируемых научных журналах в период 2013–2020 гг. и 2020–2023 гг. После этого были проанализированы образы Сибири, найденные в электронных научных коммуникациях, и выявлены обобщенные представления о Сибири. Выбор данного региона обусловлен двумя причинами: Сибирь 1) выступает в качестве индикатора прогнозирования последствий для планеты таких изменений, как изменение климата, глобальное потепление и др.; и 2) привлекает внимание ученых из разных научных областей, интересующихся различными аспектами исследований данного региона. Выявленные обобщенные представления о Сибири могут способствовать дальнейшему научному прогнозированию, поскольку исследователи смогут лучше понять потенциал этого региона. Используемый метод может быть применен для выявления обобщенных представлений о других регионах и способствовать их изучению с разных позиций, в том числе с позиции междисциплинарных научных исследований.

Ключевые слова: Сибирь; обобщенные представления; образ; научные коммуникации; глобальные изменения; междисциплинарные научные исследования; изменение климата; глобальное потепление; COVID-19

Для цитирования: Спичева Д.И., Полянская Е.В., Винокурова Е.Н. Обобщенные представления о Сибири в электронных научных коммуникациях // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 53-74. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-5

1 Introduction

The era of global changes (climate change, global warming, COVID-19 and others) and the new global crisis has brought extensive economic, political, cultural, and religious transformations of different regions throughout the world. Understanding how a region is perceived by domestic and international audiences, and identifying its generalized representations can help a region reveal its potential for researchers in different areas and minimize the negative effects of the global changes.

In addition, coronavirus as a starting point for a new global crisis has changed the order of things and the mankind had to face the lockdown causing the disintegration of the countries, regions and nations, when everyone defends their own interests. The lack of mobility causes the danger of losing mutual understanding between different nations and starting the confrontation with each other if people do not accept each other's world views, thought patterns, or cultural customs and traditions.

Before the coronavirus lockdown, the society had been characterized by high real and virtual mobility. The pandemic impeded the real mobility, but the pace of the virtual mobility has been accelerating. The Internet enables access to the images of different artifacts of regions from anywhere in the world, which is critical for researchers. We understand artifacts of regions both as natural objects and phenomena and those created by humans that exist within a certain region and are connected with the lifestyle of people living there. The artifacts exist in the real life, but electronic scientific communications contain the images of these artifacts. The combination of images, arranged by theme or some other principle, constitutes generalized representations. The generalized representations of a region are accumulated from the images and stereotypes that scientific researchers have in their minds, which reflect their perception of this region.

We consider that the best way to define the generalized representations of a region is through electronic scientific communications, because they offer reliable and verified sources, which helps avoid prejudice and factoids. Our idea is that the generalized representations can be defined only through the integration of the inner and outer views of the images that constitute the generalized representations, because people from different cultures can be different in "defining repertoire of scientific images, patterns and modes of creative thoughts" (Banerjee, 2008). The inner view is the view of those people who live in the region. In our research, this view is identified through the publications by Russian scientists in the International Peer Reviewed Journals; and the outer view is shown through international scientific publications.

The generalized representations of a region reflect the meaning of this region for people, meaning that has been shaped for centuries as a result of human interaction with the environment. We assume that generalized representations are crucial not only for understanding and accepting the other cultures but also for interpreting the cultural values and the meaning of people's native cultures. Thus, we consider that understanding generalized representations of any region and presenting them to the world is important to every region as it can foster its successful development and unlock the region's potential for researchers in different fields of scientific knowledge.

Our research aims is to identify the images of one of the regions, Siberia, which constitute Siberia's generalized representations in the context of such global changes as climate change, global warming, the COVID-19 pandemic and others. We studied the multiple images that Siberia has in electronic scientific communications both in Russia and in the world and analyzed these images to understand the generalized representations of Siberia. We hope that might contribute to understanding what Siberia represents for interdisciplinary scientific research because the generalized representations can help reveal the region's different perspectives.

2 Why Siberia?

There is a growing interest in research on Siberia in the international scientific community. Researchers around the world investigate various aspects of this region. Siberian research centers exist around the world. The range of research topics is very diverse: from natural sciences regarding climate, landscape, biodiversity, ecology, and medicine, to the humanities on history, archeology, culture, languages, and ethnography, which proves that Siberia has significant potential as a subject and object of interdisciplinary scientific research.

This attention of the scientific community to Siberia is explained by the "uniqueness of this region, which is largely determined by its geopolitical position between Europe and Asia and its closeness to China and Southeast Asia. At the beginning of the 20th century, "Siberia" was not considered an administrative term; there was another term, "Asian Russia"" (Donskikh, 2017: 119), which was used when speaking about Siberia.

Fig. 1. The geographical position of Siberia reflected in English-language publications
Рис. 1. Географическое положение Сибири в отражении англоязычных изданий

In the Russian tradition, there are clear boundaries between Siberia, the North, and the Arctic regions. "Siberia is perceived as a region in North Asia located entirely within the Russian Federation, occupying the territory from the Urals (in the west) to the Pacific Ocean (in the east), and bordering the Arctic coast (in the north)" (Gorbacheva: 9) and Kazakhstan, Mongolia, and China (in the south).

Despite Siberia's seeming remoteness, its substantial industrial, scientific, educational, and resource potential is recognized worldwide. Natural scientists study Siberia because of its high rate of natural and climatic changes.

The population of Siberia combines indigenous peoples and people who originally come from other parts of Russia and neighboring or distant countries. The majority of those who live in Siberia today are the descendants of people who came to Siberia as a result of the voluntary and involuntary resettlement policy of Russian governments, which began after the expedition of Yermak in the 16th century and then continued in Soviet Russia. The new settlers had different backgrounds, and ranged from dreamers and explorers to criminals, political prisoners, and national groups. Settlers lived alongside the indigenous peoples of Si-

beria: Yakuts, Buryats, Siberian Tatars, Tuvinians, Altaians, Khakasses, Nenets, Evenks, Shorians and others. Thus, the generalized representations of contemporary Siberia may be a combination of those many images belonging to different cultures of this multinational region.

In sum, different researchers are considering global and local issues connected with Siberia and answering numerous questions. Every year new opportunities and resources are revealed that could influence the future world order. In that context, studying the generalized representations of Siberia in electronic scientific communications might become a certain foresight.

3 Methodology

In this research, we are making an attempt to identify generalized representations of a region, which are a combination of multiple images that domestic and international audiences have about this region. We understand the concept of image in the postmodernist tradition supported by Deleuze (1986), who states that an image can be intangible at an individual level, but it becomes very powerful, and even able to change the mindset of people when combined with some other images. The idea of generalized representations follows from the Deleuze's theory of movement-image, but generalized representations described in this paper are about publication, as distinct from Deleuze's movement-image, which is about cinema (Deleuze, 1986).

Thus, to reveal the generalized representations of Siberia, we used the key word search (using the key word "Siberia") in different subject areas in ScienceGate (SGP) and Bielefeld Academic Search Engine (BASE) services (published in 2013 to 2020 and in 2020 to 2023), and the instruments of bibliometric visualization (Tag Cloud).

We divided the search of publications into two periods (2013 to 2020 and 2020 to 2023) in order to monitor changes in representations of Siberia in the new global crisis context, which was initiated by the coronavirus pandemic.

To obtain the most objective view, we studied the publications by Russian scientists in the International Peer Reviewed Journals, which gave us an inner view of Siberia, and supplemented them with publications by international researchers, which gave us an outside perception of this region.

First, we analyzed the titles, abstracts, and key words of scientific publications in various subject areas of abstract and citation databases from 2013 to 2020, and then from 2013 to 2023 using ScienceGate (SGP) and Bielefeld Academic Search Engine (BASE) services, and located the key images of Siberia. After that, we used systematic sampling and examined every tenth publication with the key word "Siberia" we found in these services. In the ScienceGate there were 9,695 papers with the key word "Siberia" from 2013 to 2020, and 4,728 publications from 2020 to 2023. In the Bielefeld Academic Search Engine there were 47,272 publications with the key word "Siberia" from 2013 to 2020, and 19,329 papers from 2020 to 2023.

We categorized these papers into the following groups: (1) environment and living conditions, (2) natural resources, (3) people's lifestyle, (4) infrastructure and communication, (5) business and management, and (6) technology and innovation. This categorization enabled us to identify subject areas containing images that constitute generalized representations of Siberia. These representations can be further used for the region's successful positioning.

If we focus on key words as indicators of the topics of Siberia studies and, accordingly, representations of Siberia, we can discern their change in the period from 2020 to 2023. Thus, the most frequent key words in the publications for the period from 2013 to 2020 were the following words: land surface (9.7); North America (9.39); Arctic Siberia (8.17); Biomass burning (8.09); Lena River (8.08); organic carbon (6.8); Northern Eurasia (6.5); Northern Siberia (6.16); Lake Baikal (5.87); Permafrost zone (5.71). Key words in publications from 2013 to 2020 are presented in *Figure 2*.

The most frequent used key words in the publications from 2020 to 2023 were the following words: climate change (0.64); Central Siberia (0.55); European Part (0.32); forest fires (0.3); Lake Baikal (0.26); European Part of Russia (0.25); Boreal forests (0.24); spring wheat (0.24); long term (0.24); Central Asian (0.22). Key words in publications from 2020 to 2023 are presented in *Figure 3*. These key words enabled us to observe the changes in representations of Siberia.

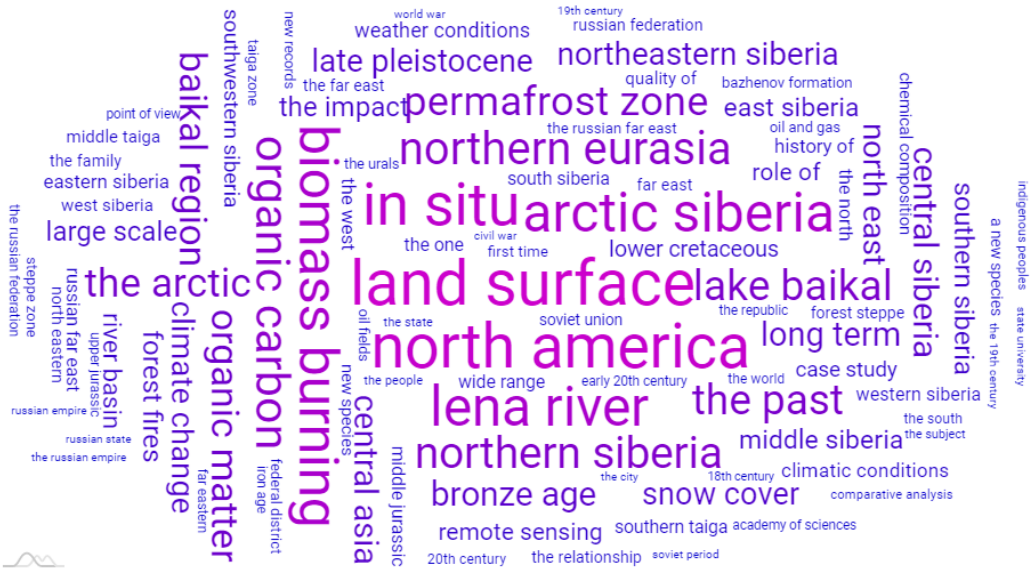


Fig. 2. Key words (Tag Cloud) in publications on Siberia from 2013 to 2020
Рис. 2. Ключевые слова (облако тегов) в публикациях о Сибири с 2013 по 2020 гг.

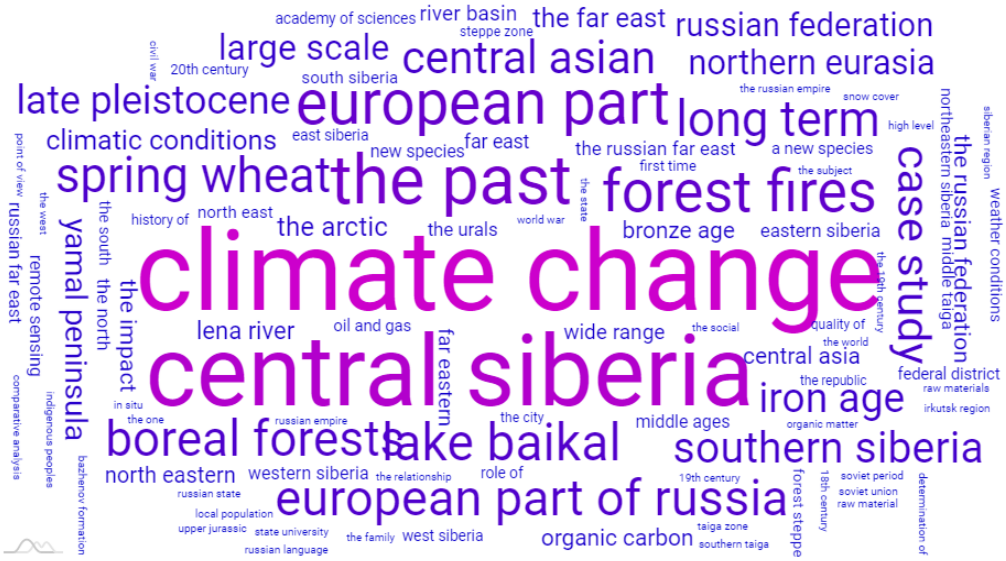


Fig. 3. Key words (Tag Cloud) in publications on Siberia from 2020 to 2023
Рис. 3. Ключевые слова (облако тегов) в публикациях о Сибири с 2020 по 2023 гг.

4 Generalized representations of Siberia found in the SGP and BASE

This section presents generalized representations based on our generalizations of the images we found in the ScienceGate (SGP) and Bielefeld Academic Search Engine (BASE); we also included the references to the resources that contain the most memorable and unique images of Siberia. We did not compare and contrast the images to obtain the generalized representations of Siberia but found the generalized representations of Siberia through the integration of images revealed in the scientific publications in each of the above-mentioned subject areas.

4.1 Environmental and living conditions

Siberia has special environmental and living conditions; this region is interesting for the researchers who investigate how people survive in this harsh natural environment that may be caused by negative environmental changes.

4.1.1 "A harsh land"

The generalized representations of Siberia cultivated by the natural sciences research are connected mostly with harsh weather conditions of Siberia. In many publications Siberia is described as hostile, not suitable for people environment. This image can be explained by the two factors: the severe climate and the geographical position of Siberia. This contributes to the image of Siberia as a harsh land and such associations as "cold desert", "sinister place", "frost", "gnat", and others supported by Belkina & Likhachev (2013), Domatsky et al. (2013), and other authors. Belash & Mitrofanova (2018), consider that builders "have to face many severe conditions of construction", because of the climatic conditions of Siberia. However, these associations with Siberia have not only negative connotations. According to Jirásek & Hanuš (2020), "this developing sport, recreation, and tourism should be classified as adventure tourism (mode of experiencing) and nature based tourism (traveling to natural environment)".

4.1.2 "Pre-historic past of the planet"

The climatic conditions of Siberia, the North and the Arctic contribute to preserving the ancient artefacts found during the excavations. These artefacts are uncovering the ancient history of the humanity, which brings the images of ancient people with such key words as "history" and "ancient". These images are supplemented by the research on Demography and Ethnology devoted to the lifestyle of the unique Siberian ethnic groups. In many publications (Stupakova et al., 2015; Maloletko, 2013; Gatinsky, 2016; and other authors) Siberia is associated with fossil of the pre-historic era of the Planet, with such key words as "Proterozoic", "Pleistocene", "Ambrian", "Paleozoic", "Ordovician", "Silurian", "Jurassic" and others. For instance, Seuru et al. (2014) present paleobiological and taphonomic analyses of the bone accumulations discovered during the excavations at the Krasnoyarskaya Kurya, situated in the southeastern part of western Siberia (Russia).

Many publications offer such images as mammoths, earthen walls, cold climate, steppe landscapes, petroglyphic art, direct and indirect percussion (piquetage), ivory artifacts, deer and elk figurines, and Siberian zoomorphs. There is some research about the early human settlement (Rudaya, 2013), vessels from middle Bronze AGE (Molodin et al., 2014), and even those covering the geometry of the rammed-earth walls (Alfimov et al., 2012). Skeletal growth between Early Neolithic (EN) (8000 to 6800 BP) and Late Neolithic (LN) is studied by Temple et al. (2014), Ponomareva (2016) studies the rock art of western and southern Siberia; she analyzes the palimsets from Kamenny Ostrov on the Angara, and the evolution of the Angara style. Siberia has environmental and weather conditions able to preserve the evidence of the prehistoric past of the planet. Thus, we can suggest that Siberia will be the place to keep the natural and historical artefacts of our age for the future generations.

4.1.3 "Perennially frozen ground"

Siberia is a vast area, which influences the climatic and ecological changes on the Planet. Due to Siberia's climatic conditions,

many natural processes proceed slower that in warmer regions; some of them even remain unchanged for centuries. That is why this area is often called "paleoclimatic and paleogeochemical archives" (Tatsii et al., 2020), where the remains of the past are retained forever, and the changes of these remains can help prejudge the future.

Many images of Siberia in international papers, connected with the characteristics of Siberia's territory, climate, flora and fauna, are mixed with the images of the Arctic. Siberia is often associated with permafrost, air temperature, and ice cover. Permafrost environments are referred as "perennially frozen ground" and are supplemented with the image of ice wedges (Schennen & Tronicke, 2015), ice complex deposits and ice-rich formations (Schennen et al., 2016).

The specific research interest is focused on the global climate-regulating role of West-Siberian swamps. According to Pokrovsky (2020), in the South of West Siberia this role is positive: the swamps absorb from the atmosphere a huge mass of carbon that causes the greenhouse effect and turn it into peat deposits. This means that the swamps can cool the atmosphere. However, in case of perpetually-frozen ground the situation is completely different. As a result of swamps thawing, methanol leakage from permafrost occurs that leads to increasing the greenhouse effect and threatens the environment.

It is an interesting fact that this image and related concepts of Siberia are the most common in the studies of the international scientific community published between 2020 and 2023, due to the beginning of a new global crisis, the starting point of which was the coronavirus pandemic, which provoked and intensified the global economic, social, political and climatic crisis.

4.1.4. "Climate paradise" & "Climate dystopia space"

There are two diametrically opposed images of Siberia in domestic and foreign publications connected with climate crisis — Siberia as a "Climate paradise" and Siberia as a "Climate dystopia space".

The image of Siberia as a "Climate Paradise" represents Siberia imaginary as a consequence of the climate crisis. In this context, global warming and the melting of permafrost will not lead to a global catastrophe, but, on the contrary, will contribute to the creation of comfortable living conditions in Siberia. This image is discussed by Parfenova, Tchebakova & Soja (2019), and other authors. According to their studies, "in a future warmer climate, food security, in terms of crop distribution and production capability, is predicted to become more favorable for people to support settlements" (Parfenova, Tchebakova & Soja, 2019: 12). In addition, melting permafrost will lead to increased migration, settlement of the cold Asian Russia and the development of new cities.

Although there is an optimistic image of Siberia's future as a "Climate paradise", most researchers (e.g. Czerniawska & Chlachula, 2020; Gorbatenko, Volkova, Nosyreva, Zhuravlev & Kuzhevskaia, 2020; Kichigina, 2021; et al.) predict the negative consequences Siberia connected with the climate crisis.

Negative consequences of the climate crisis include "ground thawing, which poses a danger to local settlements and causes serious environmental and engineering problems in central and northern Siberia" (Czerniawska & Chlachula, 2020: 509); frequent high severity fires, affecting compositional, structural changes in forests and causing peatlands to dry out (Gorbatenko, Volkova, Nosyreva, Zhuravlev & Kuzhevskaia, 2020; Feurdean, Diaconu, Butiseaca, Galka, Hutchinson, Kirpotin, Pfeiffer & Tonkov, 2021); the danger of flooding (Kichigina, 2021), etc. In this context, the authors create the image of Siberia as a "Climate dystopia space".

4.2 Natural resources

Siberia is rich in mineral, water and forest resources, which makes this region interesting for the researchers. Searching for natural resources is necessary for maintaining "the quality of life for people in case of negative consequences of global changes when the humanity will have to search for their new deposits" (Gorbacheva, 2020: 31).

4.2.1 "Repository for resources and raw materials"

A very common image of Siberia is the image of a materials sector, or even the Russian resource colony; it has very large disposals of hydrocarbon feed, coal, uranium, ferrous, non-ferrous and precious metals (including diamonds), wood, water and water-power resources. That is why many publications are connected with different methods of assessment of these resources. For example, Skvortsov et al. (2019, pp. 217-229) suggest different methodological approaches to reveal net oil thickness when searching for prospective target for exploration. Siberia is also the territory of peat bogs, a very important element of biocoenosis. These images are discussed by Sergeeva & Khokhlova (2015), Nefedkin (2014), and other authors.

The perception of Siberia as a supplier of raw materials (furs, precious metals – silver and gold, agricultural products – grain and butter, and others) to Central Russia (and not only) has been shaped for a long time. Even nowadays, many researchers still consider Siberia a "resource colony" of Russia (Vereshchagin, 2013); many images are connected with extracting natural resources and have a clear-cut ecological aspect. This aspect is very popular because the geopolitical status of Russia depends to a large extent on extracting, transporting and processing mineral deposits, oil and gas. The resources of Siberian forests and fresh water storage of this region also influence the global ecology, including oxygen and carbon dioxide balance. This happens because one of the largest swamps of the Planet is situated in West Siberia. This swamp is examined by numerous scientists. For example, Savichev et al. (2018) states that studying the processes and conditions of geochemical anomaly in the environment is important for solving a wide range of scientific and engineering tasks, from exploration activities to waste management.

4.2.2 "Forest and water riches"

Siberia combines foraging, cattle (including deer) breeding and agriculture with modern industries (Sedov, 2016: 38-43). Chen et al. (2018) study selective constraints in Siberian wild boars to evaluate "the genetic drift on shaping molecular evolution". Many images of Siberia are connected with forests, taiga, Siberian pine, and Baikal. The issue of forestry in Siberia is mentioned both as wood supplies (Russia has the largest timber resources) and protective ecological functions, including maintaining balance in the atmosphere, with the key words "carbon", "carbon dioxide", "carbon isotope", and "isotopes". This group of images is added by coniferous forest, boreal forest, larix, coniferous tree, and deciduous forest, and other images connected with the natural and mineral resources of this region (the images of sediments, mineralization, zircon, basalt, peat, silicate minerals, diatoms, and quartz).

Researchers mention three great Siberian rivers: the Lena, the Yenissei, and the Ob; these water bodies are explored in connection with the role of Siberia as keeping biodiversity, thawing, climatology, warming, and climate modeling. These images appear in publications by Demidenko & Khizhnyak (2017), Filandysheva & Soroka (2013), Paromov et al. (2017), and other authors. For example, Tskhai (2020) developed an algorithm for the water bodies of the Upper Ob basin, used in assessment of ecological consequences under river regulation.

4.3 People's lifestyle

Potential negative consequences of global changes can transform the lifestyle of people, for example, if they have to change their habitat. Siberia is a region that can be used for making scientific prognosis about different ways of the society development because this region is a place of co-existence of people from different cultures, religions and even époques, where people with conservative and traditional life style live alongside with the representatives of more progressive society, who had to resettle in Siberia in different time because of different reasons. Even the representatives of the native population of Siberia belong to different cultures with different ways of life. This makes Siberia a unique region to

research the possible models of social development that global changes can result in.

4.3.1 "*Siberian nomads"*

The unique anthropological characteristic of the image of Siberia is expressed through the image of the native population, bearers of ancient nomadic culture. The images of the Dolgans, Yakuts, Evenks, Khanty, Mansi, Nenets, Buryats, Itelmen, Koryaks, Nenets, Nanays, Tuvinians, and Evens are mentioned both in the Russian and international scientific communications. There are many publications connected with the languages of the indigenous peoples of Siberia. There are also such images as national settlements, Arctic peoples, circumpolar population and communities, indigenous minority, epic material, and many others that are connected with the indigenous peoples of Siberia. There are numerous publications (Vinokurova, 2015, Gogolev, 2014 et al.) about health-related problems of the indigenous peoples of Siberia, their hereditary diseases, genotype, and alcohol consumption. Many publications are connected with the traditional occupations of the native peoples (fishing, hunting, and deer breeding), folk arts and crafts (wood and bones carving), nomadic lifestyle, shamanism and hunter-gatherers.

4.3.2 "Shamanic culture"

Some researchers (e.g., Johansen, 2017; Toboev, 2017) investigate shamanic culture in Siberia including shaman's mental status, shamanistic worldviews, shamanic remedies and curses, and techniques and rituals of the Siberian shamanism.

This topic is important for contemporary research, because it is connected with preserving the uniqueness of different regions, the identity of different peoples' worldviews that often have the religious background. It shows that the idea of the other world to be found on the other side of the rock actually is a widespread motif of shamanic beliefs in Siberia, and that variants of this belief provide a new mode of insight into understanding the semantics of Siberian rock art (Rozwadowski, 2017).

4.3.3 "Hunter-gatherers"

The international papers mention Siberia as a land of nonhuman living conditions with hunter-gatherers, who can make Siberian traps. The image of hunter-gatherers is very popular and presented in many publications (Timoshenko & Saveliev, 2013; Zakh, 2013; and other authors), as well as the image of reindeer herders. For example, some papers study hunter-gatherers' interactions with animals.

The meaning of such research for the contemporary scientific discourse lies in a deeper understanding of the human-nature relationship. For example, Pasarić and Warren (2019) examine different contexts of hunter-gatherers' treatment of animals: not only hunting but keeping as pets, captives or companions.

4.3.4 "*Siberian identity"*

The contemporary Siberian identity has been shaped under the influence of indigenous peoples that is similar to the nomadic identity in some ways; most of native peoples of Siberia had a nomadic lifestyle. Siberia is the area of centuries-long interaction of different peoples; this has produced the so-called Siberian identity. Vasilyeva (2014) and some other authors mention aid-giving behavior as one of the characteristic features of Siberian people while studying the voluntary associations of those exiled to Siberia.

Churkin (2018) considers that the process of travelling contributed to the development of different strategies of adaptive behavior that led or didn't lead to successful adaptation. Remnev (2011) mentions that "Siberia was perceived as a certain "extension" for the European Russia from the East; Siberian people could not but feel that they lived far away from the rest of Russia" (Remnev, 2011: 113); this has led to appearing a new social group with the unique genotype metaphorically called the Siberian genome (Spicheva, 2017), a combination of common qualities that define the mentality and psychics of those people who live in Russian Siberia.

"The issue of the Siberian genome can be considered through finding the parallels with the processes of shaping the new identity of the digital nomads" (Spicheva, 2017: 211), because "the appearance of the Siberian genome

was conditioned not by inheriting certain anthropogenetic characteristics but by the resettlement policy of the authorities that resulted in creating this special set of social, psychological, ideological, moral, and cultural qualities" (Spicheva, 2017: 211). Digital nomads are people not attached to a certain place; they use the Internet technologies and mobile connection for their work, studies, or other activities (Makimoto & Manners, 1997). Although digital nomadism appeared in the 20th century, it can be considered an urgent social and cultural phenomenon, and one of the basic current trends in the digital network society (Kuzheleva–Sagan & Spicheva, 2020).

Thus, the history of development of the Siberian genome can redound to deeper understanding certain aspects of development of the network information and communication society, and "appearing the social groups of digital nomads, that do not also have any common genetic history" (Spicheva, 2017: 211). Spicheva (2017) justifies the hypothesis that "representatives of some social groups (for instance, the Siberian) have a certain predisposition to digital migration and nomadism" (Spicheva, 2017: 211), which is important for understanding migration processes and how they appeared as a result of different kinds of global changes.

4.3.5 "Colonial Siberia"

The lifestyle of Siberian people and their attitude to their life space are different from the settled lifestyle of the inhabitants of Central Russia. Researchers often show Siberian people as hermits. The image of "colonial Siberia" as a territory of outcasts has been built for many years. In the past, this region was often associated with exiles and hard labor camps, in the Soviet times with Stalin's camps (the gulag), which were built on the territory of Siberia (Ananiev, 2019; Krayushkina, 2019).

4.3.6 "*Stalinist system"*

The publications connected with the history of Siberia contain some negative images, such as Siberian prisons and war victims. In Blazer's paper (2015) there are the images of gulag, Stalinist system, camps and exiles, but he also mentions the issue of cultural revitalization. Such images appear in both Russian- and English-language publications. These papers investigate such consequences of the Stalinist system as GULAG, political exiles, and ignoring interests of indigenous population. For instance, Balzer (2015) examines the debates about the Stalinist system, and the "issues of shame, moral debilitation, and cultural revitalization" (Blazer, 2015). For example, debates about how to understand, teach, and memorialize the significance of the Stalinist system are analyzed, as are issues of shame, moral debilitation, and cultural revitalization.

4.3.7 "Educated exiles"

The humanities form the image of Siberia associated with a special type of interpersonal communication; this image has been shaped largely because of the migration of the educated population (the Decembrists and some other educated people, who were exiled to Siberia, or voluntary moved to this region because of different reasons). "It was terra incognita for the imperial authorities, academia, and the educated public, a region forgotten by the capital but in need of local government reform (indeed it was included in the reforms of the 1860s-70s), connections with European Russia by rail, water, and land, intensified agricultural production, better schooling, its own university, educated and motivated officials, and the abolition of exile" (Matkhanova, Rodigina, 2019: 836). The history of migrations in Siberia has led to Siberia becoming a mega-region consisting of different territories. These territories were united because of their geographical position and common history. Despite the great differences between the people who "came to Siberia from different parts of Russia (and not only from Russia) because of the different migration processes, the harsh living conditions resulted in a common lifestyle, and triggered the process of "socio-cultural diversification"" (Suprun, 2016: 124), which united those groups of people in a big group of Siberians with their own traditions, lifestyles, and a cultural pattern different from those of other parts of Russia. These groups have been shaped around the active intellectuals, those educated outcasts who moved or were exiled to Siberia because of their

worldviews, and were determined to change the life around them for the better.

4.3.8 "Striving for freedom"

This group of images is connected with the isolated location of Siberia, and its remoteness from the Central part of Russia. Siberia is described as a former province, some kind of extension to the Great Steppe and the place of settlement of freemen and outcasts. This is the reason why Siberian people have commitment to and freedom independence. Turbovskoy (2015) considers that Siberian people perceive this geographical remoteness from the capital as a pre-condition of greater individual freedom and freedom from the political conjuncture. There is a number of publications that underline the striving for freedom of Siberian people. Cherepanova et al. (2017) define the predominant beliefs, values, attitudes and ambitions of young people living in Siberia at the beginning of the 20th century; they found that they "praise certain virtues and human qualities, including bravery, courage, honesty, spiritual purity and freedom" (Cherepanova et al., 2017).

4.4 Technology and innovation

Siberia can be interesting to the researchers as the area of experimenting in extreme living conditions that check for strength not only people but also technologies, whose development improves peoples' quality of life even in unfavorable weather conditions.

4.4.1 "Extreme conditions"

In order to survive in the harsh conditions, and increase the quality of life in Siberia, people had to create different kinds of innovations and technologies. First of all, they were connected with architecture. The contemporary architecture of Siberia was formed at the co-influence of different cultures and even civilizations (Volskaya & Bezhanova, 2017). The image of Siberia is supplemented by the images of "wooden architecture" (Saveliev & Polyakov, 2016), "fortress architecture" (Berezikov, 2016) and "defensive architecture" (Berlina et al., 2013). In the past, Siberia was a place of different fortification buildings: fortresses, ostrogs, horodnias, guard towers, and others. These images characterize Siberia as a militarized land. At the same time, some researchers state that architectural monuments of Siberia combine different national and religious cultures; these architectural monuments have some potential from the point of view of fostering tolerance.

Today, there are conditions for new economic areas and science-based companies in Siberia, because the technologies that work in the conditions of Siberia, have high potential for functioning in any other areas with more favorable living conditions. For example, there are some special areas called "industrial parks" (Chirikhin, 2016); these are places integrating different industries. The industrial parks appeared in Siberian regions with uncomfortable living conditions; they developed the transport and social infrastructures, and created favorable working conditions. All these have increased the life quality of people and attracted new migrants to the territory of Siberia.

4.5 Business and management

Global changes can lead to the necessity of searching for the new basic rules of the world order and social management. The unique business and management experience of Siberia is reflected in the following generalized representations:

4.5.1 "Regional capitals"

Historical decentralization of Siberia originated a new term – "regional capitals". In different contexts different cities (administrative centers) are mentioned as capitals: Krasnoyarsk, Novosibirsk, Omsk, Tobolsk, Tomsk, and others. (Yermolenkina & Kostyashina, 2013; Rybyakova & Goreva, 2014; Shcherbinin, 2013, and others). These cities have their own historical, moral and economic reasons to be called capitals. For example, Tomsk is often called a cultural and students' capital of Siberia, as it has the biggest number of students per capita in Russia after Moscow and Saint-Petersburg. This experience can help, on the one hand, preserve the regions' identity, and, on the other, overcome the lack of unity of the regions, countries and peoples that has appeared during the time of the pandemic, and not lose

the ability to mutual understanding of different peoples.

4.5.2 "Elusive country"

This image of Siberia appeared as early as in 1993 in Diment and Slezkine's book (1993) that describes Siberia as a unique area "between heaven and hell", inspiring and frightening, full of myths and contradictions. This is the image of "elusive country" connected with the region beyond the Urals that has been kept since that time, along with such images as "Russia's alter ego", a "frozen wasteland", a "colorful frontier" the "heavenly or infernal antithesis", and "shallowness of Russian life". Siberia is a place with harsh climate, where indigenous peoples and migrants have to develop a "survival strategy" (Vinokurova, 2018) to adapt to severe conditions of Siberia.

4.6 Infrastructure and communications

Global environmental changes will probably make people build new infrastructure and communications. The infrastructure developed in Siberia, can serve a new alternative to the contemporary models accepted worldwide, some examples of which are shown by the following generalized representations:

4.6.1 "Asian Russia" or "Europe in Asia"

The geographical position of Siberia (common borders with China and South-East Asia) generated suspicious attitude from the European part of population conditioned by the differences between western and eastern mentality and can explain the image "Asian Russia" (Donskikh, 2017: 119).

Despite Siberia being described as a periphery and a distant area, it is considered a good place for establishing international cooperation. In the conditions of sanctions Siberia seems a certain oasis located far away from the politics; this atmosphere is favorable for establishing and maintaining international contacts in different industries, education, science and culture. Siberia can be viewed "as a basis for positioning Russia in the worldwide system of geopolitical relations" (Malov, 2015).

4.6.2 "A transit region"

The image of a transit region is combined with such images of Siberia that characterize its rich touristic potential. They are connected, first of all, with active rest and extreme sports: from mountaineering and mountain skiing to rafting, fishing and hunting. However, the image of Siberia as a place of eco-tourism is not mentioned very often, because eco-tourism constitutes a small part of the region's economy (Kuznetsova et al., 2017; Gagarin et al., 2017, and others). However, Siberia is an important communication hub in Russia; its image is associated with the double-track Trans-Siberian Railway (called Transsib), with the Baikal-Amur Mainline Railway (called BAM), and the extended oil and gas pipelines.

5 Conclusion

In this paper, we identified the generalized representations of Siberia based on the integration of the images presented by Russian scientists in the international peer reviewed journals and publications by international researchers, and analyzed the images that constitute the generalized representations of Siberia. The analysis showed that the generalized representations of Siberia produced by the domestic and international audiences supplement each other. However, there are some distinctions. The images found in the papers by international researchers form the generalized representations of Siberia mostly with historical, archaeological, geographical, and ecological images, while images in the publications of Russian-speaking scientists are more detailed, and to this are added the images connected with people's nature and the architecture of Siberian cities and towns.

For the domestic audience, Siberia also has some linguistic and cultural background, which has become an integral part of the Russian national consciousness. This produced such generalized representations as "*Siberian genome", "Siberian nomads", "Educated exiles",* and others.

For the international audience, the images connected with Siberia are mixed with those of the North and the Arctic, while in the publications of Russian-speaking scientists

these images are separated. In the international scientific communications, there is an image of Arctic Siberia that does not exist in the publications of Russian-speaking scientists.

However, there are many generalized representations that can be found in both research; they are connected with the history of Siberia (e.g., *"Hunter-gatherers", "Pre-historic past of the planet",* "*Stalinist system",* "*Mammoths ivory"),* the weather conditions of this region (e.g., *"Perennially frozen ground", "A harsh land")*, and the severe climate and the labor camps of Soviet times (e.g., *"Mega-region", "A transit region", "Elusive country")*.

Most of the generalized representations of Siberia are typical for scientific communications regardless of the period of publications. However, it should be pointed out that in the context of the new global crisis, two new opposing generalized representations of Siberia (Siberia as *"Climate paradise"* and Siberia as *"Climate dystopia space"*) appear in the publications from 2020 to 2023.

In sum, our research about Siberia shows that Russian and international audiences produce common generalized representations about the unique environment of Siberia, specific living conditions and people's lifestyle, innovations and active development. Therefore, we can use a combination of these generalized representations in positioning Siberia in Russia and all over the world.

The method we used for revealing the generalized representations of Siberia is applicable for any other region. The obtained generalized representations can have both scientific and applied significance: they can be utilized not only for researching but also positioning different regions. These generalized representations can further be used for developing new positioning strategies that might cause further interest in certain regions as they show their most competitive determinants of attractiveness, which can help effectively target high-priority audiences while positioning these regions. This, in turn, can increase their potential in attracting the human capital and have a positive impact on the economic development of these regions.

Thus, we can conclude that Siberia is a unique region with considerable research potential. It is important to study this region "for constraining adequate models of ecosystem functioning under various climate change scenarios" (Pokrovsky et al., 2020). In addition, the interdisciplinary research of Siberia can contribute to scientific predictions of possible global changes in such contexts as environment and living conditions, natural resources, people's lifestyle, technology and innovation, business and management, and infrastructure and communications.

6 Acknowledgment

We would like to thank Jean Kollantai for her valuable comments and for proofreading this article. We are also grateful to Master's students in Advertising and Public Relations (Tomsk State University) for their help with processing the data for this research.

7 Funding sources

This research did not receive any specific grant from funding agencies in the public, commercial, or not-for-profit sectors.

References

Ananyev, D. A. (2019), "Exile and katorga in Siberia and the Far East (The second half of the 19th –the beginning of the 20th centuries) in the coverage of English- and German- language researchers", *Tomsk State University Journal. History*, 62, 145-156 (in Russ.).

Banerjee, P. (2003), "Narration, discourse and dialogue: issues in the management of intercultural innovation", *AI & SOCIETY*, 17, 207-224.

Belash, T. A. and Mitrofanova, M. N. (2018), "Pile Foundations for Areas with a Joint Manifestation of Permafrost and High Seismic Activity", *IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.,* 463 (2), 1-6.

Belkina, O. A. and Likhachev, A. Y. (2013), "Flora of mosses of the alpine zone ('mountain tundra belt') in mountains of the Murmansk region", *Scientific Journal of Murmansk State Technical University*, 16 (3), 425-430 (in Russ.).

Berezikov, N. A. (2016), "Fortress architecture in Siberia in the end of 16th - the beginning of 18th century", *Balandinskie chteniya* [Balandin Reading], 11 (1), 12-17 (in Russ.).

Berlina, S. V., Kostomarov, V. M. and Popov, N. A. (2013), "Fortified settlements of the Tobolo-Ishim region in the Bronze Age – the middle ages (classification and analysis using GIS methods)", *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 3 (22), 79-86 (in Russ.).

Diment, G. and Slezkine, Y. (eds), (1993), *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*, Palgrave Macmillan, London, Great Britain.

Blazer, M. M. (2015), "Local legacies of the GULag in Siberia: Anthropological reflections", *Focaal*, 73, 99-113.

Chen, J., Ni, P., Thi, T. N. T., Liu, X., Zhao, S., Kamaldinov, E. V., Petukhov, V. L., Han, J. and Sprem, N. (2018), "Selective constraints in cold-region wild boars may defuse the effects of small effective population size on molecular evolution of mitogenomes", *Ecology and Evolution*, 8 (16), 8102-8114.

Cherepanova, V. N., Putilina, Y. V. and Savitskaya, Y. P. (2017), "Literary works in the student press of the early twentieth century as historical source that reflect the characteristics of the worldview and lifestyle of Siberian students in the beginning of the XX century (Review)", *Bylye Gody* [The old years], 45 (3), 1119-1126 (in Russ.).

Chirikhin, S. N. (2016), "Industrial parks of Siberia: Experience, specificities, problems (Russia, Novosibirsk)", *Problems of modern economics*, 4 (60), 31-34 (in Russ.).

Churkin, M. K. (2018), "'Road daily occurrence' of immigrants to Siberia: Strategy and practices of adaptive behavior (the second half of 19th – the beginning of 20th century)", *Istoriya povsednevnosti naseleniya Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov kak forma tsivilizatsionnoy identichnosti Evrazii: materialy Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoy konferentsii (g. Biysk, 21-23 iyunya 2018 g.).* [History of everyday life of the population of West Siberia and the neighboring regions as a form of civilization identity of Eurasia: Proceedings of the All-Russian conference with international participation], Publishing House of Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia, 30-34 (in Russ.).

Czerniawska, J. and Chlachula, J. (2020), "Climate-Change Induced Permafrost Degradation in Yakutia, East Siberia", *ARCTIC*, 73 (4), 509-528.

Deleuze, G. (1986). *Cinema 1: The Movement Image*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.

Demidenko, G. A. and Khizhnyak, S. V. (2017), "The impact of global climate change on the fluctuation of natural zones and subzones of the Yenisei Siberia in the Holocene", *The Bulletin of KrasGAU*, 7, 98-106 (in Russ.).

Domatsky, V. N., Glazunova, L. A., Glazunov, Y. V. and Nikonov, A. A. (2013), "An integrated system of antiparasitic activities for cattle of meat breeds", *Achievements of Science and Technology of AIC*, 12, 46-48 (in Russ.).

Donskikh, O. A. (2017), "Siberia – the issue of shaping the integral megaregion", *Ideas and Ideals*, 1 (31), 118-121 (in Russ.).

Feurdean, A., Diaconu, A. C., Butiseaca, G., Galka, M., Hutchinson, S. M., Kirpotin, S., Pfeiffer, M. and Tonkov, S. (2021), "Interaction between peatland moisture and plant functional types drives fire dynamics in forested peatlands in central-western Siberia", *EGU21, the 23rd EGU General Assembly, held online 19-30 April, 2021, id. EGU21-12975*. DOI: 10.5194/egusphere-egu21-12975.

Filandysheva, L. B. and Soroka, A. S. (2013), "Study of winter season periods on South-West of west Siberian plain within global climate changes", *Russian Universities Reports. Mathematics*, 18 (2), 710-714 (in Russ.).

Gagarin, A. I., Gritskevich, O. V., Ushakova, E. O. and Menshikh, N. S. (2017), "Issues of using the recreational potential of Siberian Federal District: Evidence from West Siberia", *Interexpo GEO-Siberia*, 3 (1), 184-188 (in Russ.).

Gatinsky, Y. G. (2016), "Predeterminacy and relations between historical events and natural processes on the earth and in the solar system (about book series on the chronology of natural phenomena, geodynamics and heliogeodynamics)", *Geodynamics & Tectonophysics*, 7 (1), 137-141 (in Russ.).

Gogolev, P. V. (2014), "About the autonomy and territorial interests of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia at the present stage", *Vestnik of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*, 11 (3), 118-124 (in Russ.).

Gorbacheva, N. V. (2020), *Energeticheskij vybor Sibiri: analiz vygod i izderzhek* [Siberia energy choice: cost–benefit analysis], Publishing House of IEIE of the SB RAS, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Gorbatenko, V. P., Volkova, M. A., Nosyreva, O. V., Zhuravlev, G. G. and Kuzhevskaia, I. V. (2020), "Influence of Climatic Conditions on Western Siberian Forest Fires", *Predicting, Monitoring, and Assessing Forest Fire Dangers and Risks*, IGI Global, USA, 269-293.

Jirásek I, and Hanuš M. (2020), "'General Frost': A Nature-Based Solution and Adventure Tourism: A Case Study of Snowshoeing in Siberia", *Journal of Hospitality & Tourism Research*, 46 (3), 490-517.

Johansen, U. (2017), "On freedom of creative activity of servants of religion and transfer of religious norms in a non-literate society (a fragment of a manuscript translated from German by Funk, D. A. and Kharitonova, V. I.)", *Siberian Historical Research*, 2, 9-20 (in Russ.).

Kichigina, N. V. (2021), "Floods in Siberia: geographical and statistical analysis for the period of climate change", *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 66 (1), 41-60 (in Russ.).

Krayushkina, T. V. (2019), "From will and and captivity to freedom: Traditional representations in Russian song folklore of Siberia and the Russian Far East", *Russia and the Pacific*, 4 (106), 22-41 (in Russ.).

Kuzheleva-Sagan, I. P. and Spicheva, D. I. (2020), "The Phenomenon of Digital Nomadism in the modern interdisciplinary discourse", *Tomsk State University Journal*, 454, 72-87 (in Russ.).

Kuznetsova, O. P., Kuzmenko, O. A. and Yumaev, E. A. (2017), "Co-Opetition (Coexisting Competition and Competitive Coexistaence) in the Tourism Field in Siberian Regions", *Economy of Regions*, 13 (1), 237-248 (in Russ.).

Makimoto, T. and Manners, D. (1997), *Digital Nomad*, Wiley, New York, USA.

Maloletko, A. M. (2013), "The Ugrians, the Samoyedic peoples, the Kets – the prehistory", *Tomsk State University Journal. History*, 3 (23), 194-198 (in Russ.).

Malov, V. Y. (2015), "Siberia from the view of the governmental regional economic policy", *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 3 (21), 22-33 (in Russ.).

Matkhanova, N. and Rodigina, N. (2019), "The Image of Siberia in the Accounts of Governors-General in the Second Half of the 19th Century", *In Quaestio Rossica*, 7 (3), 835-850 (in Russ.).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N. and Ivanova, D. P. (2014), "A morphological analysis of vessels from middle Bronze AGE (early 2nd millennium BC) burials at Vengerovo, in the irtysh forest-steppe", *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 42 (2), 44-66.

Nefedkin, V. I. (2014), "Interaction of large corporations and regions in the development of natural resources of Siberia and the Far East", *Interexpo GEO-Siberia*, 3 (1), 133-137 (in Russ.).

Parfenova. E., Tchebakova, N. and Soja, A. (2019), "Assessing landscape potential for human sustainability and 'attractiveness' across Asian Russia in a warmer 21st century", *Environmental Research Letters*, 14 (6), 1-15.

Paromov, V. V., Zemtsov, V. A. and Kopysov, S. G. (2017), "The climate of West Siberia under the reduction of the warming rate (1986–2015), and predicting hydroclimatic resources for 2021–2030", *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*, 328 (1), 62-74 (in Russ.).

Pasarić, M., and Warren, G. (2019), "Interactions of Care and Control: Human–animal Relationships in Hunter-gatherer Communities in Near-contemporary Eastern Siberia and the Mesolithic of Northwest Europe", *Cambridge Archaeological Journal*, 29 (3), 465-478.

Pokrovsky, O. S., Manasypov, R. M., Kopysov, S. G., Krickov, I. V., Shirokova, L. S., Loiko, S. V., Lim, A. G., Kolesnichenko, L. G., Vorobyev, S. N. and Kirpotin, S. N. (2020), "Impact of Permafrost Thaw and Climate Warming on Riverine Export Fluxes of Carbon, Nutrients and Metals in Western Siberia", *Water*, 12, 1-21.

Ponomareva, I. A. (2016), "On the Angara petroglyphic style", *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 44 (2), 69-80.

Remnev, A. V., (2011), "Siberian as nationality: regional identity and historical constructivism of the 19th century", *Politeia journal*, 3 (62), 109-128 (in Russ.).

Rozwadowski, A. (2017), "Travelling Through the Rock to the Otherworld: The Shamanic 'Grammar of Mind' Within the Rock Art of Siberia", *Cambridge Archaeological Journal*, 27 (3), 413-432.

Rudaya, N. A. (2013), "Environmental conditions during the early human settlement of Chagyrskaya Cave (Altai)", *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 41 (1), 45-54.

Rybyakova, T. A. and Gorina, O. M. (2014), "'Cultural tourism' as a component of tourism industry in the Tyumen region", *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 24 (353), 126-129 (in Russ.).

Saveliev, M. V. and Polyakov, E. N. (2016), "The tradition of folk architecture in the architectural and artistic decoration of the entrance group of the Siberian city estate of 21st – early 20th centuries". *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 1 (21), 155-170 (in Russ.).

Savichev, O. G., Mazurov, A. K., Rudmin, M. A., Hvashchevskaya, A. A. and Dauletova, A. B. (2018), "Changes in chemical composition of acid extracts on depth of peat deposit of the Vasyugan mire ecological systems (Western Siberia)", *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*, 329 (9), 101-116 (in Russ.).

Schennen, S. and Tronicke, J. **(**2015), "The potential of common-offset GPR surveying in complex permafrost environments: an example from Northern Siberia", *8th International Workshop on Advanced Ground Penetrating Radar (IWAGPR),* Florence, Italy, 1-4.

Schennen, S., Tronicke, J., Wetterich, S., Allroggen, N., Schwamborn, G. and Schirrmeister, L. (2016), "3D ground-penetrating radar imaging of ice complex deposits in northern East Siberia", *Geophysics*, 81 (1), 195-202.

Sedov, A. V. (2016), "Issues of Ethnic groups and peoples of Siberia", *Fundamental and applied research: Problems and results*, 29, 38-43 (in Russ.).

Sergeeva, M. A. and Khokhlova, A. M. (2015), "Microbial biomass and its activity in peat bogs of Siberia", *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2 (155), 143-149 (in Russ.).

Seuru, S., Leshchinskiy, S, Auguste, P. and Fedyaev, N. (2017), "Woolly mammoth and Man at Krasnoyarskaya Kurya site, West Siberian Plain, Russia (excavation results of 2014)", *Bulletin de la Société Géologique de France*, 188 (1-2), 1-13.

Shcherbinin, A. I. (2013), "The imaginative component of the university city positioning in conditions of global rivalry", *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 3 (23), 64-66 (in Russ.).

Skovortsov, M. B., Nemova, V. D., Dakhnova, M. V., Kopilevich, N. D., Surova, A. M., Kirsanov, S. V. and Mozhegova, S. V. (2019), "New methodological approaches to evaluating the oil resources in the formation of Bazhenov suite", *Russian Geology and Geophysics*, 60 (2), 217-229 (in Russ.).

Spicheva, D. I. (2017), "'Siberian Genome' as a factor of shaping the Siberian nomad's identity", *Kompleksnye issledovaniya cheloveka: psikhologiya: Materialy 7- go Sibirskogo psikhologicheskogo foruma: V 2 ch. Ch. I: Attraktory i identichnosti cheloveka tsifrovoy epokhi. Obrazovanie. Vospitanie. Tvorchestvo* [Complex Human Studies: Psychology: Proceedings of the 7th Siberian Psychological Forum: In 2 p. P. I: Attractors and Identities of People of the Digital Age. Education. Upbringing. Creativity], Publishing House of Tomsk State University, Tomsk, Russia, 211-215 (in Russ.).

Stupakova, A. V., Sokolov, A. V., Soboleva, E. V., Kurasov, I. A., Bordyug, E. V. and Kiryukhina, T. A. (2015), "Geological survey and petroleum potential of paleozoic deposits in Western Siberia", *Georesources*, 61, 63-76 (in Russ.).

Suprun, V. I. (2016), "Siberia as a mega-region: concepts and reality", *Ideas and Ideals*, 1, 124-134 (in Russ.).

Tatsiy, Y. G., Moiseenko, T. I., Borisov, A. P., Baranov, D. Y., Razumovskiy, L. V. and Khoroshavin, V. Y. (2020), "Bottom sediments of the West Siberian Arctic lakes as indicators of environmental changes", Geochemistry International, 65 (4), 408-422 (in Russ.).

Temple, D. H., Bazaliiskii, V. I., Goriunova, O. I. and Weber, A. W. (2014), "Skeletal growth in early and late Neolithic foragers from the Cis-Baikal region of Eastern Siberia", *American Journal of Physical Anthropology*, 153 (3), 377-386.

Timoshchenko, A. A. and Savelyev, N. A. (2013), "Archaeology of bronze age Kansk-Rybinsk basin (modern stage of problem)", *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 12 (5), 19-27 (in Russ.).

Toboev, A. I. (2017), "Shamanism as natural religion", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 12-2 (86), p. 2, 182-184 (in Russ.).

Tskhai, A. A. (2020), "Current assumptions of characteristics for different-type Siberian water objects in modeling and forecasting of their

aquatic-ecological state", *IOP Conf. Ser.: Earth Environ*, Irkutsk Region, Russia, 1-5.

Turbovskoy, Y. S. (2015), "Siberia and Ukraine all in one", *Otechestvennaya i Zarubezhnaya Pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy], 1 (22), 139-152 (in Russ.).

Vasilyeva, S. P. (2014), "Ethnic consciousness and self-awareness of the Siberian", *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 4 (30), 177-181 (in Russ.).

Vereshchagin, S. G. (2013), "Economic and demographic safety of the Far East as the most important factor of Russian foreign policy in the Asia-Pacific Region", *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [The territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University], 1 (19), 184-187 (in Russ.).

Vinokurova, U. A. (2015), "Can indigenous peoples of Siberia stand up to the challenges of the 21st century?", *Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 106-117 (in Russ.).

Vinokurova, U. A. (2018), "Indigenous Peoples of Siberia and the Challenges of the Twenty-First Century", *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*, 17 (3), 13-15.

Volskaya, L. N. and Bezhanova, M. V. (2017), "Architectural-artistic system of Siberian cities and principles of its creation", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 1 (75), 73-75 (in Russ.).

Yermolenkina, L. I. and Kostyashina, E. A. (2013), "The perception of concept 'tolerance' as a representative of the Tomsk city of the world: experimental research data", *Language and culture. Supplement*, 2, 24-36 (in Russ.).

Zakh, V. A. (2013), "Dynamics of peopling the territory of the Low Tobol-and-Ishim basin in Holocene", *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 4 (23), 4-12 (in Russ.).

Литература

Ананьев, Д.А. Ссылка и каторга в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.) в освещении англо- и немецкоязычных исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 145-156.

Белкина, О.А., Лихачев, А.Ю. Флора мхов горнотундрового пояса в горах Мурманской области // Вестник МГТУ. 2013. № 16 (3). С. 425-430.

Березиков, Н.А. Крепостное зодчество в Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Баландинские чтения. 2016. № 1. С. 12-17.

Берлина, С.В., Костомаров, В.М., Попов, Н.А. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы – средневековье (опыт классификации и анализа в среде ГИС) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 79-86.

Васильева, С.П. Этническое сознание и самосознание сибиряка // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2014. № 4 (30). С. 177-181.

Верещагин, С.Г. Экономическая и демографическая безопасность Дальнего Востока как важнейший фактор обеспечения внешней политики России в АТР // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2013. № 1 (19). С. 184-187.

Винокурова, У.А. Коренные народы Сибири: могут ли они ответить на вызовы XXI века? // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 106-117.

Вольская, Л.Н., Бежанова, М.В. Архитектурно-художественная система крупных городов Сибири и принципы ее создания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (75). С. 73-75.

Гагарин, А.И., Грицкевич, О.В., Ушакова, Е.О., Меньших, Н.С. Проблемы использования рекреационного потенциала Сибирского федерального округа на примере Западной Сибири // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. № 3 (1). С. 184-188.

Гатинский, Ю.Г. Предопределенность и связь исторических событий с природными процессами на Земле и в солнечной системе (о цикле книг по хронологии природных феноменов, геодинамике и гелиогеодинамике) // Геодинамика и тектонофизика. 2016. № 7 (1). С. 137-141.

Гоголев, П.В. Об автономии и территориальных интересах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России на современном этапе // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. 2014. № 11 (3). С. 118-124.

Горбачева, Н.В. Энергетический выбор Сибири: анализ выгод и издержек. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. 320 с.

Демиденко, Г.А., Хижняк, С.В. Влияние глобального изменения климата на флуктуацию природных зон и подзон Приенисейской Сибири в голоцене // Вестник КрасГАУ. 2017. № 7. С. 98-106.

Домацкий, В.Н., Глазунова, Л.А., Глазунов, Ю.В., Никонов, А.А. Интегрированная система противопаразитарных мероприятий для крупного рогатого скота мясных пород // Достижения науки и техники АПК. 2013. № 12. С. 46-48.

Донских, О.А. Становление мегарегиона Сибирь: социокультурный и геополитический контекст // Идеи и идеалы. 2017. № 1 (31). С. 118-121.

Ермоленкина, Л.И., Костяшина, Е.А. Особенности восприятия концепта «Толерантность» как репрезентанта томской городской картины мира: опыт экспериментального описания // Язык и культура. Приложение. 2013. № 2. С. 24-36.

Зах, В.А. Динамика заселения территории лесного Тоболо-Ишимья в голоцене // Вестник антропологии, археологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 4-12.

Йохансен, У. О свободе творчества служителей религии и передаче религиозных норм в бесписьменном обществе / пер. с нем. Д.А. Функа и В.И. Харитоновой // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 9-20.

Кичигина, Н.В. Наводнения Сибири: географический и статистический анализ за период климатических изменений // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2021. № 66 (1). С. 41-60.

Краюшкина, Т.В. От воли и неволи к свободе: традиционные представления в русском песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2019. № 4 (106). С. 22-41.

Кужелева-Саган, И.П., Спичева, Д.И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 72-87.

Кузнецова, О.П., Кузьменко, А.А., Юмаев, Е.А. Сотруенция и соткуренция в сфере туризма в регионах Сибири // Экономика региона. 2017. № 13 (1). С. 237-248.

Малов, В.Ю. Сибирь как объект государственной региональной экономической политики // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 3 (21). С. 22-33.

Малолетко, А.М. Угры, самодийцы, кеты – предыстория // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 194-198.

Матханова, Н., Родигина, Н. Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // Quaestio Rossica. 2019. № 7 (3). С. 835-850.

Нефедкин, В.И. Взаимодействие крупных корпораций и регионов при освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. № 3 (1). С. 133-137.

Паромов, В.В., Земцов, В.А., Копысов, С.Г. Климат Западной Сибири в фазу замедления потепления (1986–2015 гг.) и прогнозирование гидроклиматических ресурсов на 2021–2030 гг. // Известия ТПУ. Инжиниринг георесурсов. 2017. № 328 (1). С. 62-74.

Ремнев, А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 109-128.

Рыбъякова, Т.А., Горева, О.М. «Культурный туризм» как составляющая развития туриндустрии в Тюменской области // Вестник ЧелГУ. 2014. № 24 (353). С. 126-129.

Савельев, М.В., Поляков, Е.Н. Традиции народного зодчества в архитектурно-художественном декорировании входной группы сибирской городской усадьбы периода XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 155-170.

Савичев, О.Г., Мазуров, А.К., Рудмин, М.А., Хващевская, А.А., Даулетова, А.Б. Изменения химического состава кислотных вытяжек по глубине торфяной залежи внутриболотных экосистем Васюганского болота (Западная Сибирь) // Известия ТПУ. Инжиниринг георесурсов. 2018. № 329 (9). С. 101-116.

Седов, А.В. Вопросы этносов народов Сибири // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2016. № 29. С. 38-43.

Сергеева, М.А., Хохлова, А.М. Микробная биомасса и ее активность в торфяных болотах Сибири // Вестник ТГПУ. 2015. № 2 (155). С. 143-149.

Скворцов, М.Б., Немова, В.Д., Дахнова, М.В., Копилевич, Е.А., Сурова, Н.Д., Кирсанов, А.М., Можегова, С.В. Новые методические подходы к оценке ресурсов нефти в отложениях Баженовской свиты // Геология и геофизика. 2019. № 60 (2). С. 217-229.

Спичева, Д.И. «Сибирский геном» как фактор формирования идентичности цифрового номада // Комплексные исследования человека: психология: Материалы 7-го Сибирского психологического форума: В 2 ч. Ч. I: Аттракторы и идентичности человека цифровой эпохи. Образование. Воспитание. Творчество. Томск: Изд. дом ТГУ, 2017. С. 211-215.

Ступакова, А.В., Соколов, А.В., Соболева, Е.В., Курасов, И.А., Бордюг, Е.В., Кирюхина, Т.А. Геологическое изучение и нефтегазоносность палеозойских отложений Западной Сибири // Георесурсы. 2015. № 61. С. 63-76.

Супрун, В.И. Сибирь как мегарегион: концепция и реальность // Идеи и идеалы. 2016. № 1. С. 124-134.

Таций, Ю.Г., Моисеенко, Т.И., Разумовский, Л.В., Борисов, А.П., Хорошавин, В.Ю., Баранов, Д.Ю. Донные отложения арктических озер Западной Сибири как индикаторы изменений окружающей среды // Геохимия. 2020. № 65 (4). С. 408-422.

Тимощенко, А.А., Савельев, Н.А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5. С. 19-27.

Тобоев, А.И. Шаманизм как естественная религия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (86): В 5 ч. Ч. 2. С. 182-184.

Турбовской, Я.С. Сибирь и Украина в одном лице // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 1 (22). С. 139-152.

Филандышева, Л.Б., Сорока, А.С. Изучение ритмов зимнего сезона на юго-западе Западно-Сибирской равнины в свете глобальных изменений климата // Вестник российских университетов. Математика. 2013. № 18 (2). С. 710-714.

Чирихин, С.Н. Индустриальные парки Сибири: опыт, особенности, проблемы // Проблемы современной экономики. 2016. № 4 (60). С. 31-34.

Чуркин, М.К. «Дорожная повседневность» переселенцев в Сибирь: стратегии и практики адаптивного поведения (вторая половина XIX – начало XX в.) // История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (г. Бийск, 21-23 июня 2018 г.). Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2018. С. 30-34.

Щербинин, А.И. Образная составляющая позиционирования университетского города в условиях глобальной конкуренции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С. 64-66.

Banerjee, P. Narration, discourse and dialogue: issues in the management of inter-cultural innovation // AI & SOCIETY. 2003. Vol. 17. Pp. 207-224.

Belash, T.A., Mitrofanova, M.N. Pile Foundations for Areas with a Joint Manifestation of Permafrost and High Seismic Activity // IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng. 2018. Vol. 463. No. 2. Pp. 1-6.

Blazer, M. M. Local legacies of the GULAG in Siberia: Anthropological reflections // Focaal. 2015. Vol. 73. Pp. 99-113.

Chen, J., Ni, P., Thi, T. N. T., Liu, X., Zhao, S., Kamaldinov, E. V., Petukhov, V. L., Han, J., Sprem, N. Selective constraints in cold-region wild boars may defuse the effects of small effective population size on molecular evolution of mitogenomes // Ecology and Evolution. 2018. Vol. 8. No. 16. Pp. 8102-8114.

Cherepanova, V.N., Putilina, Y.V., Savitskaya, Y.P. Literary works in the student press of the early twentieth century as historical source that reflect the characteristics of the worldview and lifestyle of Siberian students in the beginning of the XX century (Review) // Bylye Gody. 2017. Vol. 45. No. 3. Pp. 1119-1126.

Czerniawska, J., Chlachula, J. Climate-Change Induced Permafrost Degradation in Yakutia, East Siberia // ARCTIC. 2020. Vol. 73. No. 4. Pp. 509-528.

Deleuze, G. Cinema 1: The Movement Image. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. 250 p.

Diment, G., Slezkine, Y. Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture. London: Palgrave Macmillan, 1993. 288 p.

Feurdean, A., Diaconu, A.C., Butiseaca, G., Galka, M., Hutchinson, S.M., Kirpotin, S., Pfeiffer, M., Tonkov, S. Interaction between peatland moisture and plant functional types drives fire

dynamics in forested peatlands in central-western Siberia // EGU21, the 23rd EGU General Assembly, held online 19-30 April, 2021, id. EGU21-12975. DOI: https://doi.org/10.5194/egusphere-egu21-12975

Gorbatenko, V.P., Volkova, M.A., Nosyreva, O.V., Zhuravlev, G.G., Kuzhevskaia, I. V. Influence of Climatic Conditions on Western Siberian Forest Fires // Predicting, Monitoring, and Assessing Forest Fire Dangers and Risks. USA: IGI Global, 2020. Pp. 269-293.

Jirásek, I., Hanuš, M. "General Frost": A Nature-Based Solution and Adventure Tourism: A Case Study of Snowshoeing in Siberia // Journal of Hospitality & Tourism Research. 2020. Vol. 46. No. 3. Pp. 490-517.

Makimoto, T., Manners, D. Digital Nomad. New York: Wiley, 1997. 256 p.

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Ivanova, D. P. A morphological analysis of vessels from middle Bronze AGE (early 2nd millennium BC) burials at Vengerovo, in the irtysh forest-steppe // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2014. Vol. 42. No. 2. Pp. 44-66.

Parfenova, E., Tchebakova, N., Soja, A. Assessing landscape potential for human sustainability and 'attractiveness' across Asian Russia in a warmer 21st century // Environmental Research Letters. 2019. Vol. 14. No. 6. Pp. 1-15.

Pasarić, M., Warren, G. Interactions of Care and Control: Human–animal Relationships in Hunter-gatherer Communities in Near-contemporary Eastern Siberia and the Mesolithic of Northwest Europe // Cambridge Archaeological Journal. 2019. Vol. 29. No. 3. Pp. 465-478.

Pokrovsky, O.S., Manasypov, R.M., Kopysov, S.G., Krickov, I.V., Shirokova, L.S., Loiko, S.V., Lim, A. G., Kolesnichenko, L.G., Vorobyev, S.N., Kirpotin, S.N. Impact of Permafrost Thaw and Climate Warming on Riverine Export Fluxes of Carbon, Nutrients and Metals in Western Siberia // Water. 2020. No. 12. Pp. 1-21.

Ponomareva, I.A. On the Angara petroglyphic style // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2016. Vol. 44. No. 2. Pp. 69-80.

Rozwadowski, A. Travelling Through the Rock to the Otherworld: The Shamanic 'Grammar of Mind' Within the Rock Art of Siberia // Cambridge Archaeological Journal. 2017. Vol. 27. No. 3. Pp. 413-432.

Rudaya, N.A. Environmental conditions during the early human settlement of Chagyrskaya Cave (Altai) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. Vol. 41. No. 1. Pp. 45-54.

Schennen, S., Tronicke, J. The potential of common-offset GPR surveying in complex permafrost environments: an example from Northern Siberia // 8th International Workshop on Advanced Ground Penetrating Radar (IWAGPR), Florence, Italy, 2016. Pp. 1-4.

Schennen, S., Tronicke, J., Wetterich, S., Allroggen, N., Schwamborn, G., Schirrmeister, L. 3D ground-penetrating radar imaging of ice complex deposits in northern East Siberia // Geophysics. 2016. Vol. 81. No. 1. Pp. 195-202.

Seuru, S., Leshchinskiy, S., Auguste, P., Fedyaev, N. Woolly mammoth and Man at Krasnoyarskaya Kurya site, West Siberian Plain, Russia (excavation results of 2014) // Bulletin de la Société Géologique de France. 2017. Vol. 188. No. 1-2. Pp. 1-13.

Temple, D.H., Bazaliiskii, V.I., Goriunova, O.I., Weber, A.W. Skeletal growth in early and late Neolithic foragers from the Cis-Baikal region of Eastern Siberia // American Journal of Physical Anthropology. 2014. Vol. 153. No. 3. Pp. 377-386.

Tskhai, A.A. Current assumptions of characteristics for different-type Siberian water objects in modeling and forecasting of their aquatic-ecological state // IOP Conf. Ser.: Earth Environ, Irkutsk Region, Russia, 2020. Pp. 1-5.

Vinokurova, U.A. Indigenous Peoples of Siberia and the Challenges of the Twenty-First Century // Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. 2018. Vol. 17. No. 3. Pp. 13-15.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

ABOUT THE AUTHORS:

Dina I. Spicheva, PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Social Communications, National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation; *speecheva@mail.ru*

Ekaterina V. Polyanskaya, Senior Lecturer at the Department of Social Communications**,** National Research Tomsk State University,36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation; *polyanskayaev77@mail.ru*

Ekaterina N. Vinokurova, Assistance Lecturer at the Department of Social Communications**,** National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation; *c.vinockurova@yandex.ru*

ОБ АВТОРАХ:

Спичева Дина Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *speecheva@mail.ru*

Полянская Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры социальных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *polyanskayaev77@mail.ru*

Винокурова Екатерина Николаевна, ассистент кафедры социальных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *c.vinockurova@yandex.ru*

УДК 81'27 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-6**

Соколова И. А.

Номинация эргонимов г. Набережные Челны (лексико-грамматический аспект)

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, пр-т Мира, д. 68/19, г. Набережные Челны, 423800, Республика Татарстан, Россия; *e.a.sokolova-fardeeva@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается эргонимия как разряд ономастики. Объектом исследования служат современные наименования продуктовых магазинов г. Набережные Челны. Эргонимы для обозначенной категории предприятий должны быть понятными, легкими для запоминания и эффективными в передаче необходимой информации. Чтобы адаптировать названия городских объектов под различные аудитории, осуществляется учет культурных, языковых и психологических характеристик. Эргонимы отражают социальную и историческую ситуацию в определенном обществе. Актуальность заключается в изучении языковой ситуации через эргонимы на конкретной территории Республики Татарстан. Целью исследования является систематизация материала по лексико-грамматическим способам номинации в данной тематической группе. Материалом исследования послужили эргонимы, взятые из базы данных за 2023 г. «Предприятия г. Набережные Челны» интернет-справочника «РФадрес». Анализ языкового материала свидетельствует о том, что среди способов номинации эргонимов на грамматическом уровне наиболее популярными у номинаторов являются субстантивация, морфемная деривация и лексико-синтаксический способ. В целом рассмотренные способы номинации эргонимов выделяются простотой в образовании, а сами наименования легко запоминаются.

Ключевые слова: эргонимы; г. Набережные Челны; продуктовые магазины; номинация; лексико-грамматический аспект

Для цитирования: Соколова И. А. Номинация эргонимов г. Набережные Челны (лексико-грамматический аспект) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 75-81. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-6

I. A. Sokolova

Ergonyms nomination of the city of Naberezhnye Chelny (the lexical and grammatical aspect)

Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University,
68/19 Mira Ave., Naberezhnye Chelny, 423800, Republic of Tatarstan, Russia;
e.a.sokolova-fardeeva@mail.ru

Abstract. The article deals with ergonymy as a category of onomastics. The object of the study is the modern names of grocery shops in the city of Naberezhnye Chelny. Ergonyms should be understandable, easy to remember and effective in conveying the

necessary information. In order to adapt the names of city objects for different audiences, cultural, linguistic and psychological characteristics are taken into account, linguistic and psychological characteristics. Ergonyms reflect the social and historical situation in a particular society. The relevance lies in the study of the linguistic situation through ergonyms on the specific territory of the Republic of Tatarstan. Ergonims represent an important part of the lexical and grammatical system of the language. The aim of the study is to identify lexico-grammatic always of nomination in this thematic group. The study material was ergonyms taken from the database for 2023 "Enterprises of Naberezhnye Chelny" of the RFaddress Internet directory. The analysis of the linguistic material shows that among the ways of nomination The analysis of the linguistic material shows that among the ways of nomination of ergonyms at the grammatical level the most popular among nominators are substantivation, morphemic derivation and lexico-syntactic method. In general, the considered ways of nomination of ergonyms are distinguished by simplicity in formation and easy to remember.

Keywords: ergonyms; Naberezhnye Chelny; grocery shops; nomination; lexico-grammatical aspect

For citation: Sokolova I. A. (2024), “Ergonyms nomination of the city of Naberezhnye Chelny (the lexical and grammatical aspect)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), .75-81, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-6

Введение

Эргонимы являются важной частью лексико-грамматической системы конкретного языка и отражают социальный портрет общества. Кроме того, эргонимы свидетельствуют о социальной и исторической ситуации в определенном обществе. Например, наименования улиц, площадей, зданий или учреждений могут указать на исторические события, выдающихся личностей или культурные символы. В данной работе исследованы известные способы и средства номинации, которые были описаны лингвистами на материале эргонимов в разных языках. Так, эргонимы современного русского языка рассматриваются как микросистема (Алистанова, 2011); эргонимия изучается как отражение языковой ситуации в республике Азербайджан (Аулина, 2016); осуществляется анализ эргонимов-реплик (Вепрева, 2019); объектом исследования является коммуникативно-прагматический аспект эргонимов (Зеленина, Буторина, 2016); проводится анализ прецедентных эргонимов – онимов, вписанных в культуру, соотносимых с общеизвестным текстом или ситуацией имен собственных (Зуева, Околиздаева, 2021); рассматриваются эргонимы с элементами графической трансформации (Крыжановская, 2017); анализируется лингвомаркетинговый подход в изучении эргонимов г. Улан-Удэ (Мархеева, 2020); исследуются лингвокреативные тенденции в оформлении современного эргонимикона на материале эргонимов города Казани (Салимова, 2023); раскрывается тема языковой игры как средства создания эргонимов (Фейсханова, 2017); фокусируется внимание на структуре эргонима (Шавлюк, 2019); описывается лингвистическое многообразие поликультурного города на материале эргонимов Барселоны (Ismagilova, Palutina, Pupyreva, González, 2020); раскрывается отражение культурных ценностей в эргонимии Казани (Solnyshkina, 2014); исследуется поликультурный аспект в нейминге (Felecan, Bugheiu, 2021).

Изучение работ исследователей свидетельствует о том, что способы номинации эргонимов могут быть представлены разными языковыми уровнями: *лексико-семантическим* (семантическая онимизация

подразумевает образование эргонима путем переноса семантического значения слова ониму), *лексико-грамматическим* (субстантивация, морфемная деривация, лексико-синтаксический способ), *заимствованиями* (использование иноязычных средств), *графическим, комплексным способом* (одновременное использование нескольких номинаций). Анализ способов и средств номинации эргонимов позволяет увидеть развитие лексико-семантической, лексико-грамматической, графической систем в конкретном языке и на конкретной территории. Эти языковые факторы способствуют пониманию того, как язык отражает социальные и культурные особенности общества в определенный период. В данной статье наше внимание будет сфокусировано на лексико-грамматических способах номинации эргонимов.

Исследование проводилось нами на языковом материале официального сайта справочника «РФадрес», раздел «Список организаций г. Набережные Челны» с данными на 2023 год[1].

Анализ лексико-грамматических средств номинации эргонимов

Рассмотрим татарстанскую эргонимию тематической группы «Продуктовые магазины». В данной категории анализу подверглось около 200 эргонимов, включая повторяющиеся лексические единицы.

Лексико-грамматический анализ языкового материала позволил его систематизировать следующим образом:

1. Субстантивация – процесс перехода других частей речи в имя существительное является способом образования эргонимов.

Алтын (тат. «золотой») – может указывать на то, что предлагаются образцовые и качественные продукты, которые стоят своей цены.

Бэхетле (тат. «счастливый») – такое название передает идею благоприятной атмосферы для покупателей, вызывая ассоциации с позитивными эмоциями и усиливая ощущение удовлетворенности от покупок.

Вечерний – название говорит о специализации на товарах вечернего времени: магазин может предлагать продукты и товары, которые наиболее востребованы в вечернее время или в связи с вечерним образом жизни. Также здесь можно проследить концепцию комфорта: название может ассоциироваться с вечерней атмосферой, спокойствием или домашним уютом.

Добрый – вызывает ассоциацию с добротой, заботой и дружелюбием, что может создать благополучную атмосферу для покупателей, делая их опыт в магазине более приятным.

Домашний – включает прилагательное, которое означает «связанный с домом, семьей, бытом». Название магазина подчеркивает, что здесь покупатели могут найти все необходимое для дома, для своей семьи. Вместе с тем данный эргоним вызывает положительные ассоциации, связанные с домашним очагом, уютом, родным местом.

Залесный – имеет значение, связанное с природой и лесом. Оно подразумевает, что магазин предлагает свежие и натуральные продукты, выращенные или полученные в окружении леса, отражая экологическую ориентацию и стремление к сохранению природы и здоровья клиентов.

Замечательный – вызывает ассоциации восхищения и удовлетворения, отражает стремление магазина к предоставлению исключительного сервиса.

Знатный – имеет отсылку к прилагательному «*знатный*», которое означает «*высокопоставленный», «достойный», «престижный»*. Такое название может подразумевать, что магазин предлагает только

[1] Список организаций г. Набережные Челны // РФадрес: Справочник организаций РФ [Электронный ресурс]. URL: https://rfadres.ru/kazan/respublika_tatarstan/naberezhnye_chelny/ (дата обращения: 13.01.2024).

престижные и эксклюзивные продукты, соответствующие определенному стилю жизни, что является привлекательным для ценителей и гурманов.

Любимый – означает, что этот магазин претендует на любимое место покупок для своих клиентов, где каждый покупатель чувствует себя особенным и заботливо обслуженным.

Почтовый – возможно, указывает на то, что магазин находится рядом с почтовым отделением.

Семейный – указывает ориентацию на семейных покупателей и предлагает продукты, удовлетворяющие различные потребности всей семьи (продукты питания, товары для ухода за детьми, бытовую химию и другие товары, которые востребованы семьями).

Солнечный – отражает стремление магазина предложить клиентам продукты, которые приносят радость и энергию, ассоциируясь с солнцем, светом и жизнерадостностью.

Удобный – передает стремление предоставить удобство и комфорт покупателям во время покупок: удобное расположение магазина, широкий ассортимент продуктов, хорошо организованное пространство, удобные корзины или тележки для покупок, удобные часы работы и прочие удобства.

Хороший – создает ощущение уверенности в том, что покупатели выбирают надежный и добросовестный магазин, который предлагает только хорошо отобранные и проверенные товары.

Экономный – обозначает стремление магазина предлагать потребителям товары и услуги по доступным ценам; подразумевает наличие бюджетных вариантов продуктов, скидок и специальных предложений для экономного потребителя.

Кстати – слово является исключением из представленных выше примеров: оно перешло в разряд существительных, не будучи прилагательным. В зависимости от контекста, слово «*кстати*» может быть разной частью речи: либо наречием, либо вводным словом. Учитывая значение наречия («в нужный момент, удобный, подходящий, к месту, уместно»), номинатор использовал его для придания оригинальности наименованию магазина.

Как показывают примеры, субстантивация осуществляется, как правило, за счет прилагательных, причем с ярко выраженной положительной коннотацией.

2. Морфемная деривация – создание нового слова с помощью присоединения к производящей основе различных словообразовательных аффиксов. Морфемная деривация объединяет такие способы словообразования, как аффиксация (префиксация, суффиксация), словосложение, языковая игра, аббревиация и некоторые другие.

1) *Суффиксальный способ* – образование слова путем присоединения аффикса (в нашем случае употребляются только суффиксы): *Анюта, Березка, Калинка, Колосок, Настёна, Погребок, Пятерочка, Росинка, Хозяюшка.* Используются уменьшительно-ласкательные формы, которые придают названиям магазинов более милый и дружелюбный оттенок, что вызывает положительные эмоции у потребителей.

2) *Словосложение* – образование сложных слов.

МиниМаркет – слово английского происхождения (*MiniMarket* – «маленький магазин»), обозначающее магазин небольшого размера.

Час-Пик – связан с концепцией быстрого и удобного обслуживания, когда покупатели могут приобрести все необходимые товары в удобное для них время. Также наблюдается отсылка к тому, что магазин работает без перерывов и выходных, то есть в «режиме нон-стоп».

ЧелныМаркет – связано с названием города *Набережные Челны* и обозначением *Маркет* (англ. *Market* – «рынок, магазин») – ссылка на торговую точку. В этом случае название несет информативный характер и указывает на магазин, расположенный в Набережных Челнах.

Челны-Хлеб – является комбинацией слов *Челны* (отсылка к названию города) и

хлеб, обозначающего основной продукт, предлагаемый в магазине: хлеб, выпечка и другие хлебные продукты.

3) *Языковая игра* – позволяет придать терминам оригинальность и уникальность, иногда с нарушением грамматических правил.

Сим-сим – ассоциируется со сказкой *«Али-Баба и сорок разбойников»*, где герой открывает дверь пещеры, произнося фразу: *«Сим-сим, откройся!»*. Такое название может быть забавным и запоминающимся для потребителей, а также создавать ассоциации с таинственностью и загадками, привлекая внимание и вызывая интерес у покупателей.

СластЕла вызывает ассоциации со сладостями и удовольствием от их употребления. Данный эргоним заключает в себе игру слов *«сладости» и «ела»*, что подчеркивает направленность магазина на продажу сладких продуктов.

4) *Нумерация* – выявлено два эргонима: *555, 999*. Цифры *5* и *9* ассоциируются с удачей и счастливыми событиями. В данном случае название может быть выбрано для привлечения клиентов и создания позитивной ассоциации с успехом.

5) *Усечение* – происходит в случае сокращения части слова. Мы выявили только один пример: *ПродМаркет* – частичносокращенный эргоним выполняет информативную функцию, обозначая специализацию магазина на продуктовых товарах.

3. Лексико-синтаксическиий способ предполагает образование эргонимов с помощью различных сочетаний слов.

1) Прил. + сущ. / сущ. + сущ. / имя собст. + сущ.:

Продуктовый магазин, Продовольственный магазин, Магазин продуктов – эти примеры описывают специализацию магазинов, без каких-либо дополнительных ассоциаций или концепций, которые могли бы быть связаны с ним. Название просто и нейтрально указывает на то, что магазин предлагает продукты питания, без добавления определенных характеристик или особенностей.

Тэмле Тамак (тат. «вкусная еда») – данное сочетание отражает связь с татарской кухней. Это название указывает на то, что магазин предлагает аутентичные, вкусные и особенные продукты, характерные для этой кухни, привлекая внимание покупателей, имеющих предпочтения в данном виде продукции.

Особую позицию занимают онимы *Море продукт* (дается уточнение о специализации магазина) и *Челны продукт* (отражается географическая принадлежность). Второе название явно демонстрирует ориентированность на жителей города, вызывая у них чувство гордости, близости и принадлежности к месту, где они живут и работают.

2) Предлог + местоим. / сущ. / имя собств.:

Для Всех – подразумевает, что магазин предлагает продукты, доступные и подходящие для всех категорий покупателей, указывая на стремление магазина быть инклюзивным и предлагать продукты, которые доступны для всех, независимо от их финансового положения или предпочтений.

Для Вас – указывает на то, что магазин предлагает товары и услуги, которые предназначены специально для своих клиентов, подразумевая высокий уровень обслуживания и персонализацию.

На Гренаде – название связано с географическим положением магазина вблизи парка *Гренада* в Набережных Челнах, вызывая ассоциации с природной красотой, отдыхом и спокойствием, которые свойственны этому парку.

У дома – указывает на близость с домом своих постоянных клиентов.

У Марселя, У Ромы, У Татьяны – могут быть связаны с личностью или именем владельца этих магазинов. Такие названия подразумевают, что магазины являются собственностью или делом конкретных людей с соответствующими именами, что создает ощущение персональности и индивидуальности магазина, а также может отра-

жать доверие и лояльность клиентов к владельцу, поскольку их личность приравнивается к бренду магазина.

Заключение

Исследование способов номинации современной эргонимии Республики Татарстан на примере продуктовых магазинов г. Набережные Челны привело нас к следующим результатам:

– среди рассматриваемых способов номинации на грамматическом уровне представлены субстантивация, морфологическая деривация и лексико-синтаксический способ, являющиеся успешными в создании ярких и запоминающихся названий для привлечения клиентов.

– эргонимов на татарском языке не так много. Следовательно, изученные способы номинации по данной тематической группе не способствуют популяризации и употреблению татарского языка в повседневной коммуникации, занимая нейтральную позицию.

Таким образом, лексико-грамматические новообразования играют важную роль в изучении языка, так как они позволяют говорящему проявить свою творческую компетенцию и способность к творческому мышлению. Они также помогают раскрыть словообразовательный потенциал языка и определить тенденции его развития.

Литература

Алистанова, Ф.Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала: Дагестанский гос. ун-т, 2011. 179 с.

Аулина, М.В. Эргонимия как отражение языковой ситуации в Азербайджанской Республике: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2016. 190 с.

Вепрева, И.Т. Современный эргономикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 168-179.

Зеленина, Т.И., Буторина Н.В. Коммуникативно-прагматический аспект эргонимов (на материале русского языка) // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 6. С. 50-53.

Зуева, Т.А., Околиздаева, А.А. Прецедентные эргонимы как компонент ономастического пространства современного города // Linguistica Juvenis. 2018. № 20. С. 97-110.

Крыжановская, В.А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты: Дис. … канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 241 с.

Мархеева, Т.В. Лингвомаркетинговый подход в изучении эргонимии (на материале эргонимов г. Улан-Удэ) // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. № 1. С. 52-56.

Салимова, Д.А. Лингвокреативные тенденции в оформлении современного эргономикона: на материале наименований билингвальной Казани // Многоязычие в образовательном пространстве. 2023. Т. 15. Вып. 2 (17). С. 203-208.

Фейсханова, Т.Р. Языковая игра как средство создания эргонимов // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3-6. С. 70-72.

Шавлюк, В.Б. О структуре эргонима // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 253-256.

Felecan, O., Bugheiu, A. (ed.). Names and Naming: Multicultural Aspects. Paris: Palgrave Macmillan Cham, 2021. 490 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-73186-1

Ismagilova, A.R., Palutina, O.G., Pupyreva, S.O., González, J.M. Linguistic Diversity of Multicultural Cities on the Materials in Barcelona Ergonyms // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25. No. 1. Pp. 522-529.

Solnyshkina, M.I. Ergonyms as a Mirror of Cultural Values: The Case of Kazan (Tatarstan) // SGEM 2014 Scientific SubConference on Psychology and Psychiatry, Sociology and Healthcare, Education. 2014. Pp. 295-302.

References

Alistanova, F. F. (2011), “Ergonyms of the Modern Russian Language as a Microsystem”, Abstract of Ph.D. dissertation, Dagestan State University Publishing House, Makhachkala, Russia (in Russ.).

Aulina, M. V. (2016), “Ergonymy as a Reflection of the Linguistic Situation in the Republic of Azerbaijan”, Abstract of Ph.D. dissertation, Udmurt State University Publishing House, Izhevsk, Russia (in Russ.).

Felecan, O. and Bugheiu, A. (2021), "*Names and Naming: Multicultural Aspects*", Palgrave Macmillan Cham, Paris, France (in Eng.).

Feyskhanova, T. R. (2017), "Language game as a means of creating ergonyms", *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy* [Modern Trends in the Development of Science and Technology], 3-6, 70-72 (in Russ.).

Ismagilova, A. R., Palutina, O. G., Pupyreva, S. O. and González, J. M. (2020), "Linguistic Diversity of Multicultural Cities on the Materials in Barcelona Ergonyms", *Utopia y Praxis Latinoamericana Universidad del Zulia*, 25 (1), 522-529 (in Eng.).

Kryzhanovskaya, V. A. (2017), "Ergonyms with Elements of Graphic Transformation: Structural-Semantic and Pragmatic Aspects", Ph.D. Thesis, Kuban State University Publishing House, Krasnodar, Russia (in Russ.).

Markheeva, T. V. (2020), "Linguomarketing approach in the research of Ulan-Ude ergonyms", *The Buryat State University Bulletin*, 1, 52-56 (in Russ.).

Salimova, D. A. (2023), "Tendencies of Lingual Creativity in Forming the Contemporary Ergonymicon: Taking the New Ergonyms in Bilingual Kazan as an Example", *Russian Journal of Multilingualism and Education*, 15 (2), 105-110 (in Russ.).

Shavlyuk, V. B. (2019), "On the structure of an ergonim", *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6, 253-256 (in Russ.).

Solnyshkina, M. I. (2014), "Ergonyms as a Mirror of Cultural Values: The Case of Kazan (Tatarstan)", *SGEM2014 Conference on Psychology and Psychiatry, Sociology and Healthcare, Education*, 295-302 (in Eng.).

Vepreva, I. T. (2019), "Modern Ergonimikon: in Search of New Forms of Expression", *Problems of Onomastics*, 16 (4), 168-179 (in Russ.).

Zelenina, T. I. and Butorina, N. V. (2016), "Communicative and Pragmatic Aspects of Ergonyms (Based on the Linguistic Material of the Russian Language)", *Bulletin of Udmurt University*, 26 (6), 50-53 (in Russ.).

Zueva, T. A. and Okolizdaeva, A. A. (2018), "Precedent ergonyms as a component of onomastic space of a modern city", *Linguistica Juvenis*, 20, 97-110 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Соколова Инесса Альбертовна, старший преподаватель кафедры филологии, Отделение юридических и социальных наук, Высшая школа экономики и права, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского федерального университета, пр-т Мира, д. 68/19, г. Набережные Челны, 423812, Республика Татарстан, Россия; *e.a.sokolova-fardeeva@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Inessa A. Sokolova, Senior Lecturer, Department of Philology, Department of Legal and Social Sciences, Higher School of Economics and Law, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan Federal University, 68/19 Mira Ave., Naberezhnye Chelny, 423800, Republic of Tatarstan, Russia; *e.a.sokolova-fardeeva@mail.ru*

УДК 32.019.52 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-7**

Тюков Н. А.[1], Шаповалов В. Л.[2], Никулин Е. Р.[3]

Концептуальное восприятие ценностей российской молодежью: возрастная, половая и территориальная дифференциация[1]

[1] Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117218, Россия;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ленинградский проспект, д. 49/2, г. Москва, 125167, Россия;
Московский педагогический государственный университет,
ул. Малая Пироговская, д. 1, г. Москва, 119435, Россия; *niktuk@mail.ru*

[2] Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
просп. Вернадского, д. 76, г. Москва, 119454, Россия; *vladshapovalov@mail.ru*

[3] Центр общественно-политических проектов и коммуникаций, проезд 1-й Перова Поля,
д. 9 стр. 2, эт. 1, пом. II 1, г. Москва, 111141, Россия; *egor.nikulin.98@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей концептуального восприятия молодыми россиянами ценностей как социально-общественного явления. Реализация взаимосвязанных методов глубинного интервью, массового опроса и социально-медийного анализа позволили определить специфику трактовок ценностей для возрастных, половых и территориальных сегментов российской молодежи и их иерархию в анализируемой возрастной группе. Более того, актуализированы референтные группы в рамках ценностного диалога российской молодежи в онлайн-пространстве и офлайн-среде.

Ключевые слова: молодежь; молодой россиянин; концептуальное восприятие; ценность; ценностная ориентация; ценностный диалог; референтная группа

Для цитирования: Тюков Н. А., Шаповалов В. Л., Никулин Е. Р. Концептуальное восприятие ценностей российской молодежью: возрастная, половая и территориальная дифференциация // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 82-95. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-7

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ в ИНИОН РАН № 123091200061-5: «Восприятие традиционных ценностей российской молодежью: проблемы коммуникационных разрывов».

N. A. Tyukov[1], V. L. Shapovalov[2], E. R. Nikulin[3]

Conceptual perception of values by Russian youth: age, gender and territorial differentiation[2]

[1] Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (ISISS RAS), 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russia;
Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia;
Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russia; *niktuk@mail.ru*

[2] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia; *vladshapovalov@mail.ru*

[3] Center for Socio-political Projects and Communications, office II 1, bld. 2, 9 1st Perovo Polye Dr., Moscow, 111141, Russia; *egor.nikulin.98@bk.ru*

Abstract. The article is devoted to identifying the features of young Russians' conceptual perception of values as a social phenomenon. The implementation of interrelated methods of in-depth interviews, mass surveys and social media analysis made it possible to determine the specifics of interpretations of values for age, gender and territorial segments of Russian youth and their hierarchy in the analyzed age group. Moreover, reference groups were updated within the framework of the value dialogue of Russian youth in the online and offline environment.

Keywords: youth; young Russian; conceptual perception; value; value orientation; value dialogue; reference group

For citation: Tyukov N. A., Shapovalov V. L., Nikulin E. R. (2024), "Conceptual perception of values by Russian youth: age, gender and territorial differentiation", Research Result. Social Studies and Humanities, 10 (1), 82-95, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-7

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью определения специфики концептуального восприятия ценностей как социально-общественного явления молодыми россиянами для корректировки стратегии воспитания российской молодежи в рамках традиционных ценностей. Выявление трактовок ценностей (и их ранжирование) способствует формированию объяснительных моделей (смысловых конструктов), позитивно воспринимаемых молодой аудиторией.

В большинстве текущих работ, посвященных ценностной тематике, актуализируется проблемное поле исследований на конкретных ценностных установках и их ранжировании, но не на концептуальном анализе ценностей как социально-общественного явления.

[2] The article was prepared within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at ISISS RAS, No. 123091200061-5 "Perception of traditional values by Russian youth: problems of communication gaps".

Теоретический объект нашего исследования – концептуальная трактовка ценности как социально-общественного явления.

Предметом исследования является специфика концептуального восприятия российской молодежью ценностей как социально-общественного явления.

Эмпирический объект исследования – пул анкет в рамках глубинного интервью и массового опроса (77 интервьюируемых и 3011 респондентов соответственно), а также контент 114 сообществ ВК, более 50 % аудитории которых моложе 25 лет, и релевантный цифровой поток весом 118 тыс. сообщений, собранных в период с 1 июня по 1 ноября 2023 года.

Целью исследования является определение особенностей концептуального восприятия ценностей как социально-общественного явления различными сегментами (возрастными, половыми и территориальными) российской молодежи.

Существенный вклад в развитие аксиологии внесли отечественные ученые. Агрегация накопленных с Античности философско-теоретических знаний была осуществлена А.С. Рындиной (Рындина, 2021), В.А. Фёдоровым и А.С. Благовой (Федоров, Благова, 2016) и рядом других авторов. В аспекте современной социальной аксиологии В.А. Ядов рассматривал ценности в качестве высшего уровня диспозиции, саморегулирующего фактора поведения человека и иных уровней, связанных с его интересами разного характера (Ядов, 1975). Д.А. Леонтьев также отмечал, что ценности индивида – продукт его взаимодействия с обществом, особенно с референтными группами (семьей, друзьями и т. д.) (Леонтьев, 1992). Т.К. Ростовская и Т.Б. Калиев считают, что ценности, определяющие форматы взаимодействия человека с окружающим миром, являются «вечными» и «незыблемыми» нормами, составляющими «мир автономных духовных сущностей» (Ростовская, Калиев, 2018). Я.В. Волобуев рассматривает ценности как мотивацию и приемлемый сценарий поведения человека, выделяя несколько типов этих мотивов (ценностей): базовые ценности (модусы), нормативные ценности (убеждения), пристрастия (Волобуев, 2022). Е.В. Бродовская и А.Ю. Домбровская, изучая ценности российской молодежи, отмечают, что коммуникативная среда влияет на ценностные ориентации молодых людей, погруженных в нее (например, традиционные ценности более широко представлены среди тех, кто предпочитает традиционные способы получения информации) (Бродовская, Домбровская, 2016).

В поле интересов авторского коллектива настоящего исследования на протяжении продолжительного времени входит ценностная повестка молодых россиян. В работах проанализирована возрастная (Шаповалов, Никулин, Хардикова, 2022) и территориальная (Ананченко, Никулин, Хардикова, 2022a) специфика ценностно-идеологических ориентаций российской молодежи, а также особенности медийной инфраструктуры сетевых агентов, вовлеченных в процесс формирования этих ориентаций в сети (Ананченко, Никулин, Хардикова, 2022b).

Таким образом, исходя из широкого спектра проанализированных работ, отметим наличие несколько подходов при рассмотрении концептуальной составляющей ценностей: при общей точке зрения исследователей на то, что ценности являются фактором, влияющим на общество, поляризация их мнений происходит относительно созависимости ценностей и общества (есть/нет). Присутствуют также промежуточные варианты, где авторы сегментируют систему ценностей на те, которые являются продуктом «общества», «эпохи», «особенностей социального взаимодействия» (то есть ценности – каркас реального), и на те, которые являются «вечными», «вневременными» (то есть ценности – каркас идеального). Или дифференцируют элементы ценностной повестки на те, которые не меняются (сами ценности), и те, которые изменчивы (отношение к ним).

Для настоящего исследования проанализированный пул работ представляет

не только теоретическую, но и методологическую (и методическую) ценность, поскольку позволяет при формировании стратегии изучения темы более точно сформулировать подход и инструментальную составляющую работы.

Методика сбора эмпирического материала включает в себя два этапа: глубинное интервью (77 интервьюируемых), массовый опрос (3011 респондентов) и социально-медийный анализ (114 сообществ ВКонтакте с превалирующей молодежной аудиторией (более 50 % вовлеченных в сообщество моложе 25 лет) и релевантный цифровой поток (118 тыс. сообщений в период с 1 июня по 1 ноября 2023 года)).

Реализация глубинного интервью с представителями исследуемой возрастной группы необходима для формирования анкеты для массового опроса и определения специфики отношения к ценностям как к явлению.

Массовый опрос состоит из двух блоков вопросов. Первый посвящен портретированию респондентов и включает в себя вопросы о возрасте (опрашиваемые дифференцированы на две возрастные категории: моложе 18 лет и 18-24 года), половой принадлежности (опрашиваемые дифференцированы на респондентов мужского и женского пола) и месте рождения или продолжительного проживания (опрашиваемые дифференцированы на уроженцев (жителей) мегаполисов, городов-миллионников (столбец «полис»); крупных городов, областных центров (столбец «город»); средних и малых городов, районных центров, сел и деревень (столбец «село»)).

Второй раздел посвящен выявлению концептуального восприятия ценностей российской молодежью. Блок включает в себя несколько аспектов, сформулированных нами с опорой на теоретическую базу исследования и позволяющих подробно выявить специфику концептуального восприятия ценностей молодыми россиянами. Первый из них связан с оценкой ценностей в контексте приоритета их взаимодействия с элементами бытия («ценности и я», «ценности и общество», «ценности и окружающие люди», «ценности и государство») (Табл. 1). Второй аспект связан с оценкой ценности для респондента как элемента существования (Табл. 2). Третий аспект посвящен выявлению особенностей восприятия ценностей как целостного или фрагментарного элемента существования (Табл. 3). Четвертый аспект посвящен выявлению особенностей взаимоотношений респондента в формате «я-ценности-общество» (Табл. 4). Пятый аспект связан с выявлением референтных групп молодых россиян в контексте ценностного диалога, что позволяет уточнить результаты предыдущего аспекта (Табл. 5-8). Напомним, что варианты ответов анкеты для массового опроса формировались с опорой на данные, полученные в рамках глубинного интервью.

Социально-медийный анализ включает в себя два блока. Первый – анализ релевантного цифрового потока, собранного с 1 июня по 1 ноября 2023 года, весом 118 тыс. сообщений по параметрам «типа контента» (пост, репост и комментарий) и «возрастной дифференциации персонифицированных авторов» (моложе 18, 18-24, 25-34, 35-44, 45-54, старше 55 лет). Второй – анализ сообществ ВКонтакте с превалирующей аудиторией в возрасте моложе 25 лет по схожим параметрам («тип контента» и «возраст авторов»), а также тематическая повестка этих сообществ.

Методы обработки эмпирической базы: осевой, кросс-табуляционный анализ, вычисление средних значений и дискурс-анализ.

Результаты исследования:

В рамках глубинного интервью опрашиваемые описывали концептуальное восприятие ценностей различными семантическими и смысловыми конструктами, которые были агрегированы нами в вариантах ответа анкеты массового опроса (Табл. 1-5).

Отметим, что молодые россияне концептуально трактовали ценности не в рамках вопроса об этом, отвечая чаще всего на него перечислением ценностей, которые,

по их мнению, позволяют социуму существовать: «доброта», верность», «честность» и так далее, а в контексте диалога о конкретных ценностях, то есть уточняющего формата.

Чаще всего интервьюируемыми отмечалась особая важность ценностей для гармоничного развития общества, которая раскрывалась в микросоциальном формате, то есть тезис носит макросоциальный характер, а его конкретизация связана преимущественно либо с самим интервьюируемым (его личным опытом) или его ближайшим окружением (семьей, друзьями, трудовым или образовательным коллективом): «помог ты – помогут тебе», «любовь к ближнему», «забота о тех, кто окружает тебя» и так далее).

57 % респондентов на вопрос о том, чем для них являются ценности, отвечали, что «моральными и нравственными основами», 34 % – их «жизненными принципами», 6 % – «ориентирами развития». Примечательно, но только для 2 % опрашиваемых определения ценности в качестве «шкалы оценки поведения человека», что указывает, вероятно, на индивидоцентристский характер восприятия ценностей (приоритетным является взаимосвязь «ценности и я»). Всего 1 % отмечали искусственный характер ценностей, «навязанный им государством».

Таблица 1

Трактовки респондентами ценностей как социально-общественного явления

Table 1

Interpretations of values as a social phenomenon by respondents

	до 18/ before 18	**18-24**	**муж./ male**	**жен./ female**	**полис/ metropolis**	**город/ city**	**село/ village**
Люди часто говорят про ценности. Для Вас это означает / People often talk about values. For you this means							
Мои жизненные принципы / My life principles	34 %	33 %	35 %	34 %	34 %	34 %	33 %
Моральные и нравственные основы / Moral foundations	57 %	57 %	51 %	58 %	57 %	57 %	59 %
Шкала оценки поведения человека / Human behavior scale	2 %	2 %	2 %	2 %	1 %	2 %	2 %
Ориентиры развития / Development guidelines	2 %	7 %	10 %	5 %	7 %	6 %	5 %
То, что навязывает государство / What is imposed by the state	5 %	1 %	2 %	1 %	1 %	1 %	1 %

Во всех выделенных нами демографических сегментах респондентов отмечается преимущественно гомогенный характер в восприятии ценностей: от 51 % до 59 % молодых людей считают ценности «моральными и нравственными основами», а треть отмечает, что для них ценности – «жизненные принципы». Отметим, что в менее распространенных оценках выражены возрастные различия в трактовке ценностей: для респондентов моложе 18 лет распространена трактовка ценностей как «то, что навязывает государство» (5 %), а среди опрошенных 18-24 лет достаточно выражен

(7 %) взгляд на ценности в качестве ориентира развития. Примечательно, но реже всего рассматривают ценности как моральные и нравственные основы молодые мужчины (51 %), но они чаще иных демографических сегментов опираются на ценности как на «ориентиры развития» (10 %) (у молодых женщин этот ответ встречается в два раза реже). Если в возрастном и половом аспектах наблюдаются дифференциация распределения ответов, то среди территориальных типов разница распределения ответов не превышает 2 %, то есть территориальный аспект оказывает наименьшее влияние на концептуальное восприятие ценностей.

Отвечая на вопрос о значимости ценностей в жизни респондента, 81 % опрашиваемых отмечали их «важность», а 8 % – «полезность». 6 % никогда «не задумывались об этом», 4 % «готовы умереть за ценности», а 1 % уверен, что «нет никаких ценностей».

Как отмечалось выше, определяя значимость ценностей, подавляющее большинство респондентов сегментов отмечали их «важность», однако для молодых мужчин этот ответ менее актуален (69 %), чем для женщин (82 %) и иных демографических сегментов опрашиваемых (80-82 %). Молодые россияне мужского пола чаще остальных считают ценности «полезными», «тем, за что можно умереть» и уверены в том, что «нет никаких ценностей». Россияне младшей возрастной категории (моложе 18 лет) реже думали о значимости ценностей, чем их более взрослые сограждане (18-24 года) (8 % и 5 % соответственно). В целом, как и в предыдущем аспекте, отмечается гомогенность в оценке значимости ценностей молодыми россиянами.

Таблица 2

Значимость ценностей для респондентов

Table 2

Significance value for respondents

	до 18/ before 18	**18-24**	**муж./ male**	**жен./ female**	**полис/ metropolis**	**город/ city**	**село/ village**
Каким высказыванием Вы определите значимость ценностей в вашей жизни / What statement do you use to determine the importance of values in your life							
То, что для меня важно / What matters to me	80 %	82 %	69 %	82 %	82 %	81 %	82 %
То, что для меня полезно / What is useful for me	7 %	8 %	10 %	7 %	8 %	8 %	7 %
То, за что можно умереть / Something to die for	4 %	4 %	9 %	4 %	4 %	4 %	3 %
Нет никаких ценностей / There are no values	1 %	1 %	5 %	1 %	1 %	1 %	1 %
Не думал об этом / I didn't think about it	8 %	5 %	7 %	6 %	5 %	6 %	7 %

70 % опрашиваемых отмечают у себя присутствие сформировавшейся «системы ценностей», 11 % «не уверены» в ее наличии, 18 % «не думали об этом» и всего 1 % однозначно заявляет о том, что у них «нет» «системы ценностей». Исходя из этого, можно отметить, что концептуально ценности воспринимаются молодыми россиянами в качестве упорядоченной совокупности, элементов «системы».

В половом и территориальном аспекте отмечается единообразие мнений респондентов в вопросе наличия у себя оформленной системы ценностей:

большинство опрашиваемых (70-72 %) мужского и женского пола, проживающих в населенных пунктах вне зависимости от численности населения, подчеркивают системный характер своей ценностной картины. От 16 до 18 % опрошенных не думали об этом, а их 1/10 часть не уверена в наличии системы ценностей (разница распределений ответов не превышает 2 %). Значительная дифференциация ответов на этот вопрос отмечается у опрашиваемых в возрасте до 18 лет (65 % считают, что у них есть «система ценностей») и 18-24 лет (73 % считают, что у них есть «система ценностей»). Отметим, что самые высокие показатели среди выделенных нами демографических сегментов с ответами «не уверен», «не думал об этом» у респондентов моложе 18 лет (14 % и 20 % соответственно).

Отметим, что присутствие или отсутствие «системы ценностей» не связано с восприятием российской молодежью ценностей. Например, среди тех, у кого «система ценностей» есть, 33 % и 58 % рассматривают ценности как их «жизненные принципы» и «моральные и нравственные основы» соответственно, кто «не уверен» в наличии у себя «системы ценностей» – 33 % и 55 % соответственно, кто «не думал об этом» – 35 % и 57 % соответственно, а тех, кто признает, что не имеет «системы ценностей» – 29 % и 25 % соответственно. Но прослеживается четкая взаимосвязь между присутствием «системы ценностей» и значением ценностей для молодых россиян: те, кто отмечает наличие у себя «системы ценностей», чаще подчеркивает «важность» ценностей (87 % – есть «система ценностей, 69 % – «не уверен» в наличии «системы ценностей», 69 % – «не думал» о «системе ценностей» и 40 % – нет «системы ценностей») и реже их «полезность» (6 % – есть «система ценностей», 13 % – «не уверен» в наличии «системы ценностей», 11 % – «не думал» о «системе ценностей» и 14 % – нет «системы ценностей»).

Таблица 3

Ответы респондентов о наличии или отсутствии у них «системы ценностей»

Table 3

Respondents' answers about the presence or absence of a "value system"

	до 18/ before 18	**18-24**	**муж./ male**	**жен. / female**	**полис/ metropolis**	**город/ city**	**село/ village**
Как вы считаете, у Вас есть «система ценностей»? / Do you think you have a "value system"?							
Да, конечно / Yes, of course	65 %	73 %	71 %	70 %	71 %	70 %	70 %
Не уверен / I'm not sure	14 %	9 %	10 %	11 %	11 %	11 %	10 %
Не знаю, не думал об этом / I don't know, I haven't thought about it	20 %	17 %	16 %	18 %	17 %	18 %	18 %
Нет / No	1 %	1 %	3 %	1 %	1 %	1 %	2 %

В рамках ценностной коммуникации (при несовпадении точек зрения в рамках ценностного диалога) отмечаются две основные стратегии поведения: 50 % проигнорирует высказывание, 42 % опрашиваемых выскажет свое мнение, не вступая в дискуссию. Отметим, что эти стратегии более характерны для старшей возрастной ка-

тегории (18-24 лет) респондентов и женщин. Только 8 % молодых россиян готовы в дискуссии отстаивать свою ценностную позицию. Этот ответ наиболее популярен среди респондентов моложе 18 лет и мужчин. Подобного рода распределение ответов также свидетельствует о индивидоцентристском характере восприятия ценностей молодыми людьми (ценности и я).

Существуют различия в соотношении ответов респондентов в зависимости от места рождения и продолжительного проживания опрашиваемых: молодежь из мегаполисов чаще игнорирует мнение, с которым они не согласны, но реже высказывает точку зрения без вступления в дискуссию, чем их ровесники из меньших по численности населения пунктов (присутствует корреляция: чем больше численность населенного пункта, тем ниже активность молодежи в рамках ценностного взаимодействия).

Отмечается некоторая дифференциация ответов среди тех, кто выбирает ту или иную стратегию поведения в рамках ценностного диалога: для тех, кто вступит в дискуссию, ценности – «моральные и нравственные основы» (53 %), а для тех, кто проигнорирует высказывание или выскажет свое мнение – по 58 %. Примечательно, но среди готовых дискутировать доля тех, кто оценивает ценности как «важные» ниже, чем у тех, кто выскажет свою позицию или проигнорирует – 73 %, 82 % и 83 % соответственно.

Таблица 4

Стратегия поведения российской молодежи в рамках ценностного диалога

Table 4

Strategy of behavior of Russian youth within the framework of value dialogue

	до 18/ before 18	**18-24**	**муж./ male**	**жен./ female**	**полис/ metropolis**	**город/ city**	**село/ village**
Если Вы прочитали пост, в котором содержится позиция противоположная вашей, Вы… / If you have read a post that contains a position opposite to yours, you:							
Вступите в дискуссию / Join the discussion	10 %	7 %	12 %	8 %	7 %	7 %	8 %
Выскажите мнение, не вступая в спор / Express your opinion without getting into an argument	43 %	41 %	37 %	42 %	38 %	42 %	44 %
Проигнорируете / Ignore it	47 %	52 %	51 %	50 %	55 %	51 %	48 %

60 % респондентов на вопрос о том, с кем при необходимости они готовы обсудить ценности, отвечали, что с семьей, 28 % – с друзьями, 1 % – с одноклассниками и 2 % – с собеседниками в социальных сетях. Исходя из этого, отметим, что референтными группами для молодых россиян в рамках ценностной коммуникации являются семья и друзья (в совокупности для 88 % респондентов, что подчеркивает микросоциальный характер ценностного восприятия). 9 % опрашиваемых не готовы обсуждать ценностную повестку с кем-либо, то есть примерно для каждого десятого молодого человека в нашей стране тема ценностей носит сугубо интимный характер.

Как отмечалось выше, референтными группами, с которыми молодые россияне готовы обсуждать вопросы в рамках ценностной повестки, являются семья и друзья во всех выделенных нами демографических сегментах. Однако отмечается следующая дифференциация: для младшей возрастной

категории (до 18 лет) характерна меньшая доля семьи и большая доля друзей в ответах опрашиваемых, чем у респондентов в возрасте от 18 до 24 лет. Для женщин характерна более высокая роль семьи в контексте ценностной коммуникации. Примечательна следующая корреляция: чем больше населенный пункт, в котором родился и продолжительное время прожил опрашиваемый, тем ниже доля респондентов, отмечающих важный характер семьи в вопросах ценностного диалога (при сохранении доминирования семьи в ответах респондентов всех демографических сегментов), и выше доля друзей. Доля ответивших, что не будут коммуницировать с кем-либо по ценностной тематике, в возрастных и территориальных сегментах составляет от 8 до 10 %. Такая же доля и среди опрошенных женщин. Но среди мужчин этот ответ является наиболее популярным (15 %).

Примечательно, что среди респондентов, обсуждающих ценностную повестку с семьей, выше доля тех, кто рассматривает ценности как «моральные и нравственные основы» (61 %), чем тех, кто обсуждает ее с друзьями (53 %) или «ни с кем» (51 %), но ниже доля тех, кто определяет ценности в качестве «жизненных принципов»: 31 % среди тех, кто готов обсуждать вопросы ценностной тематики с семьей, 38 % среди тех, кто готов обсуждать вопросы ценностной тематики с друзьями, и 37 % среди тех, кто не готов обсуждать вопросы ценностной тематики с кем-либо. Отмечается дифференциация ответов о значимости ценностей в зависимости от референтной группы для обсуждения ценностей: ценности «важны» для 84 % тех, кто обсуждает их с семьей, для 80 % тех, кто обсуждает их с друзьями и только для 69 % тех, кто ни с кем их не обсуждает.

Таблица 5

Референтные группы для молодых россиян в рамках ценностной повестки

Table 5

Reference groups for young Russians within the framework of the value agenda

	до 18/ before 18	**18-24**	**муж./ male**	**жен./ female**	**полис/ metropolis**	**город/ city**	**село/ village**
С кем при необходимости обсудите ценности / With whom, if necessary, discuss the values							
Семья / Family	55 %	62 %	52 %	60 %	55 %	59 %	65 %
Друзья / Friends	33 %	27 %	30 %	29 %	36 %	29 %	24 %
Одноклассники / Classmates	2 %	1 %	2 %	1 %	1 %	1 %	1 %
Собеседник с соц.сети / The interlocutor from the social network	2 %	2 %	1 %	2 %	1 %	1 %	2 %
Ни с кем / With no one	8 %	8 %	15 %	8 %	7 %	10 %	8 %

Наиболее авторитетными для молодых россиян являются семья и друзья, референтные группы, с которыми опрашиваемые готовы обсуждать ценности. Отметим, что наиболее высокий уровень авторитетности характерен для демографических групп, которые воспринимают семью (респонденты в возрасте 18-24 лет – 4, женского пола – 3,9 и село – 4) и друзей (полис – 3,4, но у молодых мужчин и опрашиваемых до 18 лет уровень авторитетности друзей не характеризуется высоким показателем

авторитетности) в качестве референтной группы для обсуждения ценностей.

Среди медийных групп (известные личности, блогеры, телеведущие и авторы книг) наиболее авторитетными во всех демографических сегментах – авторы книг. Достаточно высокий уровень оценки (по пятибалльной шкале) характерен для ответа об отсутствии авторитетов в ценностном аспекте. Примечательно, что менее актуален этот ответ для респондентов из малых населенных пунктов и женщин.

Несмотря на описанные выше различия, отмечается единообразие оценок респондентами всех демографических сегментов относительно уровня авторитетности групп в рамках ценностного диалога (разница оценки сегментов внутри одного блока не превышает 0,2, кроме полового, где авторитетность семьи для молодых россиян на 0,3 ниже, чем для молодых россиянок).

Молодые российские пользователи ВКонтакте активно вовлекаются в контент юмористического характера: более 40 % от отобранного нами пула сообществ посвящены юмору (высмеивание преимущественно бытовых, социально-общественных и политических тем). 1/10 часть сообществ ВКонтакте из анализируемого пула связана с романтическими отношениями, знакомствами, сторителлингом об опыте отношений и так далее. Наиболее широко представлен развлекательный сегмент изучаемых сообществ: видеоигры, музыка, литература, кино, спорт, общение и так далее. Ярко выражен аполитичный характер сообществ: даже новостные сетевые агенты, доля которых занимает более 5 % от пула анализируемых сообществ, были посвящены бытовым событиям и темам.

Таблица 6

Степень авторитетности источников мнений в рамках ценностной повестки

Table 6

Degree of authority of sources of opinions within the framework of the value agenda

	до 18/ before 18	**18-24**	**муж./ male**	**жен./ female**	**полис/ metropolis**	**го-род/ city**	**село/ village**
Чье мнение будет для Вас авторитетным? / Whose opinion will be authoritative for you? Оценка по пятибалльной шкале / Rating on a five-point scale							
Семья / Family	3,8	4	3,6	3,9	3,9	3,9	4
Друзья / Friends	3,3	3,3	3,2	3,3	3,4	3,2	3,2
Одноклассники / Classmates	2	1,9	2,2	2	2	1,9	2
Личности / Personalities	2	1,9	2	1,9	2	1,9	1,9
Блогеры / Bloggers	1,8	1,7	1,9	1,8	1,8	1,7	1,7
Телеведущие / TV presenters	1,7	1,6	1,7	1,6	1,6	1,6	1,6
Авторы книг / Authors of books	2,3	2,3	2,1	2,3	2,4	2,2	2,3
Нет авторитета / There is no authority	3	3	3	2,9	3	3	2,7

Отметим, что комментарии молодых пользователей в этих сообществах преимущественно посвящены теме отсутствия содержательного элемента ценностного дискурса в государственной политике страны и критике ее форматов: «Одни клоуны занимаются тем, что снимают свой бордель на камеру, а другие – тем, что занимаются имитацией борьбы за “традиционные ценности” для отчета перед начальством»; «Вместо того, чтобы что-то менять в системе образования или, например, не только кричать о традиционных семейных ценностях, разумеется, просто запретят шоу»; «Ценности, насильно навязываемые – это не ценности вовсе. А традиции – это вообще для идиотов».

Таблица 7

Тематические особенности «молодежных» сообществ в ВКонтакте

Table 7

Thematic features of “youth” communities on VKontakte

Тематика сообщества / Community Topics /	**Количество сообществ / Number of communities**	**Тематическое распределение / Thematic distribution**
Развлечение (юмор) / Entertainment (humor)	46	40,3 %
Знакомства / Acquaintances	11	9,6 %
Видеоигры / Video games	10	8,8 %
Музыка / Music	7	6,1 %
Литература / Literature	6	5,3 %
Новости / News	6	5,3 %
Цитаты / Citation	6	5,3 %
Спорт / Sport	6	5,3 %
Быт / Everyday life	5	4,4 %
Творчество / Creation	4	3,5 %
Кино / Movie	3	2,6 %
Образование / Education	2	1,7 %
Общение / Communication	1	0,9 %
Гороскопы / Horoscopes	1	0,9 %

Таблица 8

Комментаторская активность пользователей, вовлеченных в цифровой поток, посвященный ценностной повестке

Table 8

Commentary activity of users involved in the digital stream dedicated to the value agenda

Возраст / Age	**моложе 18 / before 18**	**18-24**	**25-34**	**35-44**	**45-54**	**старше 55 / over 55**
Доля комментариев возрастных сегментов сообществ с молодежной аудиторией / The share of comments from age segments of communities with a youth audience	6%	26%	40%	16%	5%	7%
Коэффициент активности (количество сообщений на одного автора) / Activity rate (number of posts per author)	1,24	1,14	1,13	1,15	1,09	1,34
Доля комментариев возрастных сегментов в рамках релевантного цифрового потока / Share of comments by age segments within a relevant digital stream	2%	11%	25%	26%	18%	18%
Коэффициент активности (количество сообщений на одного автора) / Activity rate (number of posts per author)	1,25	1,27	1,33	1,46	1,84	1,67

Релевантный цифровой поток был дифференцирован на контент, состоящий из комментариев 114 анализируемых сообществ ВКонтакте и из комментариев релевантного цифрового потока (без учета комментариев из этих 114 сообществ) и сегментирован по возрасту комментаторов. Прослеживается общая динамика: с возрастом активность комментаторов растет, достигает пика в возрасте 25-44 лет, а затем снижается. Так, например, доля комментариев, продуцируемых авторами в возрасте 25-44 лет, занимает 51 % в «общем» сегменте и 56 % в «молодежном», в возрасте старше 45 лет – 36 % и 12 % соответственно, а авторы изучаемой возрастной категории – 13 % и 32 % соответственно. Исходя из этого, несмотря на схожую динамику, следует отметить, что сообщества ВКонтакте с превалирующей молодежной аудиторией являются более предпочтительными платформами для коммуникации молодых пользователей в рамках ценностной повестки.

На основании полученных и проанализированных данных были сформулированы следующие **выводы:**

- несмотря на декларируемый молодыми россиянами макросоциальный характер концептуального восприятия ценностей, результаты исследования указывают на превалирование микросоциального элемента;

- схожая ситуация и при оценке концептуального восприятия молодыми россиянами ценностей по шкале социоцентризм-индивидоцентризм: при декларируемом социоцентристском характере ценностей молодые россияне в рамках ценностной повестки сосредоточены на взаимодействии «ценности и я».

- референтными группами для молодых россиян в контексте ценностной повестки являются семья и друзья, которые также характеризуются высоким уровнем авторитета у молодежи. В сетевом пространстве ценностная коммуникация пользователей моложе 25 лет более активно протекает в сообществах с развлекательным контентом, что, вероятно, указывает на двойной характер восприятия ценностей: в рамках референтной группы более серьезное, а в сетевом пространстве – менее (что также подтверждает два тезиса, высказанных выше).

- несмотря на некоторые различия в распределении ответов молодых россиян внутри выделенных нами демографических сегментов, отмечается их гомогенность (чаще всего незначительно отличаются по некоторым аспектам молодые россияне мужского пола и младшая возрастная категория (моложе 18 лет)).

- концептуально ценности воспринимаются российской молодежью как важные элементы социального существования (принципы и основы), носящие преимущественно интимный и систематизированный характер.

Литература

Ананченко, А.Б., Никулин, Е.Р., Хардикова, А.С. Дискурсивная повестка российских сетевых агентов с преимущественно молодежной аудиторией: контекстуально-дискурсивное поле, семантическое ядро, дискурсивные триггеры и портрет пользователя // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 2 (78). С. 446-462. DOI 10.35775/PSI.2022.78.2.010. (a)

Ананченко, А.Б., Никулин, Е.Р., Хардикова, А.С. Специфика цифровой активности и приемлемые сценарии политического поведения российской молодежи: ценностно-идеологические ориентации и географическая дифференциация // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 55-70. DOI 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-5. (b)

Бродовская, Е.В., Домбровская, А.Ю. Социально- политические и ценностные профили российской молодежи – пользователей социальных сетей // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 4. С. 3-13.

Волобуев, Я.В. Индивидуальные ценности: виды ценностей как критериев выбора // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2. С. 145-152.

Леонтьев, Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с.

Ростовская, Т.К., Калиев, Т.Б. Мир ценностей молодого поколения россиян и казахстанцев // Ценности и смыслы. 2018. № 1 (53). С. 78-90.

Рындина, А.С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 3. С. 590-609.

Фёдоров, В.А., Благова, А.С. Эволюция понятия «Ценность» // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 1. С. 128-140.

Шаповалов, В.Л., Никулин, Е.Р., Хардикова, А.С. Трансформация и возрастная дифференциация ценностно-идеологической ориентации и поведенческих сценариев российской молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 58-72. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-58-72

Ядов, В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 83-106.

References

Ananchenko, A. B., Nikulin, E. R. and Hardikova, A. S. (2022a), “Discursive agenda of Russian online agents with a predominantly youth audience: contextual discursive field, semantic core, discursive triggers and user portrait”, *Political Science Issues*, 12 (2 (78)), 446-462. (in Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2022.78.2.010. EDN STZGTW.

Ananchenko, A. B., Nikulin, E. R. and Hardikova, A. S. (2022b), “Specifics of digital activity and acceptable scenarios of political behavior of Russian youth: value-ideological orientations and geographical differentiation”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 55-70. (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-5. EDN ILEPQC.

Brodovskaya, E. V. and Dombrovskaya, A. Yu. (2016), “Socio-political and value profiles of Russian youth – users of social networks”, *Bulletin of Tula State University. Human sciences*, 4, 3-13 (in Russ.).

Fedorov, V. A. and Blagova, A. S. (2016), “Evolution stages of concept “value””, *RUDN Journal of Philosophy*, 1, 128-140 (in Russ.).

Leontyev, D. A. (1992), *Metodika izucheniya tsennostnykh orientatsiy* [Methodology for studying value orientations], Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Rostovskaya, T. K. and Kaliev, T. B. (2018), “The world of values of the young generation of Russians and Kazakhstanis”, *Values and meanings*, 1 (53), 78-90 (in Russ.).

Ryndina, A. S. (2021), “The origins of the theory of values in sociology and directions of its development”, *RUDN Journal of Sociology*, 3, 590-609 (in Russ.).

Shapovalov, V. L. Nikulin, E. R. and Khardikova, A. S. (2022), “Transformation and age differentiation of value-ideological orientation and behavioral scenarios of Russian youth”, *Bulletin of Tula State University. Film Humanities*, 1, 58-72 (in Russ.). DOI: 10.24412/2071-6141-2022-1-58-72

Volobuev, Ya. V. (2022), “Individual values: types of values as selection criteria”, *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2, 145-152 (in Russ.).

Yadov, V. A. (1975), “About the dispositional regulation of social behavior of the individual”, *Metodologicheskie problemy sotsialnoy psikhologii* [Methodological problems of social psychology]. Nauka, Moscow, USSR, 83-106 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Тюков Никита Анатольевич, кандидат исторических наук; доцент; старший научный сотрудник Отдела глобальных проблем ИНИОН РАН, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117218, Россия; доцент Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, проспект Ленинградский, д. 49/2, г. Москва, 125167, Россия; доцент кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, г. Москва, 119435, Россия; *niktuk@mail.ru*

Шаповалов Владимир Леонидович, кандидат исторических наук; доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений

(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, 119454, Россия; *vladshapovalov@mail.ru*

Никулин Егор Романович, научный консультант Автономной некоммерческой организации "Центр общественно-политических проектов и коммуникаций", проезд 1-й Перова Поля, д. 9 стр. 2, эт. 1, пом. II 1, г. Москва, 111141, Россия; *egor.nikulin.98@bk.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Nikita A. Tyukov, Candidate of Historical Sciences; Assistant Professor; Senior Researcher, Department of Global Problems, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (ISISS RAS), 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russia; Associate Professor of the Department of Mass Communications and Media Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia; Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russia; *niktuk@mail.ru*

Vladimir L. Shapovalov, Candidate of Historical Sciences; Assistant Professor; Project Manager of the Expert Institute of Social Research, Associate Professor of the Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia; *vladshapovalov@mail.ru*

Egor R. Nikulin, Scientific Consultant of the Autonomous non-profit organization "Center for Socio-Political Projects and Communications", office II 1, bld.2, 9 1st Perovo Polye Dr., Moscow, 111141, Russia; *egor.nikulin.98@bk.ru*

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 1(091) (470) «18» **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-8**

Дикарева О. В.

Эпистолярный разговор Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока (к архиву 1890-х годов)

Образовательный комплекс «Лицей № 3» имени С.П. Угаровой,
м-н Интернациональный, д. 1А, г. Старый Оскол, Белгородская обл., 309530, Россия;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *Olesya-Dikareva2010@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены материалы архивного обзора ранее не публиковавшегося корпуса писем русского мыслителя XIX века Н.Н. Страхова литературному и театральному критику, сотруднику газеты «Московские ведомости» (с ноября 1890 г. по июль 1896 г.) Ю.Н. Говорухе-Отроку. В работе дается краткое описание корпуса писем, хранящихся в Российской государственной библиотеке и в Российском государственном архиве литературы и искусства; приводятся расшифрованные фрагменты некоторых из них. Предпринимается попытка обозначить общие проблемно-тематические импульсы эпистолярного диалога Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока, а также рассмотреть его в контексте сферы разговора Н.Н. Страхова с другими собеседниками. Делается вывод о том, что реконструкция эпистолярных образов критиков расширит горизонты понимания герменевтико-диалогического единства их мышления.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов; Ю.Н. Говоруха-Отрок; Л.Н. Толстой; Ф.М. Достоевский; В.В. Розанов; переписка; эпистолярный образ; литературная критика; «сфера разговора»; герменевтика

Для цитирования: Дикарева О. В. Эпистолярный разговор Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока (к архиву 1890-х годов) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 96-104. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-8

O. V. Dikareva

The epistolary conversation of Nikolai N. Strakhov and Yury N. Govorukha-Otrok (to the archive of the 1890s)

S.P. Ugarova Lyceum No. 3 Educational Complex,
1A Internationalтн Ds., Stary Oskol, Belgorod region, 309530, Russian Federation;
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation, *Olesya-Dikareva2010@yandex.ru*

Abstract. The article presents the materials of an archival review of a previously unpublished corpus of letters from the Russian thinker of the 19th century N. N. Strakhov

to the literary and theatrical critic, an employee of the newspaper Moskovskie Vedomosti (from November 1890 to July 1896) Y. N. Govorukha-Otrok. The paper gives a brief description of the corpus of letters stored in the Russian State Library and in the Russian State Archive of Literature and Art; the transcribed fragments of some of them are given. An attempt is made to identify the common problem-thematic impulses of the epistolary dialogue between Strakhov and Govorukha-Otrok, as well as to consider it in the context of Strakhov's conversations with other interlocutors. It is concluded that the reconstruction of the epistolary images of critics will expand the horizons of understanding the hermeneutics-the dialogical unity of their thinking.

Keywords: N. N. Strakhov; Yu. N. Govorukha-Otrok; L. N. Tolstoy; F.M. Dostoevsky; V.V. Rozanov; correspondence; epistolary image; literary criticism; "sphere of conversation"; hermeneutics

For citation: Dikareva O. V. (2024), “The epistolary conversation of Nikolai N. Strakhov and Yury N. Govorukha-Otrok (to the archive of the 1890s)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 96-104, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-8

Н.Н. Страхов – человек «большого разговора» в русской интеллектуальной культуре XIX в. Герменевтически ориентированными участниками сферы этого разговора, собеседниками Н.Н. Страхова в разное время или одновременно становились А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, И.С. Аксаков, В.В. Розанов, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Ф.Э. Шперк. Одно из самых неисследованных диалогических отношений в этой сфере – Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока; между тем, современниками они, несомненно, воспринимались как заинтересованные друг в друге собеседники, а их имена были поставлены рядом сразу после смерти обоих в 1896 году.

Протоиерей А.И. Введенский, хорошо знавший обоих критиков, писал в «Богословском вестнике»: «"Московские ведомости" принесли печальную весть: скончался Ю.Н. Говоруха-Отрок – один из наиболее видных сотрудников почтенной газеты. Утрата за утратой! Недавно мы оплакивали убежденного идеалиста и патриота Н.Н. Страхова; теперь приходится с великой печалью и болью в сердце бросать горсть прощальной земли на преждевременную могилу его достойного друга, почитателя и единомышленника» (Введенский, 1896: 208). Сближает критиков и В.В. Розанов в статье «Вечная память»: «Так свежа еще утрата незабвенного Николая Николаевича Страхова, – и вот потерян Юрий Николаевич Говоруха-Отрок» (Розанов, 1913: 457). Розанов, относя их «к небольшому числу людей, остающихся еще верными заветам, смыслу и духу земли русской» (Розанов, 1913: 457), определяет Страхова и Говоруху-Отрока, наряду с К.Н. Леонтьевым, С.А. Рачинским и П.А. Флоренским, как «литературных изгнанников» (Розанов, 1913: 457).

В актуальных научных исследованиях реконструкция «разговора» Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока только начинается (Смолина, 2003; Прокопенко, 2005; Гончарова, 2006; Мотовникова, 2015а, 2015б, 2018). Как полагает Е.Н. Мотовникова, Говоруха-Отрок близок Страхову «естественной склонностью к герменевтическому чтению и анализу, установкой на проникновение в замысел и предпосылки произведения и его автора» (Мотовникова, 2017: 101).

Общение Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока проходило не только в форме откликов на страницах печати или беседах в кругу современников, но и в эпистолярной форме. В отличие от переписок

Н.Н. Страхова с его другими долговременными собеседниками (Л.Н. Толстым, А.А. Фетом, В.В. Розановым), которые уже собраны, изданы и интенсивно изучаются, письма мыслителя Ю.Н. Говорухе-Отроку исследовательски мало тронуты, имеют сугубо архивное состояние. Отечественная гуманитарная мысль XX века вряд ли готова была принять эволюцию взглядов Говорухи-Отрока, отказавшегося от идеологического мировоззрения либерального народничества в пользу религиозного консерватизма. Мировоззренческий же поворот обусловил перемену в установках литературно-философского анализа – на позиции вечных истин христианства и «почвеннического» здравомыслия, аналитических стратегий «органической критики» Ап. А. Григорьева и Н.Н. Страхова, что было мало приемлемым для наиболее сильных в гуманитаристике прошлого века формально-литературоведческой и идеологической традиций. Уместно заметить, что слабая исследованность творчества Говорухи-Отрока связана с труднодоступностью его сочинений, основной корпус которых, как беллетристических, так и литературно-критических, был опубликован в периодических изданиях 1880-90-х годов под псевдонимами; возникший после смерти критика в 1896 году замысел собрать и опубликовать тексты Говорухи-Отрока, а также его переписку с современниками так и не реализовался[1].

Исследовательским центром «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» НИУ «БелГУ» (П.А. Ольховым, Л.Е. Кусковой и мной) был выявлен архивный корпус писем Н.Н. Страхова Ю.Н. Говорухе-Отроку, который сейчас готовится нами к публикации. Уже первые полученные исследовательские результаты позволяют говорить о новых проблемно-тематических импульсах в изучении диалога двух современников.

Хранящаяся в РГБ коллекция писем Н.Н. Страхова Ю.Н. Говорухе-Отроку состоит из представленных в автографах 24 писем (23 из которых датированы); распределена по трем частям: первая содержит 10 писем за 1891 г.; вторая – пять писем за 1892 г. и два письма за 1893 г.; третья – два письма за 1894 г, три письма за 1895 г. и одно письмо за 1896 г. (в этой же части архива находится и недатированное письмо). РГАЛИ располагает двумя датированными страховскими письмами за 1893 год. Таким образом, на данный момент для исследования доступны 26 писем Страхова Говорухе-Отроку. К сожалению, первое письмо Страхова, с которого начался их пятилетний эпистолярный «разговор», как и все ответные письма Говорухи-Отрока, неизвестны. Первое из сохранившихся писем Страхова (фактически являющееся вторым) датировано 11 января 1891 г. Письмо от 18 января 1896 г. является одним из последних или, возможно, последним страховским письмом, написанным им за шесть дней до смерти.

О том, что в «сферу разговора» Страхова входит еще один интересный для него собеседник, мыслитель сообщает своим давним корреспондентам. Так, в письме от 14 декабря 1890 г. Страхов пишет А.А. Фету: «Читали ли Вы фельетон «Московских ведомостей» 1-го декабря? Как все точно и верно понято! Я поблагодарил Говоруху письмом и получил от него ответ, который очень растрогал меня. Это очень хороший человек, которого нужно поддерживать всячески. Здесь у нас вошло уже в

[1] В преамбуле к разделу «Из эпистолярного наследия» Е.В. Иванова пишет: «После смерти Говорухи-Отрока его архив оказался в руках брата по матери М.И. Прожанского, со слов которого в одной из редакционных заметок газеты «Южный край» приводились некоторые биографические подробности из жизни покойного и упоминалось о намерении собрать все письма покойного и подготовить издание его сочинений (*ЮК*. 1896. 9 дек. № 5472). Видимо, часть корреспондентов успела передать свои материалы наследникам, но издательским планам не суждено было осуществиться, архив бесследно пропал, а с ним и письма к Говорухе-Отроку Вс. Гаршина, К. Леонтьева, Н. Страхова, Ап. Майкова, А. Фета» (цит. по Говоруха-Отрок, 2012: 783-784).

обычай прочитывать все его фельетоны… Н.П. Семенов, Майков, Кутузов, Стахеев и я – всегда читаем и обсуждаем» (Фет, 2011: 508). Как видим, инициатором эпистолярного общения был Страхов, живо откликнувшийся на понравившуюся ему статью Говорухи-Отрока «"Великие традиции". Н. Страхов. Из истории литературного нигилизма». В ней Говоруха-Отрок, называя издание Страховым полемических статей, написанных четверть века назад, очень своевременным (Говоруха-Отрок, 2012: 84), разделяет мнение критика относительно «литературного нигилизма» шестидесятых годов, считая его пропагандой невежества. Сам «литературный нигилизм» (представителями которого были, по мысли Говорухи-Отрока, Чернышевский, Писарев, Антонович, Зайцев и др.) был «результатом низменных европейских влияний, преломившихся в невежественной и легкомысленной толпе, по обстоятельствам времени ворвавшейся и на литературную арену» (Говоруха-Отрок, 2012: 92). «Именно с такой пропагандой и полемизировал г. Страхов» [2], – заключал критик (Говоруха-Отрок, 2012: 88).

Следует отметить, что в этой статье он положительно оценивает и сам подход Страхова-критика к литературной полемике: «Личности для него не имеют никакого значения; все дело в тех идеях, которых эти личности были выразителями и против которых г. Страхов восставал во имя идей же» (Говоруха-Отрок, 2012: 84). Такая стратегия близка и Говорухе-Отроку: для него неважно, какое направление общественной мысли поддерживает тот или иной писатель или критик; принципиально то, насколько он свободен и своих суждениях и в какой степени его взгляды самостоятельны и оригинальны.

Переписка предшествовала личному знакомству Страхова и Говорухи-Отрока, которое состоялось в последние дни августа 1891 г. в Москве, о чем Страхов сообщил нескольким своим корреспондентам. Так, в письме Л.Н. Толстому от 5 сентября 1891 г. он пишет: «В Москве я повидался с Лопатиным, который мне все больше нравится, и познакомился с Говорухою-Отроком, провел с ним целый день, но к удивлению нашел в нем что-то загадочное, и симпатия, которую возбудили во мне его писания, едва ли не уменьшилась» (Переписка Л.Н. Толстого и С.А. Толстой с Н.Н. Страховым, 2023: 188). О факте знакомства Страхов сообщает и А.А. Фету в письме от 16 сентября 1891 г.: «Водился я там все с философами, с Гротом, с Лопатиным, с Говорухою-Отроком. С Говорухою, наконец, я познакомился, проговорил с ним с глазу на глаз часов шесть, весь вечер. Мне нравится его очевидная энергия и то, что в нем что-то постоянно кипит»[3] (Фет, 2011: 525).

[2] Размышления о природе нигилизма занимают значительное место в переписке Страхова и Говорухи-Отрока. Так, в письме от 1 июня 1891 года Страхов пишет: «Начинаю, наконец, соглашаться и с Вашим приемом против нигилизма. Мы подступаем к нему с разных концов. Я говорю: западничество виновато, ибо прямое последствие его – нигилизм. Вы говорите: нигилизм виноват и не должен сметь ссылаться на западничество, ибо оно само никогда не решилось бы вывести таких последствий. Ваш прием имеет большое достоинство, потому что отнимает у нигилизма самую важную его опору» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891: Л. 15). В этом же письме постскриптум Страхов замечает: «Нигилизм есть непременно и деспотизм, и когда антинигилизм обращается в деспотизм, он выходит ягодой того же поля» (Страхов – Говорухе- Отроку, 1891: Л. 15 об.).

[3] Впоследствии образ Говорухи-Отрока неоднократно будет возникать в эпистолярии Страхова. Так, в письме от 30 января 1891 года он пишет В.В. Розанову: «Но я вообще очень радуюсь Вашему успеху. Статью Вашу заметили, и говорят о ней и спорят. Ю. Николаев написал недурно. Конечно, Вы гораздо обильнее его мыслями, но, правда, он опытнее и больше знает. Я его тоже постоянно читаю, и только радуюсь, что у нас теперь явились такие критики, каких давно не слыхать было» (цит. по (Розанов, 2001: 77)). Ценностно содержательную характеристику Говорухе-Отроку Страхов дает в письме Л.Н. Толстому от 24 ноября 1891 года: «Говоруха-Отрок только что напечатал об Вас статью, в которой он не смеет Вас бранить (я ему настрого запретил), но старается перетолковать, сближает последний Ваш христианский период с отчаянием Лермон-

На протяжении пятилетней переписки с Говорухой-Отроком Страхов не раз указывает на трудность для себя эпистолярного жанра. Например, в письме от 11 января 1891 года он замечает: «Письмо и для меня, как для Вас – дело трудное, да и досадное потому, что не успеешь всего сказать» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891, Л. 2 об.). Тем не менее, небольшие по объему, но плотные по смысловой глубине письма содержат точные в своей афористичности суждения Страхова о современниках, литературе, искусстве и философии, которыми он делится с Говорухой-Отроком, что позволяет говорить об общности самих основ аналитических стратегий критиков, в основе которых лежит установка на «взаимоисследование»[4]. Герменевтическая взаимность, характерная для общения критиков, проявляется не только в согласии по определенным идейным, мировоззренческим или литературным вопросам, но и в споре, в решительном противоречии по принципиальным для каждого собеседника позициям. Так, в письме от 10 января 1895 г. Страхов пишет: «Внимательно читаю я Вас, очень одобряю, чувствую великую благодарность, когда обо мне упоминаете; но простите! – наибольшую охоту писать к Вам испытываю, когда хочется Вам противоречить» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1895: Л. 7). Представляется, что в этой «охоте противоречить» и реализуется определяющее герменевтическую традицию стремление «понять другого».

Основными содержательными линиями эпистолярного разговора Страхова и Говорухи-Отрока можно считать размышления о текущем литературно-критическом процессе, о сути художества и задачах писания, о заметных полемиках времени; а также глубоко занимавшие обоих мыслителей вопросы, связанные с нигилизмом, верой и христианством. Эти темы раскрываются в рассуждениях о творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, В.Г. Короленко, В.М. Гаршина, некоторых зарубежных авторов. Благодаря общему тону переписки – искреннему, доброжелательному, понимающему и в каких-то моментах до-

---

това, перед которым преклоняется и в котором нисколько не видит беспредметного озлобления, эгоизма, потуг гордости. Странный человек Говоруха! Очень умный, очень умно пишущий, но чем-то попорченный и уязвленный, ужасно самолюбивый и в себе неуверенный. Попробую написать ему немножко. В Москве я с ним познакомился; он хотел мне рассказать свое исповедование, свою преданность православию, стал говорить, запнулся – и ничего не сказал» (Переписка Л.Н. Толстого и С.А. Толстой с Н.Н. Страховым, 2023: 222). Свое намерение «написать немножко» Говорухе-Отроку Страхов осуществляет на следующий день. В письме от 25 ноября 1891 года он критикует «Московские ведомости», постоянным сотрудником которых был Говоруха-Отрок, за «выходки против Соловьева и Толстого, сделанные в передовых статьях» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891: Л. 19). Характеризуя статьи Говорухи-Отрока («Как все умно! Какие правильные темы, иногда точно и живо развитые!» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891: Л. 19), Страхов отказывает в справедливости суждениям критика о Толстом: «Но как зайдет речь о Толстом, так и запинка» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891: Л. 19 об.). Причину расхождения с Говорухой-Отроком в отношении к Толстому Страхов объясняет так: «Вероятно, мы с Вами расходимся в понимании самого христианства, и в этом вся беда» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891: Л. 19 об.).

[4]Следует заметить, что установка на диалогичность и взаимопонимание характеризуют и эпистолярное общение Н.Н. Страхова с В.В. Розановым, ровесником Ю.Н. Говорухи-Отрока. Так, в письме конца декабря 1889 г. Розанов благодарит Страхова за присланную им книгу «Странствия инока Парфения» и пишет: «Спасибо Вам не столько за книгу, сколько за Вашу точно заботливость обо мне, за Ваше внимание ко всякому движению моей души. Никогда я не встречал этого даже от людей близких <…> Удивительна вообще наша связь с Вами, возникшая исключительно из чтения книг и ставшая такою прочною, продолжительною, полною интимности» (Розанов, 2001: 227). Позднее Страхов в письме от 6 января 1891 г. пишет Розанову, так объясняя долгое отсутствие ответа на его письмо: «Вот сколько времени я не отвечал на Ваше милое письмо. Но с Вами я беседовал, – читал Вашу статью в корректуре, а теперь гляжу на нее уже в первой книжке “Русск. Вестника”» (Розанов, 2001: 100).

вольно откровенному, – многие высказанные суждения весьма неожиданны и несомненно актуальны в исследовательском отношении.

Примечательно, что Н.Н. Страхов уделяет внимание характеристике критических установок мышления Ю.Н. Говорухи-Отрока, с интересом наблюдая за стилистической эволюцией его критики. В первом письме от 11 января 1891 года Страхов отмечает главное достоинство, которым обладает Говоруха-Отрок: «Вы были способны принять тон, подняться на высоту серьезной и вполне грамотной, в высшем смысле этого слова, речи и мысли. Этого тона и этой высоты многие никогда не достигают, как бы ни трудились; это – дар; живое расположение души» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891: Л. 1). В письме от 8 июня 1891 года Страхов пишет: «Только не подражайте Вы, ради Бога, Достоевскому словом и манерой. У Вас есть свой слог, своя манера, – превосходные, и Вам следует строго воздерживаться от подражания» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891: Л. 18 об.), – также рекомендуя Говорухе-Отроку «постоянно руководиться серьезной мыслью» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891: Л. 18 об.). В письме от 10 декабря 1895 г. Страхов заключает: «Повторю еще раз: мне все больше и больше нравится Ваша теперешняя, определенная и краткая, манера писания» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1895: Л. 10 об.), а в последнем письме от 18 января 1896 года, оценивая полемику, в которой участвовал Говоруха-Отрок, признает: «Конечно, я на Вашей стороне» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1895: Л. 12 об.).

Наконец, особое внимание хотелось бы обратить на предпоследнее письмо Страхова Говорухе-Отроку от 10 декабря 1895 года. В нем он пишет:

«Есть у меня к Вам предложение. Анна Григорьевна Достоевская была у меня и напомнила, что в следующем году, в январе (именно 24 янв.) исполнится полвека с того дня, как вышел *“Петербургский сборник”,* а в нем появились *“Бедные люди”*. Она хотела бы, чтобы об этом вспомнила литература как о замечательном событии. Разумеется, она просила меня написать что-нибудь, и, разумеется, я не мог обещать. Но я обещал написать Вам, а также сообщить в *“Русский вестник”* о юбилее *“Бедных людей”*. Вы любите Достоевского, и Вам легко будет посвятить ему фельетон» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1895: Л. 10 об.)[5].

Сложные, полные драматизма отношения, связывавшие Страхова и Достоевского при жизни, удивительным образом продолжаются, расширяясь и приобретая новые смыслы посредством участия в них Говорухи-Отрока. 24 января 1896 года – в день, когда исполняется 50 лет со дня выхода в печать повести Достоевского «Бедные люди», имевшей исключительный успех и открывшей двадцатичетырехлетнего писателя для русской литературы, – в этот юбилейный день в своей петербургской квартире умирает Страхов – первый биограф Достоевского и один из его важнейших собеседников-философов. 25 января (в четверг, именно в этот день выходили традиционные «Литературные заметки» критика) в «Московских ведомостях» напечатана написанная по просьбе Страхова статья Говорухи-Отрока «Ф.М. Достоевский. По поводу исполнившегося пятидесятилетия от начала его литературной деятельности». В ней Говоруха-Отрок пишет, что главный вопрос, занимавший Достоевского всю жизнь и составлявший главное содержание его произведений – это «существование Божие» и «состояние души человеческой, удалившейся от Бога» (Говоруха-Отрок, 2012: 36). Критик убежден: «Значение Достоевского так велико, что нам, современникам, трудно видеть весь размер этого значения; мы знаем

[5] Здесь следует заметить, что Страхов давал высокую оценку статьям Говорухи-Отрока, отмечая в письме от 21 февраля 1891 года: «Может быть, со времен *"Дневника"* Достоевского я ничему так не радовался, как Вашим статьям» (Страхов – Говорухе-Отроку, 1891: Л. 6).

только, что в его произведениях мы имеем неисчерпаемое сокровище, всю цену которого теперь трудно и определить» (Говоруха-Отрок, 2012: 41). Следующей статьей Говорухи-Отрока, вышедшей в печать после обещанной Страхову статьи о Достоевском, стал некролог самому Н.Н. Страхову, опубликованный в «Московских ведомостях» 27 января 1896 года. А вскоре, 27 июля 1896 года, не станет и самого Ю.Н. Говорухи-Отрока.

***

Интерес и внимание, проявленные Страховым по отношению к Говорухе-Отроку в переписке, позволяют считать его важным собеседником, значимым участником «сферы разговора» мыслителя. Исследование корпуса писем Н.Н. Страхова, адресованных Ю.Н. Говорухе-Отроку, как представляется, не только внесет вклад в реконструкцию эпистолярных образов обоих критиков, но и расширит горизонты понимания герменевтико-диалогического единства их мышления.

Источники

Письма Николая Николаевича Страхова к Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. Ч. 2 [Рукопись]. СПб., 1891. ОР РГБ. Ф. 178. Оп. 1. № 9631. Ед. хр. 2. 20 л.

Письма Николая Николаевича Страхова к Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. Ч. 3 [Рукопись]. СПб., 1892–1893. ОР РГБ. Ф. 178. Оп. 1. № 9631. Ед. хр. 3. 14 л.

Письма Николая Николаевича Страхова к Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. Ч. 4 [Рукопись]. СПб., 1894–1896. ОР РГБ. Ф. 178. Оп. 1. № 9631. Ед. хр. 4. 13 л.

Письма Николая Николаевича Страхова к Юрию Николаевичу Говорухе-Отроку. 24 сентября – 22 октября 1893 г. [Рукопись]. РГАЛИ. Ф. 1159. Оп. 2. Ед. хр. 2. 3 л.

Литература

Введенский, А.И. Памяти Ю.Н. Говорухи-Отрока [Ю. Николаева] // Богословский вестник. 1896. Т. 3. № 8. С. 208-212.

Говоруха-Отрок, Ю.Н. «Великие традиции». Н. Страхов. Из истории литературного нигилизма // Говоруха-Отрок, Ю.Н. Во что веровали русские писатели?: Литературная критика и религиозно-философская публицистика: В 2 т. Т. 2 / под общей ред. Е.В. Ивановой. СПб.: Росток, 2012. С. 83-94.

Говоруха-Отрок, Ю.Н. Ф.М. Достоевский. По поводу исполнившегося пятидесятилетия от начала его литературной деятельности // Говоруха-Отрок, Ю.Н. Во что веровали русские писатели?: Литературная критика и религиозно-философская публицистика: В 2 т. Т. 2 / под общей ред. Е.В. Ивановой. СПб.: Росток, 2012. С. 31-41.

Гончарова, О.А. Русская литература в свете христианских ценностей (Ю.Н. Говоруха-Отрок – критик). Харьков: Майдан, 2006. 164 с.

Мотовникова, Е.Н. Ю.Н. Говоруха-Отрок: философско-религиозная герменевтика творчества Н.Н. Страхова // Евангелие в контексте современной культуры. 1917–2017: уроки столетия: Сб. мат-лов V Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 18 мая 2017 г. / под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева. Белгород: НИУ «БелГУ», 2017. С. 100-103.

Мотовникова, Е.Н. Зеркала сочувствия: мышление и личность Н.Н. Страхова в истолкованиях Ф.Э. Шперка и Ю.Н. Говорухи-Отрока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (32). С. 136-144.

Мотовникова, Е.Н. Н.Н. Страхов и его ученики: герменевтические установки общения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 184-187.

Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): В 2 т. Т. 2. Кн. 2 / сост., подгот. текстов и коммент. Л.В. Калюжной, Т.Г. Никифоровой, В.А. Фатеева, В.Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский Дом, 2023. 692с.

Прокопенко, З.Т. Ю.Н. Говорухо-Отрок – друг и последователь Н.Н. Страхова // Гуманитарная наука в Центральном регионе России: состояние, проблемы, перспективы развития: Материалы VII региональной науч.-практ. конф.: В 3 т. Т. 2 / отв. ред. О.Г. Вронский. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та, 2005. С. 264- 272.

Розанов, В.В. Литературные изгнанники. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. 531 с.

Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 477с.

Смолина, К.А. Ю.Н. Говоруха-Отрок и задачи консервативной литературной критики // Русский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 176-211.

Фет, А.А. Переписка с Н.Н. Страховым (1877–1892) / вступ. ст., публ. и коммент. Н.П. Генераловой // А.А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 233-550.

Sources

Pisma Nikolaya Nikolaevicha Strakhova k Yuriyu Nikolaevichu Govorukhe-Otroku. Ch. 2 (1891) [Letters of Nikolai Nikolaevich Strakhov to Yuri Nikolaevich Govorukha-Otrok. Part 2], [Manuscript], Department of Manuscripts of the RSL, F. 178. Inv. 1. No. 9631, Storage unit 2, St. Petersburg, Russia.

Pisma Nikolaya Nikolaevicha Strakhova k Yuriyu Nikolaevichu Govorukhe-Otroku. Ch. 3 (1892–1893) [Letters of Nikolai Nikolaevich Strakhov to Yuri Nikolaevich Govorukha-Otrok. Part 3], [Manuscript], Department of Manuscripts of the RSL, F. 178. Inv. 1. No. 9631, Storage unit 3, St. Petersburg, Russia.

Pisma Nikolaya Nikolaevicha Strakhova k Yuriyu Nikolaevichu Govorukhe-Otroku. Ch. 4 (1894–1896) [Letters of Nikolai Nikolaevich Strakhov to Yuri Nikolaevich Govorukha-Otrok. Part 4], [Manuscript], Department of Manuscripts of the RSL, F. 178. Inv. 1. No. 9631, Storage unit 4, St. Petersburg, Russia.

Pisma Nikolaya Nikolaevicha Strakhova k Yuriyu Nikolaevichu Govorukhe-Otroku. 24 sentyabrya – 22 oktyabrya 1893 g. (1893) [Letters of Nikolai Nikolaevich Strakhov to Yuri Nikolaevich Govorukha-Otrok, September 24 – October 22], [Manuscript], Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), F. 1159. Inv. 2. Storage unit 2, Moscow, Russia.

References

Fet, A. A. (2011), “Correspondence with N.N. Strakhov (1877-1892)”, Publ. by Generalova, N. P., *A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: V 2 kn. Kn. 2* [A. A. Fet and his literary environment: In 2 books. Book 2], in Dinesman, T. G. (ed.), 233-550, IMLI RAS Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Goncharova, O. A. (2006), *Russkaya literatura v svete khristianskikh tsennostey (Yu. N. Govorukha-Otrok – kritik)* [Russian literature in the light of Christian values (Yu. N. Govorukha-Otrok – critic)], Maydan, Kharkiv, Ukraine (in Russ.).

Govorukha-Otrok, Yu. N. (2012), “‘Great traditions’. N. Strakhov. From the history of literary nihilism”, *Vo chto verovali russkie pisateli?: Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika: V 2 t. T. 2* [What did Russian writers believe in?: Literary Criticism and Religious and Philosophical journalism: In 2 vols. Vol. 2], in Ivanova, E. V. (ed.), 83-94, Rostok, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Govorukha-Otrok, Yu. N. (2012), “F. M. Dostoevsky. About the fiftieth anniversary of the beginning of his literary activity”, *Vo chto verovali russkie pisateli?: Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika: V 2 t. T. 2* [What did Russian writers believe in?: Literary Criticism and Religious and Philosophical journalism: In 2 vols. Vol. 2], in Ivanova, E. V. (ed.), 31-41, Rostok, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Motovnikova, E. N. (2015), “Mirrors of sympathy: the thinking and personality of N. N. Strakhov in the interpretations of F. E. Shperk and Yu. N. Govorukha-Otrok”, *Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East*, 2 (32), 136-144 (in Russ.).

Motovnikova, E. N. (2015), “N. N. Strakhov and his students: hermeneutical attitudes of communication”, *Theory and practice of social development*, 10, 184-187 (in Russ.).

Motovnikova, E. N. (2017), “Y. N. Govorukha-Otrok: philosophical and religious hermeneutics of N. N. Strakhov's creativity”, *Evangelie v kontekste sovremennoy kultury. 1917–2017: uroki stoletiya: Sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Belgorod, 18 maya 2017 g.* [The Gospel in the context of modern culture: Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference, Belgorod, May 18, 2017], in Lipich, T. I. and Dergalev, S. M. (eds), 100-103, Belgorod State University Publishing House, Belgorod, Russia (in Russ.).

Perepiska L. N. Tolstogo i N. N. Strakhova (1870–1896): V 2 t. T. 2. Kn. 2 (2003) [The correspondence of L. N. Tolstoy and N. N. Strakhov (1870–1896): In 2 vols. Vol. 2. Book 2], in Kalyuzhnaya, L. V., Nikiforova, T. G., Fateev, V. A. and Shvedov, V. Yu. (eds), Pushkinskiy dom, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Prokopenko, Z. T. (2005), “Yu. N. Govorukho-Otrok – friend and follower of

N. N. Strakhov], *Gumanitarnaya nauka v Tsentralnom regione Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya: Materialy VII regionalnoy nauch.-prakt. konf.: V 3 t. T. 2* [Humanities in the Central region of Russia: state, problems, prospects of development: Materials of the VII regional scientific and practical conference: In 3 vols. Vol. 2], in Vronsky, O. G. (ed.), 264-272, Publishing House of Tula State Pedagogical University, Tula, Russia (in Russ.).

Rozanov, V. V. (1913), *Literaturnye izgnanniki* [Literary exiles], Type of partnership of A. S. Suvorin "Novoe vremya", St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Rozanov, V. V. (2001), *Sobranie sochineniy. Literaturnye izgnanniki: N. N. Strakhov. K. N. Leontyev* [Collected works. Literary exiles: N. N. Strakhov. K. N. Leontyev], in Nikolyukin, A. N. (ed.), Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Smolina, K. A. (2003), "Yu. N. Govorukha-Otrok and the tasks of conservative literary criticism", *Russkiy konservatizm v literature i obshchestvennoy mysli XIX veka* [Russian conservatism in literature and public thought of the XIX century], 176-211, IMLI RAS Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Vvedensky, A. I. (1896), "In Memory of Yu. N. Govorukha-Otrok [Yu. Nikolaev]", *Bogoslovsky vestnik* [Theological Bulletin], 3 (8), 208-212 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Дикарева Олеся Викторовна, учитель русского языка и литературы, образовательный комплекс «Лицей № 3» имени С.П. Угаровой, м-н Интернациональный, д. 1А, г. Старый Оскол, Белгородская обл., 309530, Россия; магистрант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *Olesya-Dikareva2010@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Olesya V. Dikareva, Teacher of Russian Language and Literature, S.P. Ugarova Lyceum No. 3 Educational Complexs, 1A International Ds., Stary Oskol, Belgorod region, 309530, Russian Federation; Master's Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation, *Olesya-Dikareva2010@yandex.ru*

УДК 94(470.53) (093) **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-9**

Агафонов И. С.[1], Нагибина Н. П.[2]

История Чердыни и Чердынского уезда Пермской губернии по материалам этнографических очерков и рассказов XIX–XX веков

[1] Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*
[2] Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *nadya12354@yandex.ru*

Аннотация. В 2023 году исполнилось 300 лет со дня основания города Перми. Огромное значение для многовековой истории Прикамья имеет его древняя столица – Чердынь. Основанная в середине XV века, Чердынь стала первым русским городом на Урале и древней православной обителью пермских святых: Герасима, Питирима, Ионы, крестивших и обращавших в православную веру коми-пермяков и коми-зырян. Сохранившиеся в пермских и чердынских архивах и краеведческих музеях материалы, начиная с середины XVII века, представляют научную ценность для исследователей древней истории финно-пермских народов. Целью статьи является попытка рассмотрения некоторых аспектов истории Чердыни и поселений Чердынского уезда через призму исторических источников, очерков, описаний ученых и исследователей. Приведенные документы дают представление о жизни местного населения в период русской колонизации пермских земель, освещают исторические особенности христианизации Перми Великой.

Ключевые слова: Пермь Великая; Пермская губерния; Биармия; Чердынь; Чердынский уезд; историография Перми; этнографические памятники Чердыни; история Чердыни

Для цитирования: Агафонов И. С., Нагибина Н. П. История Чердыни и Чердынского уезда Пермской губернии по материалам этнографических очерков и рассказов XIX–XX веков // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 105-119. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-9

I. S. Agafonov[1], N. P. Nagibina[2]

History of Cherdyn and Cherdyn uyezd of the Perm province according to ethnographic sketches and stories of 19-20th centuries

[1] Perm State Institute of Culture,
18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*
[2] Perm State Institute of Culture,
18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *nadya12354@yandex.ru*

Abstract. The year 2023 marked the 300th anniversary of the foundation of the city of Perm. Its ancient capital Cherdyn is of great importance for the centuries-old history of the Kama region. Founded in the middle of the 15th century, Cherdyn was the first Russian town in the Urals and the ancient Orthodox monastery of Perm saints:

Gerasim, Pitirim, Iona, who baptised and converted Permian Komi and Komi Zyryans to the Orthodox faith. The materials preserved in Perm and Cherdyn archives and local history museums, starting from the middle of the XVII century, are of scientific value for scientists who study the ancient history of the Finno-Perm peoples. The aim of the article is to try to consider some aspects of the history of Cherdyn and settlements of Cherdynsky uyezd through the prism of historical sources, sketches, descriptions of scientists and researchers. These documents give an idea of the life of the local population during the period of Russian colonisation of the Perm lands, and highlight the historical peculiarities of the Christianisation of Perm the Great.

Keywords: Perm the Great; Perm province; Biarmia; Cherdyn; Cherdyn uyezd; historiography of Perm; ethnographic monuments of Cherdyn; history of Cherdyn

For citation: Agafonov I. S., Nagibina N. P. (2024), “History of Cherdyn and Cherdyn uyezd of the Perm province according to ethnographic sketches and stories of 19-20th centuries”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 105-119, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-9

Одной из ключевых проблем современной российской науки является изучение региональной истории нашей страны. Проведение историографических исследований в различных субъектах Российской Федерации находится сегодня на стадии формирования и разработки. Значительное число лакун имеется и в историографии Урала. Оно обусловлено малым количеством научных исследований по данной теме в советский период. Историография Пермского края и его отдельных территорий на современном этапе своего развития также является мало разработанной (см.: Агафонов, Чуприн, 2023: 357).

В Пермском государственном национально-исследовательском университете накоплен большой опыт по изучению истории Пермского края. Исследования Н.Г. Брюховой (Брюхова, 2018), Г.П. Головчанского (Головчанский, 2016), А.В. Данича (Данич, 2014), Е.Л. Лычагиной (Зарецкая, Лычагина и др., 2020), С.Н. Коренюка (Коренюк, 2016), П.А. Корчагина (Корчагин, 2020), Н.Б. Крыласовой (Крыласова, 2022), Г.Н. Чагина (Чагин, 2018), А.В. Черных (Черных, 2002) и других ученых-историков университета внесли существенный вклад в изучение истории Перми Великой. Вместе с тем, результаты историографических исследований по отдельным аспектам истории Прикамья, территориям и населенным пунктам, входящим в состав Пермского княжества, представлены в работах ученых Пермского государственного института культуры А.А. Космовской (Космовская, 2019), М.В. Софьиной (Софьина, 2015).

Основными источниками для подготовки работы стали электронные копии номеров Пермских губернских ведомостей за 1838–1916 гг., выпусков Трудов Пермской ученой архивной комиссии 1892–1915 гг. (Труды Пермской…). В рамках исследования были рассмотрены статьи и заметки из этих источников, которые освещали различные вопросы, связанные с Чердынью и чердынским краем, отдельные опубликованные и неопубликованные документы, изданные на территории Чердыни и Перми.

Актуальность исследования древней истории Перми Великой усиливается тем, что в 2023 году этот крупный промышленный город Урала отметил свой 300-летний юбилей. Это событие имеет большое значение для развития не только самого города и формирования его пространства, но и территорий, некогда

входивших в состав Пермской губернии и Пермского княжества (см.: Агафонов, Чуприн, 2023).

Однако не все современные ученые-историки согласны с официальной датой основания города – 4 мая 1723 г. Пермский исследователь, историк, этнограф, краевед В.В. Пермяков утверждает, что на старинных картах населенные пункты с названиями «Пермь» и «Пермь Великая» обозначались задолго до даты официального основания города. Так, Пермь как местность упоминается в летописном своде «Повесть временных лет», относящемся к XII веку. Ученый отмечает, что некоторые документы и грамоты называют Пермь Великую с приблизительно похожей локацией, где находится современная Пермь именно как город с развитым промышленно-экономическим комплексом (Пермяков, 2022).

Вплоть до середины XIX века многие российские ученые полагали, что Пермь является столицей древнего мифического государства Биярмия. Приверженцами данной теории были такие крупные исследователи, как Н.М. Карамзин (Карамзин, 2022), М.В. Ломоносов (Ломоносов, 2020), В.Н. Татищев (Татищев, 1990), которые внесли значительный вклад в развитие национальных идей Российского государства. Интересным фактом является и то, что Биярмия, по мнению современных историков, считается наследницей Гипербореи – легендарной северной страны, прародины всех мировых цивилизаций и культур.

В русской традиции было принято называть всю местность по наименованию ее центрального города. Изначально в составе Казанской губернии существовало две Перми – это Пермь Вычегодская, которая находилась на правобережье реки Вычегды, и Камская Пермь, располагавшаяся по всему северу современного Пермского края выше города Соликамска (Пермяков, 2022).

Самым древним городом и столицей Перми Великой считается город Чердынь. Город с самого начала своего становления был населен коми-зырянами, коми-пермяками и манси (вогулами). Первое упоминание Чердыни в летописных источниках относится к середине XV века. Главными богатствами города и его окрестностей были пушной зверь и серебро, поэтому многие ученые предполагают, что Чердынь уже с XII века имела торговые отношения с Персией, Ираном и Волжской Булгарией, а позднее с Великим Новгородом и северными народами, населяющими Кольский полуостров (Агафонов, Нагибина, 2023).

В начале XVI века основу Чердыни составлял первый на Урале деревянный кремль, который располагался на Троицкой горе. Со всех сторон чердынский кремль был окружен земляным валом и рвом (рис. 1), что защищало жителей города от частых набегов объединенных племен вогулов, пришедших из Пелымского княжества, которое располагалось в бассейне рек Лозьва, Сосьва, Пелым с центральным городом-крепостью в месте слияния рек Таут и Пелым (рис. 2). В середине XVI века количество набегов вогулов на город Чердынь, как и на другие пермские земли, увеличилось в связи с появлением в Прикамье, а потом и по берегам реки Чусовой горных заводов промышленной династии Строгановых (Янович, 1903).

Исторически сложилось, что становление Урала в российских пределах началось на Верхнекамской земле. За право владения Чердынью довольно длительный период с новгородцами боролось Московское княжество. Так, в 1462 году по Каме в Чердынь прибывает для завоевания московская рать, а через 10 лет, в 1472 году, в город отправляется устюжский князь Федор Пестрый в качестве воеводы. Иван III, проводя политику объединения уральских и сибирских земель под централизованным управлением Москвы, высылает в Чердынь московского князя Василия Ковра с дружиной для окончательного присоединения города к

Московскому княжеству. Задача эта была решена, и Пермь Великая вместе со своей столицей была присоединена к Российскому государству. Город Чердынь в свою очередь получил статус первого русского города-крепости на Урале (Пенской, 2023а).

Рис. 1. Рисунок чердынского кремля художника А. Тумбасова из книги Г.Н. Чагина[1]
Fig. 1. Drawing of the Cherdyn Kremlin by artist A. Tumbasov from the book by G. N. Chagin

[1] Чагин, Г.Н. Чердынь: Краткий исторический очерк / худ. А. Тумбасов. Пермь: Пермское книжное издательство, 1972. С. 112.

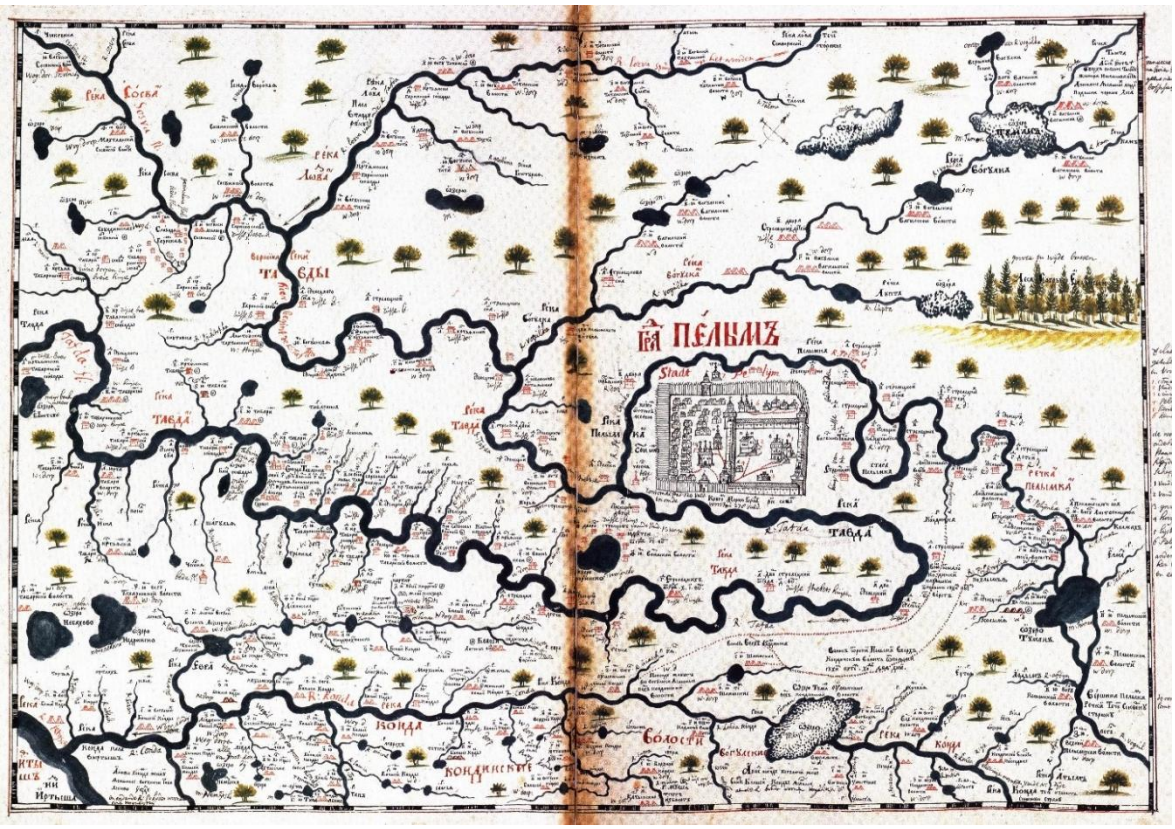


Рис. 2. Картографическое изображение Пелымского княжества из Чертежной книги Сибири, составленной тобольским сыном Семеном Ремезовым в 1701 году
Fig. 2. Cartographic representation of the Pylma Principality from the Drawing Book of Siberia, compiled by Semyon Remezov, son of Tobolsk, in 1701

Для русской колонизационной политики Ивана III было характерно полное разрушение установившихся местных национальных форм и традиций. Одним из первых миссионеров московской колонизации Урала является святой Стефан, первосвятитель Перми Великой. Местное население враждебно относилось к этому «культуртрегеру» великого государя и с неохотой шло на переговоры. В деятельности Стефана они видели не только посягательство на национальную веру, но и насильственное подчинение Москве (Пенской, 2023b).

Негативный настрой местного населения по отношению к русским стал последствием не только церковных реформ и преобразований, но и жесткой, почти нерегулируемой налоговой политики в отношении пермского Севера. Помимо того, что ясак для пермских князей был унизительным сам по себе как свидетельство политического и национального порабощения, возмутительным был и сам способ его сбора. Для иллюстрации можно указать на случай, описанный местными жителями. В 1607 году вишерские вогуличи жаловались в Москву, что кроме обычных пяти соболей сборщики ясака – верхотурские служилые люди собирают с них дополнительно по два соболя с человека. Кроме того, они требовали от вогуличей провожатых с Вишеры, где находились их юрты, до Верхотурья с лыжами и нартами, а иногда вместо подвод брали с них деньги и соболей (Савич, 1931). Вследствие этого многие племена вогулов бежали в леса, и, по тогдашней московской практике, жители Чердыни должны были выплатить

долю бежавших народов, населяющих Чердынский уезд.

Чердынский кремль, возвышавшийся над крутыми берегами реки Колвы, не сохранился до наших дней. Но рядом с местом, где были установлены его укрепления, стоит Чердынская Успенская церковь. Она являлась главным храмом Чердынского женского монастыря. Поблизости от церкви располагалась часовня во имя Спаса Нерукотворного (разрушена в 1933 г., восстановлена в 2005 г.), под которой, согласно местным преданиям, захоронены 85 чердынских воинов. В 1547 году они ценой своих жизней остановили набег нагайской орды на льду реки Вишеры.

Другая православная обитель – Чердынский Иоанно-Богословский мужской монастырь – находился в северной части города (рис. 3) и являлся первым монастырем на уральской земле. Основал его в 1462 году святитель Иона Пермский. Его предшественник – святитель Питирим Пермский, который первым крестил жителей Чердыни, трагически погиб при набеге на город племени вогулов (Дмитриев, 1889).

Рис. 3. Фотография Чердынского Иаанно-Богословского мужского монастыря, сделанная 1 июля 1917 г. (из собрания Чердынского краеведческого музея)
Fig. 3. Photo of the Cherdynsky Ianno-Bogoslovsky Monastery, taken on 1 July 1917 (from the collection of the Cherdynsky Local History Museum)

Не все храмы Чердыни сумели сохранить свой первоначальный облик. В годы безбожия была обезглавлена Богоявленская церковь, хранившая старинную икону святого Стефана, первосвятителя Великопермского, а также других святых, почитаемых жителями Русского Севера. Такая же участь постигла храм Преображения Господня. Самым высоким зданием исторической Чердыни считалась красная колокольня Воскресенского собора. Это сооружение, вместе с камнем Полюд, возвышавшимся над таежной равниной, служило ориентиром для обозов, приезжавших в Чердынь для торговли (Дмитриев, 1889).

В Средневековье через город проходила сухопутная дорога за Камень – древнее название Уральских гор. Именно Чердынь была единственным перевалочным пунктом, где оставались на зимовку все движущиеся на восток караваны новгородских и московских торговцев и купцов. В это время Чердынь по количеству жилых строений, домов и населению превышает свой пригород – Соликамск.

В 1579 году была открыта Бабиновская государева дорога, проходившая по пермским землям от Соликамска до Верхотурья. Она была объявлена единственным государственным путем, связывающим Центральную Россию и Сибирь, до открытия во второй половине XVII века Великого Сибирского тракта. Однако с появлением данного сухопутного пути месторасположение города Чердынь перестало иметь для Московского государства большое значение (см.: (Пойма Камы…, 2020)).

В начале XX века Чердынский уезд занимает площадь в 62200 кв. верст, включая горы, реки, озера, болота. По своим пространственным характеристикам Чердынский уезд имеет много преимуществ по сравнению с остальными уездами Пермской губернии. Реки и озера Чердынского уезда изобилуют рыбой, а между тем, ни в деревнях, ни в городах рыбы нет. Все крупные реки, такие как Кама и Чусовая, арендовались соликамскими рыболовами, и вся пойманная ими рыба сплавлялась в Соликамск и Пермь. В Колве водилась в изобилии стерлядь, но в конце XIX века соликамские купцы купили у местных жителей за бесценок право ловли и за несколько лет в процессе промышленного лова уничтожили всю популяцию (см.: (Шестаков, 1905 a, b)).

Общая численность жителей города составляла на тот момент около 3000 человек. Вместе с другими жителями Чердынского уезда, населявшими близлежащие к городу села Покчу, Вильгорт и Камгорт, русское население Чердыни занималось торговлей. Главным предметом продажи в те времена были пушные товары из села Ижмы Архангельской губернии, которые скупались местным населением на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Другим интересом местных купцов и предпринимателей была скупка хлеба в городе Сарапуле и его экспорт через Чердынь на Печору (см.: (Шестаков, 1905a, b, 1915)). Большим конкурентом для чердынских купцов был известный на Урале промышленник Сибиряков (Пермские губернские ведомости…). Общественная жизнь Чердыни в начале XX века была мало развита в связи с низким уровнем образования у стоящих во главе города купцов. Город был едва ли не единственным в России местом, где молодое поколение не стремилось получить не только высшее, но и среднее образование. По архивным документам можно проследить следующую статистику: до середины 1910-х годов среди учащихся высших учебных заведений Пермской губернии не числилось ни одного учащегося из местного населения. Необходимо отметить, что, несмотря на низкий уровень культуры, в городе активно работала публичная библиотека, в которой имелся кабинет для чтения. Священник, просветитель и издатель Яков Камасинский, находившийся осенью 1891 года в служебной командировке на территории Чердынского уезда, характеризуя местных жителей, отмечает их «изумительную

некультурность», существование организованного чердынскими обывателями ежегодного сбыта детей на Ирбитскую ярмарку, на которой русские возчики продавали их сибирским купцам в качестве рабочей силы (см.: (Шестаков, 1905a, b)).

«Чердынский уезд – это самый заглохший, самый неподвижный в производительном смысле край Пермской губернии. Обладая неисчерпаемым богатством в виде различных минералов, обитатели края ничего не сделали, чтобы извлечь для себя какую-либо пользу. Природа наделила Чердынский уезд лесом, а о лесных изделиях здесь и помину нет. В самом деле, взгляните на карту Чердынского уезда, и вы увидите, что все громадное пространство его занято лесами, а между тем здесь вы не сможете купить себе стула или стола. Да что стула? – кадочку, корыто и то с трудом отыщешь. Кроме топора, большинство крестьян не имеют никаких инструментов. Мне известно, что в большинстве деревень не имеется ни одной не только продольной, а даже поперечной пилы, в следствие этого в домашних постройках употребляется не тес, а плахи, выделываемые топором из расколотых бревен. Из бревен в девять-десять вершков толщиною таким образом выходит две плахи. Можно прийти в ужас от того, сколько напрасно пропадает труда на обтеску, уже не говоря о лесном материале, идущем на щепы. А такие плахи идут на все домашние поделки, начиная с полов и потолков и кончая внутренними переборками» (Пермские губернские ведомости…). Такое описание быта и реалий жизни дал в 1884 году в одном из выпусков «Пермских губернских ведомостей» молодой священнослужитель Николай Конюхов. Будущий священномученик Николай родился в 1860 году в семье священника Петра Конюхова. В 1879 году он окончил Пермскую духовную семинарию и был назначен учителем и законоучителем Камгортского начального училища Чердынского уезда Пермской губернии. Больше двадцати лет он нес служение в Воскресенском соборе города Чердынь, занимался перестройкой чердынских храмов (см.: (Савич, 1931)). Одной из ключевых достопримечательностей города Чердынь во все времена была гора Полюдов камень. Многие политические деятели России, приехавшие сюда впервые, отмечали, что гора напоминала им своей формой пьедестал памятника Петру Великому в Санкт-Петербурге. Для окрестных жителей Чердыни он служил барометром: «Перед пасмурной погодой камень окутывал густой туман, а его белизна предвещала хорошую погоду. Перед поднявшимся на вершину Полюдова камня путником открываются великолепные виды таежных лесов, среди которых живописно извивается река Вишера, прямо вдали раскинулся город Чердынь, правее – Покча, Вильгор, Камгорт, Искор, влево – Серёгово и Редикор с их белеющими церквями» (Шестаков, 1905 а: 78). Среди бесчисленного количества горной породы, на вершине горы был установлен деревянный крест, который приковывал взоры набожных богомольцев, пришедших за сотни верст в село Ныроб для поклонения святителю Николаю. Яков Камасинский отмечает, что величие такого креста на высоте во время густого тумана, окутывающего вершину Полюда, производит глубокое впечатление на душу инородца и напоминает свет, воссиявший в Вифлееме. С приходом на север Прикамья представителей династии Строгановых камень Полюд давал жителям Чердыни надежду на оживление безлюдного чердынского края и развитие горнозаводской промышленности, так как предполагалось, что в нем находятся богатые залежи каменного угля (рис. 5).

Рис. 4. Фото Базарной площади Чердыни, конец XIX – нач. XX в.
(из коллекций Чердынского краеведческого музея)
Fig. 4. Photo of the Bazaar Square of Cherdyn, late 19th – early 20th century
(from the collections of the Cherdyn Museum of Local Lore)

Рис. 5. Фотография «Вид из города Чердынь на Полюдов камень», 1950-е гг.
(из фотоколлекции Российского этнографического музея)
Fig. 5. Photo “View from the town of Cherdyn to Polyudov Kamen”, 1950s.
(from the photocollection of the Russian Museum of Ethnography)

На самом севере Пермской губернии располагалась деревня Бахари. Она была конечной точкой маршрута пароходов, следовавших по Колве до ее впадения в Вишеру. Из деревни Бахари путь по реке Вишере осуществлялся при помощи так называемых «душегубок» (см.: (Юрьев, 1852)). Они представляли собой долбленную деревянную лодку обтекаемой формы. Обычно в душегубке помещались два человека, более сильный становился на корму, а другой – на нос. Одновременно упираясь шестом в две руки о дно, местные жители передвигались от станции до станции и перевозили приезжих по Вишере. Труд этот был очень тяжелым и утомительным, так как требовал постоянного напряжения, чтобы преодолеть быстрое течение реки (Труды Пермской губернской…, 1903, вып. 6).

Обращает на себя внимание внешний вид вишерца. Большинство мужского населения было сухощаво, низкоросло, растительность на лице была очень жидка. Костюм вишерца напоминал собой костюм вогула. Голова была покрыта войлочной шляпой, поверх рубахи надевался «лызань» – верхняя одежда, похожая на жилет с разрезами по бокам. Он обеспечивал телу тепло и вместе с тем служил мешком для пойманной во время охоты рябчиков. К характерным частям одежды вишерцев относится обувь, представляющая вид бахил с разрезанными голенищами (Голикова, 2011).

Главным промыслом вишерцев были рыбная ловля и охота, которые к сожалению, не приносили им большого дохода. Многие охотники не продавали свой улов и дичь за наличные деньги, а по большей части меняли их на товары, которые поставлялись в Чердынь из Москвы за двойную цену (см.: Голикова, 2011). Земледелие вследствие каменистой почвы, недостатка удобрений и сурового климата находилось на низком уровне развития. С открытием Кутимского чугунно-плавильного завода и положение чердынцев, населяющих берега реки Вишеры, улучшилось. По водам реки на деревянных плотах в летнее время сплавляли чугун, а зимой везли на завод припасы и материалы (Труды Пермской губернской…, 1904, вып. 8).

Река Вишера берет свое начало с горы Потимонь-Гит-Урр, на Западном Урале. Как горная река Вишера имеет большой уклон и вследствие этого быстрое течение, грунт каменистый, много островов и перекатов, которые увеличивают опасность сплавов по этой реке. Берега Вишеры в большинстве скалисты. Отдельно стоящие скалистые образования носят местное название «чуроки» (см.: Голикова, 2011). Из таких камней самыми крупными являются Ветлан, Говорливый, Писанный и Золотой. Камень Ветлан примыкает с левой стороны к самой реке гладкой белой стеной, стоящей почти отвесно над водой (см.: Черных, 2002).

Еще одной возвышенностью Вишеры, обращающей на себя особое внимание путников, является Говорливый камень. Он простирается вдоль правого берега реки сплошной массой высоких скал более двух верст, до деревни Говорухи. На самой вершине этого камня находится маленькое село Говорливо. В его окрестностях была расположена белая церковь и школа грамоты, единственные по всей Вишере (Труды Пермской губернской…, 1913, вып. 10).

Писанный камень находится в версте от деревни Писанной, на правом горном берегу реки Вишеры. Примечательно, что этот камень как будто исцарапан какими-то крупными красными чертами и углублениями, похожими на славянские буквы (см.: Дмитриев, 1889). В старину через город Чердынь и эти незаселенные места проходил зимний путь в северные уральские заводы и в Сибирь. Современные исследователи предполагают, что останавливающиеся проезжие делали на камне разные надписи, которые теперь искажены под воздействием природных факторов. Золотые камни, вероятнее всего, получили свое название от окраски,

которую они приобретали во время заката (см.: Пермские губернские ведомости…).

Самой далекой деревней, расположенной на реке Вишере, была деревня Усть-Улс. В деревне было десять домов и деревянная часовня. Имелись и атрибуты русской колонизации: трактир и винная лавка. Выше деревни было место впадения реки Улс в Вишеру. С этого места начиналась конно-железная дорога, где складывался чугун, привозимый по железной дороге с Кутимского завода (см.: (Юрьев, 1852)). Сам Кутимский завод располагался на левом берегу реки Кутим и имел в своем штате местное население. На территории завода имелись училище, больница и церковь. С основанием Кутимского завода на территории Чердынского уезда начала развиваться золотопромышленность на приисках, которые размещались по рекам, впадающим в Кутим (см.: (Дмитриев, 1889)).

Рис. 6. Вогулы на Кутимском заводе. Фотография начала XX века
(из коллекции Чердынского краеведческого музея)
Fig. 6. Voguls at the Kutimsky plant. Photo of the early 20th century
(from the collection of the Cherdyn Local Lore Museum)

Кутимский завод, по словам горного инженера Г. Белоусова из Перми, ждало большое будущее: «Кутимское месторождение железного блеска, бесспорно, принадлежит к самым замечательным и богатым по чистоте и мощности месторождениям руды и основание на нем солидного и серьезного чугунно-плавильного дела должно вполне окупить и вознаградить те усилия и затраты, которые вызываются исключительными неблагоприятными условиями нахождения этих руд среди безлюдных и малодоступных лесных дебрей Чердынского уезда» (Шестаков, 1905 b: 49).

Летописные и архивные документы, посвященные Чердыни и отельным населенным пунктам Чердынского уезда, привлекают к себе не только своей исторической, но и культурологической и текстологической составляющей. Они позволяют создать детальное представление о жизни местного населения города в Средневековье, составить реконструкцию

архитектурных памятников Чердынского кремля, рассмотреть исторические процессы, которые протекали на обширных территориях Перми Великой на протяжении XV-XX веков.

Источники

Пермские губернские ведомости: общ.-лит., полит. и эконом. газета. 1838–1916 [Электронный ресурс]. URL: https://lib.permkrai.ru/node/1042 (дата обращения: 11.08.2023).

Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии: В 12 вып. / Перм. уч. архив. комис.; под ред. А.А. Дмитриева. Пермь: [б. и.], 1892–1915.

Литература

Агафонов, И.С., Нагибина, Н.П. Образ села Ныроб Чердынского уезда Пермской губернии в Трудах Пермской ученой архивной комиссии (1892–1915 гг.) // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). Т. 7: Исторические и политические науки. Ч. 2 / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. С. 7-10.

Агафонов, И.С., Чуприн, К.П. Пермь Великая (анализ потока первичных документов) // Тезисы XLVIII науч.-практич. конф. студ. «Мир культуры глазами молодых исследователей»: Сб. тезисов / под ред. К.А. Мальцева. Пермь: [б. и.], 2023. С. 357-360.

Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Русская колонизация Пермского Предуралья. Памятники позднего Средневековья и Нового времени // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учеб. пособ. / под. ред. А.М. Белавина. Пермь: [б. и.], 2022. С. 289-310.

Брюхова, Н.Г., Смертин, А.Р. Историографический обзор и описание могильников Родановской культуры пермского Предуралья // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. 2018. № 14. С. 250-266.

Голикова, С.В. «Тип вишерца» с точки зрения этнокультурного взаимодействия // История народов России: Мат-лы XV Всеросс. науч.-практич. конф. / отв. ред. В.М. Козьменко, В.В. Керов. М.: РУДН, 2011. С. 136-144.

Головчанский, Г.П., Коренюк, С.Н., Перескоков М.Л. Камская археологическая экспедиция в новых исторических реалиях // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: Мат. всеросс. науч.-практич. конф. / ред. кол.: Г.П. Головчанский [и др.]. Пермь: [б. и.], 2016. С. 39-41.

Данич, А.В. Исследования в Пермском крае // Археологические открытия. 2016. Т. 2014. С. 282-284.

Дмитриев, А.А. Пермская старина: Сб. ист. ст. и материалов, преимущественно о Пермском крае: В 6 вып. Вып. 1. Древности бывшей Перми Великой. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1889. 231 с.

Карамзин, Н.М. История государства Российского. М.: АСТ, 2022. 656 с.

Корчагин, П.А. Пермь: историография с этимологией // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2020. Т. 30. № 4. С. 575-588.

Космовская, А.А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2019. 248 с.

Ломоносов, М.В. Древняя российская история. М.: Алгоритм, 2020. 288 с.

Пенской, В.В. «Лоскутная» монархия последних Рюриковичей: власть, обычаи, право // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 2. С. 37-54. (a)

Пенской, В.В. От Московского царства к Российской империи: разрыв или преемственность? Новое исследование по русской истории раннего Нового времени // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 7. № 3. С. 153-167. (b)

Пермяков, В.В. Пермь – столица Биармии (Гиперборея) [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=fJ94TGHSSF8 (дата обращения: 15.09.2023).

Пойма Камы: реконструкция среды обитания древних и средневековых сообществ Среднего Предуралья / Зарецкая, Н.Е., Лычагина, Е.Л., Лаптева, Е.Г., Трофимова, С.С., Чернов, А.В. // Российская археология. 2020. № 1. С. 44-59.

Савич, А.А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII–XX вв. М.: Изд-во политкаторжан, 1931. 177 с.

Софьина, М.В. Общественное призрение в городах Пермской губернии в 1781–1870 гг.: Моногр. Пермь: ПГНИУ, 2015. 283 с.

Татищев, В.Н. Записки. Письма. 1717–1750. М.: Наука, 1990. 438 с.

Чагин, Г.Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от 1917 до 1940 года. Пермь: Пушка, 2018. 651 с.

Чагин, Г.Н., Черных, А.В. Народы Прикамья: очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. Пермь: Тип. купца Тарасова, 2002. 303 с.

Шестаков, Я.В. Около Камы: этнографические очерки и рассказы. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1905. 211 с. (a)

Шестаков, Я.В. Пермяки-инородцы // Исторический вестник. 1905. Т. 89. № 8. С. 544-553. (b)

Шестаков, Я.В. Указатель статей по истории, археологии и этнографии, помещенных в Пермских епархиальных ведомостях со времени их выхода по август 1915 года. Сарапул: Об-во изуч. Прикам. края, 1915. 37 с.

Юрьев, Д. Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедициею в 1847 и 1848 годах: С присовокуплением общ. обзора путешествия экспедиций, отчета по съемке, различных замечаний в стат. и этногр. отношениях, карты Сев. Урала и плана г. Березова. СПб, 1852. 153 с.

Янович, В.М. Пермяки: этнографический очерк. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1903. 122 с.

Sources

Permskie gubernskie vedomosti: obshchestvenno-literaturnaya, politicheskaya i ekonomicheskaya gazeta. 1838–1916 [Perm provincial vedomosti: social, political and economic newspaper. 1838–1916] [Online], available at: https://lib.permkrai.ru/node/1042 (Accessed: 11 August 2023).

Trudy Permskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komisii: V 12 vypuskakh (1892-1915) [Proceedings of the Perm Province Academic Archival Commission: In 12 issues], Perm Academic Archival Commission, Perm, Russia (in Russ.).

References

Agafonov, I. S. and Chuprin, K. P. (2023), “Perm the Great (analysis of the flow of primary documents)”, *Tezisy XLVIII nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov “Mir kultury glazami molodykh issledovateley: Sbornik tezisov* [Abstract of XLVIII scientific-practical conf. of students. “The world of cult. through the eyes of young researchers”: Collection of theses], in Maltsev, K. A. (ed.), Publishing House of Perm State Institute of Culture, Perm, 357-360 (in Russ.).

Agafonov, I. S. and Nagibina, N. P. (2023), “Image of the village of Nyrob, Cherdynsky uyezd, Perm province in the Proceedings of the Perm Academic Archival Commission (1892–1915)”, *Donetskie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti: Materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf. (Donetsk, 25-27 oktyabrya 2023 g.). T. 7: Istoricheskie i politicheskie nauki. Ch. 2* [Donetsk readings 2023: education, science, innovation, culture and challenges of modernity: Materials of VIII International scientific conference (Donetsk, 25-27 October 2023). Vol. 7: Historical and political sciences. P. 2], in Bespalova, S. V. (ed.), Donetsk State University Publishing House, Donetsk, 7-10 (in Russ.).

Belavin, A. M. and Krylasova, N. B. (2022), “Russian colonisation of the Permian Pre-Urals. Monuments of the Late Middle Ages and New Time”, *Ocherki arkheologii Permskogo Preduralya: Uchebnoe posobie* [Sketches of the Archeology of the Permian Pre-Urals: Textbook], in Belavin, A. M. (ed.), Perm, Russia, 289-310 (in Russ.).

Bryukhova, N. G. and Smertin, A. R. (2018), “Historiographic review and description of the burial grounds of the Rodanovo culture of the Permian Urals”, *Trudy kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition], 14, 250-266 (in Russ.).

Chagin, G. N. (2018), *Kolva, Chusovskoe, Pechora: istoriya, kultura, byt ot 1917 do 1940 goda* [Kolva, Chusovskoye, Pechora: history, culture, everyday life from 1917 to 1940], Pushka, Perm, Russia (in Russ.).

Chagin, G. N. and Chernykh, A. V. (2002), *Narody Prikamya: ocherki etnokulturnogo razvitiya v XIX–XX vekakh* [Peoples of the Kama region: sketches of ethno-cultural development in the XIX-XX centuries], Tipografiya kuptsa Tarasova, Perm, Russia (in Russ.).

Danich, A. V. (2016), “Research in the Perm Territory” (2016), *Archaeological discoveries*, 2014, 282-284 (in Russ.).

Dmitriev, A. A. (1889), *Permskaya starina: Sbornik istoricheskikh statey i materialov: V 6 vyp. Vyp. 1. Drevnosti byvshey Permi Velikoy* [Permskaya starina: a collection of historical articles and materials, mainly about Perm Krai. In 6 iss. Iss. 1. Antiquities of the former Perm the Great], Publishing House of P. F. Kamensky, Perm, Russia (in Russ.).

Golikova, S. B. (2011), "'Vishertz type' from the point of view of ethno-cultural interaction", *Istoriya narodov Rossii: Materialy XV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [History of the peoples of Russia: Materials of XVth All-Russian scientific-practical conference], Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, 136-144 (in Russ.).

Golovchansky, G. P., Koreniuk, S. N. and Pereskokov, M. L. (2016), "Kama archaeological expedition in new historical realities", *XV Baderovskie chteniya po arkheologii Urala i Povolzhya: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [XV Bader readings on archaeology of the Urals and Volga region: Materials of All-Russian scientific-practical conference], Perm, Russia, 39-41 (in Russ.).

Karamzin, N. M. (2022), *Istoriya gosudarstva rossiyskogo* [History of the Russian State], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Korchagin, P. A. (2020), "Perm: historiography with etymology", *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 30 (4), 575-588 (in Russ.).

Kosmovskaya, A. A. (2019), *Voevodskoe upravlenie v Permskom Prikame v kontse XVI–XVII vv.* [Voivode administration in the Perm Prikamye in the late XVI–XVII centuries], Publishing House of the Perm State Institute of Culture, Perm, Russia (in Russ.).

Lomonosov, M. V. (2020), *Drevnyaya rossiyskaya istoriya* [Ancient Russian History], Algoritm, Moscow, Russia (in Russ.).

Penskoy, V. V. (2023b), "From the Moscow Tsardom to the Russian Empire: rupture or continuity? A new study on the Russian history of early modern times", *Scientific Result. Social and Humanitarian Research*, 7 (3), 153-167 (in Russ.).

Penskoy, V. V. (2023a), "'Patchwork' monarchy of the last Rurikovich: power, customs, law", *Scientific Result. Social and humanitarian researches*, 9 (2), 37-54 (in Russ.).

Permyakov, V. V. Perm – the capital of Biarmia (Hyperborea) [Online], available at: https://www.youtube.com/watch?v=fJ94TGHSSF8 (Accessed 15 September 2023) (in Russ.).

Savich, A. A. (1931), *Ocherki istorii krestyanskikh volneniy na Urale XVIII–XX v.* [Sketches of the history of peasant unrest in the Urals in the XVIII–XX centuries], Izdatelstvo politkatorzhan, Moskow, Russia (in Russ.).

Shestakov, Ya. V. (1905a), *Okolo Kamy: etnograficheskie ocherki i rasskazy* [Near Kama: ethnographic sketches and stories], I. D. Sytin Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Shestakov, Ya. V. (1905b), "Permyak-foreigners", *Istoricheskiy vestnik* [Historical Herald], 89 (8), 544-553 (in Russ.).

Shestakov, Ya. V. (1915), *Ukazatel statey po istorii, arkheologii i etnografii, pomeshchennykh v Permskikh eparkhialnykh vedomostyakh so vremeni ikh vykhoda po avgust 1915 goda* [Index of articles on history, archeology and ethnography, placed in Perm diocesan bulletins from the time of their publication to August 1915], Publishing House of the Society for the Study of the Kama Region, Sarapul, Russia (in Russ.).

Sofyina, M. V. (2015), *Obshchestvennoe prizrenie v gorodakh Permskoy gubernii v 1781–1870 gg.: Monografiya* [Public ghosting in the cities of the Perm province in 1781–1870th. Monograph], Publishing House of Perm State National Research University, Perm, Russia (in Russ.).

Tatishchev, V. N. (1990), *Zapiski. Pisma. 1717–1750* [Notes. Letters. 1717–1750], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Yanovich, V. M. (1903), *Permyaki: etnograficheskiy ocherk* [Permyaks: an ethnographic sketch], Ministry of Internal Affairs Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Yuryev, D. (1852), *Topograficheskoe opisanie Severnogo Urala, issledovannogo Uralskoyu ekspeditsieyu v 1847 i 1848 godakh: S prisovokupleniem obshchego obzora puteshestviya ekspeditsiy, otcheta po s'emke, razlichnykh zamechaniy v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh, karty Severnogo Urala i plana goroda Berezov* [Topographical description of the Northern Urals, explored by the Ural expedition in 1847 and 1848: With the addition of a general review of the expeditions' journey, a report on the survey, various comments in statistical and ethnographic relations, a map of the Northern Urals and a plan of Berezov], St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Zaretskaya, N. E., Lychagina, E. L., Lapteva, E. G., Trofimova, S. S., Chernov, A. V. (2020), "The Kama floodplain: reconstruction of the habitat of ancient and medieval communities of the Middle Urals", *Russian Archaeology*, 1, 44-59 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Агафонов Илья Сергеевич, студент 4 курса, кафедра библиотечных и документально-информационных технологий, факультет культурологии и социально-культурных технологий, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*

Нагибина Надежда Павловна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра библиотечных и документально-информационных технологий, факультет культурологии и социально-культурных технологий, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *nadya12354@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Ilya S. Agafonov, 4th year Student, Department of Library and Documentary Information Technologies, Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*

Nadezhda P. Nagibina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Library and Documentary Information Technologies, Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *nadya12354@yandex.ru*

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК: 18:782.1:801.6:82-293 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-0**

Зюганова С. К.

«Сказка о царе Салтане» у А.С. Пушкина и Н.А. Римского-Корсакова (опыт сравнения)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *sophyzuganova@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен опыт сравнения «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина и оперы Н.А. Римского-Корсакова, написанной вослед пушкинской сказки по либретто В.И. Бельского. Обосновывается, что пушкинская сказка с её высокой «мерой сказочности» (К. Аймермахер), «сказка вдвойне» (Д.Н. Медриш), с герменевтической адекватностью представлена в музыкальных восприятиях, истолкованиях и творческом развитии у Н.А. Римского-Корсакова. Уточняются звуко-символические, ритмо-метрические, стилистико-синтаксические, ладо-гармонические и иные смысловые переклички, которые происходят между двумя произведениями и дают понимание их общей «меры сказочности». Внимание также уделяется смысловым преобразованиям художественно-исторического понятия времени у Пушкина и Римского-Корсакова на примере оперной оркестровой интермедии «Полет Шмеля». Сравнительный анализ двух произведений в перспективе позволяет выявить некоторые общие места.

Ключевые слова: А.С. Пушкин; Н.А. Римский-Корсаков; В.И. Бельский; «Сказка о царе Салтане»; мера сказочности; «сказка вдвойне»; время в произведении

Для цитирования: Зюганова С. К. «Сказка о царе Салтане» у А.С. Пушкина и Н.А. Римского-Корсакова (опыт сравнения) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 120-130. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-0

"The Tale of Tsar Saltan" by A. S. Pushkin and N. A. Rimsky-Korsakov (some comparisons)

S. K. Zyuganova

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation;*sophyzuganova@gmail.com*

Abstract. The article presents the experience of comparing A.S. Pushkin's The Tale of Tsar Saltan and N.A. Rimsky-Korsakov's opera written after Pushkin's fairy tale based on the libretto by V.I. Belsky. It is substantiated that Pushkin's fairy tale with its high "Märchenhaftigkeit" (measure of fairy tale) (K. Eimermacher), "fairy tale twice"

(D.N. Medrish), with hermeneutic adequacy is presented in N.A. Rimsky-Korsakov's musical perceptions, interpretations and creative development. Sound-symbolic, rhythmo-metric, stylistic-syntactic, lado-harmonic and other semantic overlaps that occur between the two works and give an understanding of their common "measure of fairy tale" are clarified. Attention is also paid to the semantic transformations of Pushkin's art-historical concepts of time in the opera orchestral interlude “The Flight of the Bumblebee”. A comparative analysis of the two tales definitely reveals some common ground in the overall research perspective.

Keywords: A.S. Pushkin; N.A. Rimsky-Korsakov; V.I. Belsky; "The Tale of Tsar Saltan"; measure of fairy tale; "fairy tale twice"; artistic time

For citation: Zyuganova S. K. (2024), “*The Tale of Tsar Saltan* by A. S. Pushkin and N. A. Rimsky-Korsakov (some comparisons)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 120-130, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-1-0

Если рассматривать пушкинские сказки в их циклическом единстве, как предлагает В.С. Непомнящий (Непомнящий, 1987), то в самом его начале следовало бы представить «Сказку о царе Салтане…». Именно в этой сказке создается «на глазах у читателя весь этот богатый сказочный мир, со всеми его обитателями и чудесами, создается – заново, первозданно» (Медриш, 1995: 96). Это «богатство сказочного вымысла» (Сапожков, 1987: 7), которое ярко запечатлевается в этой сказке, задает высокую «меру сказочности» («Märchenhaftigkeit» по слову К. Аймермахера (Eimermacher, 1987: 98-99)). Сказка имеет уникальную смысловую насыщенность, или, как писал Д.Н. Медриш, «”Царь Салтан” – сказка вдвойне» (Медриш, 1995: 95). В своей сказке А.С. Пушкин соединяет в единое целое два фольклорных сюжета: «о невинно гонимой жене» и «о вещей деве, способствующей победе своего суженого» (Медриш, 1995: 96), хотя в народном творчестве эти две сюжетные линии никак не переплетаются. Пушкин их соединяет и получает нечто большее, «не просто сумму», – «каждый из героев стал счастлив и “по горизонтали” <…>, и “по вертикали”»; «радость умножается на радость» (Медриш, 1995: 96).

Настроение «сказки вдвойне» и умножаемой надвое радости вполне перенес в свою оперу Н.А. Римский-Корсаков. Двойственность, как «основной структурообразующий принцип» (Медриш, 1995: 96), предстает не только в либретто оперы В.И. Бельского, но и в музыке. В сценах оперы очень часто происходит переход в параллельные тональности, слышны переклички музыкальных инструментов и голосов. Основной же мотив, который протянулся красной нитью через всё произведение, складывается на основе мажорного наклонения (G dur, D dur, As dur и т. д.)[1].

[1] Музыка Николая Андреевича легла в основу многих последующих композиторских репрезентаций пушкинской сказки. Так, например, замечательный мультипликационный фильм «Сказка о царе Салтане» 1984 г., музыку к которому написал М.А. Меерович (советский и российский композитор, автор музыки ко многим советским мультфильмам и кинокартинам для юношества), содержит большое количество фрагментов из оперы Н.А. Римского-Корсакова (Сказка о царе Салтане / И.П. Иванов-Вано, Л.И. Мильчин. Москва: Союзмультфильм, 1984. URL:https://www.youtube.com/watch?v=E3sfXHRoyEI (дата обращения 27.02.2024)). В художественном фильме-сказке «Сказка о царе Салтане» 1966 г. слышны отголоски оперной музыки Римского-Корсакова, которые особенно уточнены и изменены Г.Н. Поповым (представителем советского музыкального авангарда) (Сказка о царе Салтане / А.Л. Птушко. Москва: Мосфильм, 1966. URL: https://www.youtube.com/watch?v=f0Sfwa9VqT8 (дата обращения 27.02.2024))

Примечательно, что сказка А.С. Пушкина написана бодрым четырехстопным хореем, в котором есть неполная стопа (отсутствует последний безударный слог); рифма же имеет параллельную структуру, что создает некоторое хороводное ощущение.

«…Только вымолвить успел*а*,
Дверь тихонько заскрипел*а*,
И в светлицу входит ц*а*рь
[неполная строка],
Стороны той госуд*а*рь [неполная строка].
Во всё время разговор*а*
Он стоял позадь забор*а*;
Речь последней по всем*у*
[неполная строка]
Полюбилася ем*у* [неполная строка] ….»
(Пушкин, 1905: 4)

Что касается либретто В.И. Бельского, этой строфы в нем нет; однако оно также имеет стихотворную форму с параллельной рифмовкой, сохраняется хорей, встречается и ямбический стих для более четкой передачи характеров и настроений; происходят характерные лексические замены. Таково, например, появление Царя в светлице:

«… *(сам с собой)*
Речи младшей по всем*у* [неполная строка]
Любы сердцу моем*у* [неполная строка].
(к Младшей сестре)
Здравствуй, красная девиц*а*!
Коли так, то будь цариц*а*
И для батюшки-цар*я* [неполная строка]
Ты роди богатыр*я* [неполная строка]…»
(Бельский, 1900: 5)

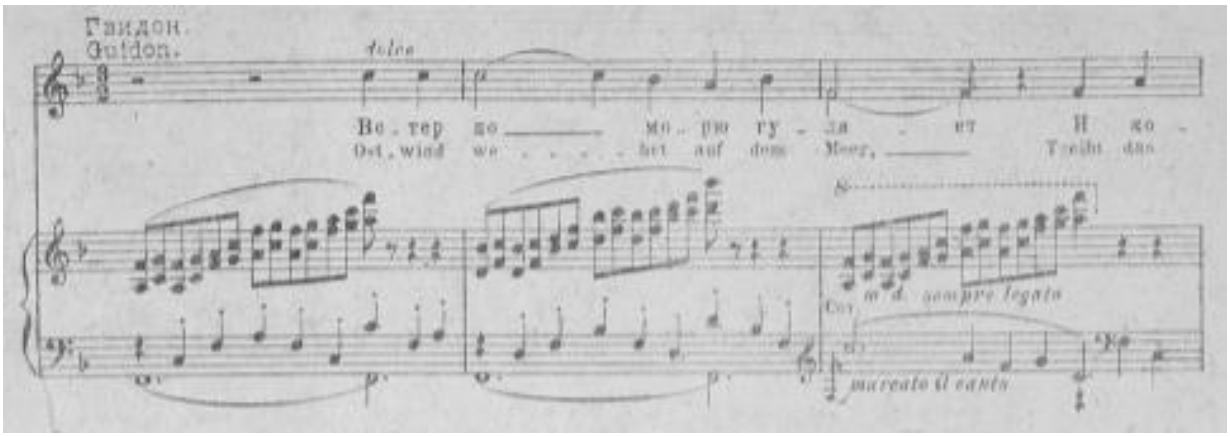
У А.С. Пушкина мы находим:

«…Речь последней по всем*у*
Полюбилася ем*у*.
“Здравствуй, красная девиц*а*”,
Говорит он “будь цариц*а*,
И роди богатыр*я*
Мне к исходу сентябр*я*…»
(Пушкин, 1905: 4)

Видна лексическая замена у В.И. Бельского: «речь последней» он изменил на «речи младшей». Благодаря этому происходит уточнение образа сестры: нейтральная ударная гласная в «последней» преобразуются в широкую, «теплую» гласную «младшей»; смягчает, делает более пластичным этот образ и множественное число «речей».

Либретто очень красочно передает характеры персонажей, однако же большую смысловую нагрузку несет музыка Н.А. Римского-Корсакова. Конечно, каждый образ не предстает перед зрителем со своим определенным лейтмотивом, зато гармоническая структура выразительно передает события и настроения действующих лиц в определенный момент. Так, например, образ Царя Гвидона чаще всего предстает в тональности фа мажор (F dur) (рис. 1 и 2).

Рассмотрим подробнее музыкальное представление пушкинской сказки Н.А. Римским-Корсаковым. Ритм меняется композитором в зависимости от хода событий и их устройства. Так, например, в увертюре оперы размер двудольный, что соответствует хорею в пушкинском стихосложении.


Гвидон.
Guidon.
Ве - тер по мо - рю гу - ля - ет И ко -
Ost - wind we - - -

настроение сокровенного диалога и тоски больной любовью души (Schubart, 1806: 377). И, наконец, партия младшей сестры написана в четырехдольном размере; здесь уже отсутствуют восьмые ноты, которые можно было видеть в партиях старших сестер, с их земной суетой; теперь мы видим dolce expressivo e cantabile – мягко, насыщенно и певуче, именно так, как должна выглядеть партия будущей царицы. Партия написана в тональности ля-бемоль мажор (As dur), которая передает настроение смерти и осуждения (Schubart, 1806: 378).

Образ Царицы в I действии в сцене «Что-то сердце мне щемит…» (Римский-Корсаков, 1932: 54) уже написан в тональности соль мажор (G dur), с характерной ритмической интонацией верности, или верной любви (Schubart, 1806: 380); здесь уже нет дополнительных переходов в параллельную тональность, что показывает постоянство, достоверность этой любви. Как и в предыдущем рассматриваемом фрагменте, здесь образу Милитрисы соответствует сдержанный метр, который удостоверяет ее царское положение. А вот либретто передает несомненно меланхолическое настроение: в этом фрагменте интонация идет вниз, строки заканчиваются на узкую гласную и не закрыты (заметим, что у А.С. Пушкина этих строк нет):

«…Что-то сердце мне щемит;
Видно, мне беда грозит…»
(Бельский, 1900: 13)

Такое же настроение встречается и во II действии в арии Милитрисы «Уж как царь жену любил» (Римский-Корсаков, 1932: 127-129): все те же нисходящие узкие гласные и все тот же соль мажор (G dur) (Schubart, 1806: 380). Однако здесь есть некоторая перекличка двух тональностей и двух поэтических настроений. Из соль мажора (G dur) партия переходит в си мажор (H dur), а узкие гласные сменяются на широкие, что усиливает смысловую интонацию сердечности (это показывает и тональность) (Schubart, 1806: 378), но с некоторым теплым, щемящим сердце тоном:

«…Уж как царь жену любил,
на руках её носил;
целых долгих три недели
миловались мы сидели.
(переход из тональности соль мажор в си мажор)
Вдруг нагрянула война,
и осталась я одна.
Солнце скрылось ясное,
стало время ненастное,
где ты, свет?
(переход в предшествующую тональность соль мажор)…»
((Бельский, 1900: 26); у А.С. Пушкина этой строфы нет)

Из поэтико-музыкального анализа образа Царицы Милитрисы мы видим его царственные смыслы, которые задаются метром партий, – ее пронзительную, трепетную любовь и к царю, и к своему сыну.

Образ Царя Салтана в первый раз предстает в прологе, сцене «Речи младшей по всему…» (Римский-Корсаков, 1932: 20-23). Царь сразу же появляется в moderato alla marcia – умеренно маршеобразно, и такой темп задает настрой, с каким должно обращаться к царской особе. Тональность до мажор (C dur) показывает чистоту намерений Салтана (Schubart, 1806: 377), а переход в тональность ля мажор (A dur) (Schubart, 1806: 379) – тональность осуждения – проясняет на музыкальном уровне текст либретто, где заметны в большом количестве узкие гласные (в части обращения к младшей сестрице), а после (при обращении к старшим сестрам) видно преобладание нейтральных гласных. Заканчивается все опять узкими гласными, что показывает отношение Царя к старшим сестрам. В этом фрагменте В.И. Бельский немного изменил текст А.С. Пушкина:

«…Здравствуй, красная девица!
Коли так, то будь царица
И для батюшки-царя
Ты роди богатыря…
Тут уж нечего годить:
Мне не пиво ведь варить,
Не приданое готовить!
Мне ли будешь прекословить?
Снаряжайся во дворец
И сейчас же под венец!
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой.
Будь одна из вас ткачиха,
А другая – повариха!..»
(Бельский, 1900: 5-6)

«…«Здравствуй, красная девица, –
Говорит он, – будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха»….»
(Пушкин, 1905: 4)

Заметно, что В.И. Бельский снимает иронию А.С. Пушкина: исчезает невероятный срок, к которому следует родить богатыря, но при этом нарастает царская повелительная интонация в обращении («мне ли будешь прекословить» и т. д.). С развитием событий образ Царя претерпевает изменения. В III действии во второй картине в сцене «Эй, вы гости, господа!» (Римский-Корсаков, 1932: 177). Царь представлен в тональности фа мажор (F dur) в умеренном темпе; после перекличек голосов, которые создавали атмосферу шумного пира, партия Салтана звучит величественно. Выбранная тональность лучше всего передает эту атмосферу, потому что фа мажор (F dur) имеет эмоционально-смысловое настроение почтительности и покоя (Schubart, 1806: 377). И здесь В.И. Бельский меняет ход событий сказки: у А.С. Пушкина корабельщики трижды наносят визит Царю, а в либретто этот значимый сказочно-циклический повтор преобразуется в сюжетную линию. Сразу же после встречи с корабельщиками Царь Салтан отправляется навестить Гвидона. И уже в IV действии в сцене «Расскажи, как поживаешь?» (Римский-Корсаков, 1932: 243-248) мы видим диалог между сыном и отцом. Диалог начинается в тональности соль мажор (G dur), который выражает теплые чувства во время знакомства Царей (Schubart, 1806: 380). А вот ария Салтана, которая следует сразу же после момента знакомства, уже идет в ля-бемоль мажоре (As dur) – лирическом и печальном (Schubart, 1806: 378). Либретто показывает нам, с каким трепетом он вспоминает свою жену, которая «ворковала», «опускала», «бела», «мила» и т. д.:

«…Наградил нас Бог женой,
Не сыскать другой такой.
Речи тихо ворковала!
Очи долу опускала,
И румяна, и бела,
И обычаем мила…»
((Бельский, 1900: 48); у А.С. Пушкина этой строфы нет).

Большое количество широких гласных показывает, как Царь любил свою Царицу, а музыкальная часть – как Салтан корил себя в душе за то, что случилось с ней. После этой части идет небольшое отступление с изменением тональности, но вскоре все опять возвращается в ля-бемоль мажор (As dur), и текст с узкими и нейтральными гласными воплощает грусть и тоску произошедших событий (Schubart, 1806: 378). А слова «каюсь», «маюсь» указывают на некоторое неведомое будущее.

«…Каждый день я в этом каюсь,
Долгу ночь с тоскою маюсь,
Но былого не вернёшь,
Хоть слезами изойдёшь!..»
(Бельский, 1900: 48)

Этой части нет в сказке А.С. Пушкина. Опера же Н.А. Римского-Корсакова нам помогает прочувствовать всю боль, которую испытывает Царь Салтан. И конечно, этому содействует либретто В.И. Бельского.

Еще одной яркой сценой, описывающей характеры Царя Салтана и Царицы Милитрисы, является их встреча. У А.С. Пушкина описание этой встречи очень короткое, но с некоторой эмоционально-смысловой пульсацией, благодаря параллельной рифмовке и словам, которые «запускают» это сердце («ретивое», «занялся», «залился»):

«…Царь глядит – и узнает…
В нем взыграло ретивое!
“Что я вижу? что такое?
Как!” – и дух в нем занялся…
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу…»
(Пушкин, 1905: 20)

А в оперной партии этой сцены чувство вновь взыгравшего сердца передают восьмые ноты, которые при умеренном темпе, andante, очень тонко передают это ощущение. Часть написана в тональности ми мажор (E dur) (Schubart, 1806: 379), то есть в настроении радостного наслаждения или полного восторга, – именно такое чувство вызывает сцена этого дуэта. Здесь нет никаких переходов в параллельные тональности, поэтому можно с уверенностью говорить об истинности передаваемых чувств.

Образ же Царя Гвидона впервые встречается во II действии сцене «Ах, как славно! Мы на воле!» (Римский-Корсаков, 1932: 109-114). Начинается ария в спокойном фа мажоре (F dur) (Schubart, 1806: 377), что соответствует настроению Гвидона. Однако уже в этой части есть переход в параллельную тональность ре минор (d moll) – так дает о себе знать женственная меланхоличность (Schubart, 1806: 377), и именно с таким настроением выступает перед нами Царица. Но это не вся тональная «двойственность» этой сказочной арии. Позже партия Гвидона переходит в ре мажор (E dur), с триумфальным настроением (Schubart, 1806: 379), а вот партия Милитрисы переходит в си минор (h moll) – в настроение спокойного ожидания своей судьбы (Schubart, 1806: 378). Темп же в данной части ускоряется, переходит в режим allegro, что передает готовность будущего царя ко всему. Благодаря этому темпу можно прочувствовать юношеское бесстрашие перед переменами, свойственное Гвидону, что отражает и текст либретто. В партии Царицы мы видим широкие («чужая», «слезами») и нейтральные («встреть», «умереть») гласные, и эти звуки будто бы кричат о переживаниях, которые захлестнули Милитрису:

«…Ох, сторонушка чужая,
Вся слезами политая!
Странных ты прими и встреть,
Ох, не дай нам умереть…»
(Бельский, 1900: 23; у А.С. Пушкина этой строфы нет)

В партии Гвидона преобладают нейтральные звуки («воле», «поле», «целый», «кругом», «зеленый», «холмом»), которые передают его спокойную уверенность и готовность к действию:

«…То-то будет жизнь на воле,
Целый день в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зелёный над холмом.
Знаешь, мама! Бог-то Бог,
Только будь и сам не плох…»
((Бельский, 1900: 24); у А.С. Пушкина этой строфы нет)

В арии «Ветер по морю гуляет» (Римский-Корсаков, 1932: 151-154) (III действие 1 картина) Царь Гвидон изначально представлен в тональности фа мажор (F dur), передающей почтительность и спокойствие (Schubart, 1806: 377) в темпе dolce (мягко). Либретто также передает это настроение: преобладают нейтральные и широкие гласные. После отплытия купцов тональность меняется на ля-бемоль мажор (As dur)с некоторым назидательным эмоционально-смысловым строем (Schubart, 1806: 378). В аккомпанементе появляются триольные аккорды, преумножающие это настроение. В тексте начинают преобладать узкие гласные («просит» и «уносит») – Гвидон здесь жаждет встречи. Эту часть интересно рассматривать, сравнивая текст В.И. Бельского и А.С. Пушкина, поскольку пушкинский Гвидон далеко не так оптимистичен и страстен, порывист, как Гвидон либреттиста:

«…Если б знал он, как Гвидон
Целый день, душой печальный,
Ищет взором берег дальний,
Но желанная страна
Неприметна, невидна...
Нету мочи, сердце просит,
Так и тянет и уносит,
Так и манит лоно вод…»
(Бельский, 1900: 31)

«…Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальний…»
(Пушкин, 1905: 9)

Образ Гвидона в 1 картине IV действия (Римский-Корсаков, 1932: 202-207) начинается в тональности соль мажор (G dur), выражающий нежные и теплые чувства (Schubart, 1806: 380). Текст В.И. Бельского меланхолически-нейтрален, в нем преобладают нейтральные ударные гласные («ночь», «новой», «хорош», «любовью», «разгорелся»), хотя есть вкрапления и узких, и широких, которые еще больше подчеркивают опечаленное состояние Гвидона. В сказке А.С. Пушкина нейтральные испытывают на себе влияние узких гласных, которые придают переживанию особенную глубину:

«…Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит…»
(Пушкин, 1905: 15)

После появления Царицы Лебедь тональность меняется на си-бемоль мажор (B dur), появляется настроение надежды на счастье (Schubart, 1806: 377), а после, при описании желанной невесты, тональность переходит в ля мажор (A dur) – провозглашается чистая любовь (Schubart, 1806: 379). После следует ля минором (a moll) – настроение благочестия и нежности (Schubart, 1806: 378). Эта быстрая смена тональностей, а также размеров, передает сердечные переживания, которые вызывает будущая жена у Гвидона. И благодаря этому Царь предстает не спокойным и мудрым правителем, а пылким юношей. Характеризуется текст, преобладанием широких гласных, что говорит о сердечной радости при описании невесты. А такие слова как «затмевает», «освещает», «звезда», «величава», «пава» создают чудесный образ:

«…Днём свет Божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит,
А сама-то величава,
Выступает, словно пава,
Сладку речь-то говорит
Словно реченька журчит…»
(Пушкин, 1905: 18)

Царевна Лебедь впервые появляется в 1 картине II действия (Римский-Корсаков, 1932: 121-123) после того, как её освободил

Гвидон. В ариозо Царевны Лебедь нет перехода в параллельную тональность, вся партия написана в соль мажоре (G dur) (Schubart, 1806: 380), которая передает нежное и теплое чувство благодарности. В этой партии слышна речь, которая «словно реченька журчит», что возможно благодаря тексту и длинным залегованным нотам, которые плавно переходят друг в друга.

«…Утро ночи мудреней, –
Будь покоен, не жалей,
Что стрела пропала в море:
Это горе всё не горе…»
(Бельский, 1900: 25)

Слова «мудреней», «покоен», «жалей» помогают прочувствовать тягучесть, усиленную музыкальной частью.

Эта своего рода музыкально-речевая альтернатива неспешности поэтического высказывания у А.С. Пушкина:

«…Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе – все не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом…
Век тебя я не забуду»
(Пушкин, 1905: 7)

Следующее появление Лебеди происходит в 1 картине III действия (Римский-Корсаков, 1932: 154-157). Эта сцена написана в тональности ля-бемоль мажор (As dur), которая передает настроение осуждения (Schubart, 1806: 378). Однако в тексте описаны другие чувства действующего лица. Слова с широкими гласными «прекрасный», «ненастный» и «опечалился» передают чуткость и взволнованность героини. После действие резко меняется на тональность ре мажор (D dur) с характером триумфа (Schubart, 1806: 379) и так же быстро переходит в си-бемоль мажор (B dur) (Schubart, 1806: 377), показывая радость осознания и надежду на лучший мир. Это настроение подтверждает текст либретто, в котором «послушай», «полететь», «хочешь» передают спокойствие и решимость Царевны Лебеди:

«…Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Оберну тебя шмелём…»
(Бельский, 1900: 32)

Следующее яркое появление Царевны Лебедь происходит в 1 картине IV действия (Римский-Корсаков, 1932: 204-211), именно здесь происходит превращение героини в прекрасную девушку. У А.С. Пушкина оно имеет медитативный характер; в шести строках описано это превращение:

«…И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит…»
(Пушкин, 1905: 18)

Слова, которые описывают Царевну («звезда», «величава», «пава», «реченька»), содержат в себе широкие гласные, передающие таинственно-радостное, восхищенное и в некоторой степени нежное настроение. Н.А. Римский-Корсаков представляет эту часть сказки с помощью трехдольного размера и тональности ля минор (a moll) с ее характером женственности и нежности (Schubart, 1806: 377). Здесь ведущая партия у скрипок, сопровождаемых грозовыми и торжественными вспышками тарелок, которые передают «яркий свет» преображения Царевны Лебедь.

С помощью тональностей можно легко передавать не только настроение и характер показываемой сцены и действующих лиц, но и время. В произведении А.С. Пушкина путешествие Царя Гвидона через море происходит три раза, что под-

черкивает сказочный характер и повторяемость сопровождающих событий. Чтобы сократить время и облегчить музыкальную композицию, В.И. Бельский изменил эту часть сказки. Либреттист сократил текст, убрав из него путешествие Гвидона в образах комара и мухи. Знаменитый «Полет шмеля» (Римский-Корсаков, 1932: 158-161) объединяет в себя и полет комара, и мухи, и шмеля (по сказке А.С. Пушкина). Если поэт акцентирует внимание на стремительном полете насекомых, который виден благодаря параллельной рифмовке

«…Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал…»
(Пушкин, 1905: 15),

то Н.А. Римский-Корсаков сосредоточен на звуковой стороне действия – на жужжании, что проявляется в стремительном движении шестнадцатых длительностей по полутонам. Здесь композитор использует тональность ля минор (a moll) (Schubart, 1806: 377), которая комично передает настроение некоторой нежности. И это не случайно: ля минор – это довольно простая тональность; ускоренное движение технически намного проще выполнить именно в ней; эстетически же ля минор (a moll) имеет семантически более глубокое звучание, чем ее параллельная тональность – до мажор (C dur), которая передает простоту и наивность (Schubart, 1806: 377).

***

«Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина и Н.А. Римского-Корсакова дополняют друг друга. Поэтическая форма имеет большую речевую пластику, точнее в передаче подтекстов образов и событий; музыкально-речевая форма ярче передает настроение, их смену, их взаимосвязь. Образы действующих лиц в музыкальной версии сказки не имеют определенных лейтмотивов для каждого; впрочем, можно сказать, что при создании образовнекоторых героев используются преобладающие тональности, благодаря которым становятся возможными звуковые образы сказочного целого.

Литература

Бельский В.И. Сказка о Царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди: Опера в четырех действиях с прологом. Либретто В.И. Бельского (по Пушкину); музыка Н.А. Римского-Корсакова; собственность издателей для всех стран. СПб.: Василий Бессель и К., 1900. 54 с. URL: https://pushkinland.ru/2018/lib/books/book59.pdf (дата обращения: 02.02.2024)

Медриш Д.Н. От двойной сказки – к антисказке: (Сказки Пушкина как цикл) // Московский пушкинист: Ежегод. сб. 1995. I. С. 93-121.

Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1987. 448 с.

Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане. М.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1905. 20 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008932997 (датаобращения: 02.02.2024).

Римский-Корсаков Н.А. Сказка о царе Салтане. Опера в 4 д. с прологом. М.: Музгиз, 1932. 280 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_83042 (дата обращения: 27.02.2024).

Сапожков С.В. Жанровое своеобразие сказок А.С. Пушкина 1830-х годов (проблема цикла): Дис. … канд. филолог. наук. Москва, 1987. 227 с.

Eimermacher K. Aspekte des literartschen Märchens in Russland // The germanic review. 1987. № 2 (U. LXII). S. 98-99.

Schubart L. Christ. Fried. Dan. Schubart's Ideen zu einer ästhetik der Tonkunst. Wien: J. V. Degen Buchdrucker und Buchhandler, 1806. 411 s. URL: https://archive.org/details/bub_gb_9DJDAAAAcAAJ/page/n9/mode/2up (дата обращения: 02.02.2024).

References

Belsky, V. I. (1900), *Skazka o Tsare Saltane, o syne ego slavnom i moguchem bogatyre knyaze Gvidone Saltanoviche i o prekrasnoy Tsarevne Lebedi". Opera v chetyrekh deystviyah s prologom. Libretto V.I. Bel'skogo (po Pushkinu); muyzka N.A. Rimskogo-Korsakova; sobstvennost' izdatelej dlya vsekh stran* [The tale of Tsar Saltan, about his son, the glorious and mighty hero Prince

Guidon Saltanovich, and about the beautiful Princess Swan: An opera in four acts with a prologue. Libretto by Belsky, V. I. (after Pushkin); music by Rimsky-Korsakov, N. A.; property of publishers for all countries], Vasily Bessel and K., St.-Petersburg, Russia, [Online], available at:https://pushkinland.ru/2018/lib/books/book59.pdf (Accessed 2 February 2024). (in Russ.).

Eimermacher, K. (1987), "Aspects of the literary fairy tale in Russia", *The Germanic Review*, 2 (U. LXII), 98-99.

Medrish, D. N. (1995), "From a double fairy tale to an anti–fairy tale: (Pushkin's Fairy Tales as a cycle)", *Moskovskiy pushkinist*, 93-121 (in Russ.).

Nepomnyashchy, V. S. (1987), *Pojeziya i sudba* [Poetry and fate], Sovetskiy pisatel, Moscow, Russia (in Russ.).

Pushkin, A. S. (1905), *Skazka o tsare Saltane* [The tale of Tsar Saltan], State Paper procurement expedition, Moscow, Russia, [Online], available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008932997 (Accessed 2 February 2024) (in Russ.).

Rimsky-Korsakov, N. A. (1932), *Skazka o care Saltane. Opera v 4 d. s prologm* [The tale of Tsar Saltan. Opera in 4 d. with a prologue], Muzgiz, Moscow, Russia, [Online], available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_83042 (Accessed 2 February 2024) (in Russ.).

Sapozhkov, S. V. (1987), "The genre originality of A.S. Pushkin's fairy tales of the 1830s (the problem of the cycle)", Ph.D. Thesis, Russian literature, Moscow, USSR (in Russ.).

Schubart, L. (1806), *Christ. Fried. Dan. Schubart's Ideen zu einer ästhetik der Tonkunst* [Christian. Fried. Dan. Schubart's ideas for an aesthetic of musical art], J. V. Degen Book printer and bookseller, Vienna, Austria, [Online], available at: https://archive.org/details/bub_gb_9DJDAAAAcAAJ/page/n9/mode/2up (Accessed 2 February 2024).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Зюганова Софья Константиновна, студент образовательного направления «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры»), кафедра философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет: ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *sophyzuganova@gmail.com*

ABOUT THE AUTHOR:

Sofya K. Zyuganova, Student of the educational field "Philosophy" (profile "History of Russian Philosophy and Culture"), Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *sophyzuganova@gmail.com*

УДК 78.01 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-1**

Фэн Инхун[1], Нифонтова О. И.[2]

Трансформация традиционной Китайской музыки под влиянием западной в эпоху династии Цин

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *yinghongfeng@yandex.ru*
[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *nifontova_o@bsu.edu.ru*

Аннотация. Актуальность данной статьи обоснована осмыслением теории модернизации современной Китайской музыки, которая изначально ориентирована на сохранение традиционных культурных ценностей. Рассуждая о возникновении «Новой музыки» Китая, теоретики обращаются к процессу трансформации традиционной китайской ритуальной музыки под влиянием западной музыки эпохи романтизма в эпоху правления династии Цин. Хотя позиции современных ученых по данному вопросу в некоторых моментах могут отличаться, они сходятся в одном – музыкальная трансформация в Китайской музыке стала возможной вследствие Опиумной войны, которая открыла границы Китая для культурных влияний Запада. Как можно определить смысл этой трансформации? Обращение к компаративному анализу позволило сопоставить музыкальные жанры Китая до и после Опиумной войны. Такое сопоставление привело к выводу о том, что под влиянием западной музыки традиционные китайские музыкальные формы стали выражать реальные, а не этикетные чувства, эмоции и переживания людей. При этом наибольшее развитие получили народная музыка, речитатив, опера и инструментальная музыка.

Ключевые слова: поздняя династия Цин; музыкальная традиция; западная музыка; смешение стилей; музыкальная эстетика

Для цитирования: Фэн Инхун, Нифонтова О. И. Трансформация традиционной Китайской музыки под влиянием западной в эпоху династии Цин // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 131-138. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-1

Feng Yinghong[1], O. I. Nifontova[2]

Transformation of traditional Chinese music under the influence of Western music in the Qing Dynasty

[1] Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *yinghongfeng@yandex.ru*
[2] Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *nifontova_o@bsu.edu.ru*

Abstract. The relevance of this article is justified by understanding the theory of modernization of modern Chinese music, which is initially focused on the preservation of traditional cultural values. Discussing the emergence of the "New Music" of China, theorists turn to the process of transformation of traditional Chinese ritual music under

the influence of Western music of the Romantic era during the reign of the Qing Dynasty. Although the positions of modern scientists on this issue may differ in some points, they agree on one thing – the musical transformation in Chinese music became possible as a result of the Opium War, which opened China's borders to Western cultural influences. How can we determine the meaning of this transformation? The use of comparative analysis made it possible to compare the musical genres of China before and after the Opium War. This comparison led to the conclusion that under the influence of Western music, traditional Chinese musical forms began to express real, rather than etiquette feelings, emotions and experiences of people. At the same time, folk music, recitative, opera and instrumental music have received the greatest development.

Keywords: late Qing dynasty; musical tradition; Western music; mixture of styles; musical aesthetics

For citation: Feng Yinghong, Nifontova O. I. (2024), "Transformation of traditional Chinese music under the influence of Western music in the Qing Dynasty", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 131-138, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-1

Введение

Говоря о современной Китайской музыке, теоретики рассуждают о ее некоторой модернизации, начавшейся в период правления поздней династии Цин. До этого периода музыка в Китае была направлена на сохранение древних культурных традиций, поэтому мало была подвержена изменениям. Исследование процесса эволюции традиционной Китайской музыки к современному ее состоянию представляется актуальным в контексте современного стремления ряда государств к сохранению традиционных культурных ценностей.

В современной науке предпринимались попытки исследования Китайской музыки с самых разных сторон. Например, Шень Лянь Кан пыталась анализировать Китайскую музыку со стороны камерно-вокального направления (Шень Л.К., 2021), Гудимова С.А. в рамках проблемы изучения древней Китайской эстетики косвенно затрагивала канонизированные жанры Китайской песенной культуры (Гудимова, 2017), Фан Бе изучал стилевые аспекты национальной инструментальной традиции в фортепианной музыке современных китайских композиторов (Фан Бе, 2015), Сун Х. исследовал эволюцию и развитие песенного стиля в национальной вокальной музыке (Sun X., 2023), исторические аспекты развития Китайской вокальной музыки анализировал Гун И. (Гун И., 2023), Сун Че изучал влияние религии на вокальную музыку Китая (Sun Ch., 2023). Чен Джи в 2015 году уже дает обзор сравнительных исследований характерных черт китайской и западной музыки (Chen Jie, 2015). Но среди многочисленных исследований, касающихся проблем Китайской музыки, отсутствуют работы, которые отвечали бы на вопрос о главном содержании трансформации Китайской традиционной музыки в современную «Новую музыку» Китая под влиянием западной музыки. Данная статья призвана восполнить недостаток таких исследований.

Современная история Китая берет начало с периода правления Поздней династии Цин в Китае (с 1840 по 1912 гг.). Первая опиумная война (1840 г.) положила начало поздней династии Цин, правящая власть династии пошла на убыль, и Китай из суверенной страны стал превращаться в полуколониальное и полуфеодальное общество, теряя свой независимый статус и

приводя в упадок отечественное натуральное хозяйство. Вторая опиумная война (1856–1860 гг.) еще больше усугубила кризис правления Цин.

В конце династии Цин, с дальнейшим углублением западного капиталистического вторжения, сельское натуральное хозяйство, на которое опирались феодальные правители, начало распадаться. В то же время, с открытием фабрик в Китае иностранными державами и развитием движения вестернизации, в Китае возник национальный капитализм. Столкнувшись с внутренним и внешним давлением, все классы при династии Цин также пытались оказывать сопротивление. Начавшиеся в то время восстания крестьян против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и культуру, впоследствии названные «Тайпинское восстание» и «Ихэтуаньское восстание», сильно ударили по династии Цин и влиянию западных держав. В то же время изменилась и культура поздней династии Цин, которая начала углубляться в изучение западных традиций (Wang Yunqiu (Ван Яньцю), 2009: 79).

Традиционная китайская музыка в конце династии Цин.

Китайская традиционная музыка насчитывает тысячи лет развития. Она пережила свой золотой период цветения при династии Цин. Речитатив и опера были чрезвычайно популярными во времена династии Цин. Происхождение этих жанров восходит к китайскому философу, основоположнику неортодоксального конфуцианства, Сюнь Цзы. Он подчеркивал значение этикетности и «нейтрализации» как критериев, подчеркивающих социальную и воспитательную функции музыки. Представители даосизма Лао-цзы и Чжуан-цзы тогда же выдвинули эстетический критерий пропагандистского характера. Музыка, сложившаяся на основе философии конфуцианства и даосизма, оказала большое влияние на китайскую традиционную музыкальную эстетику.

Сам Конфуций хотел использовать музыку, как инструмент для образования, на пользу государства. В плане эстетики он выдвинул принцип «乐而不淫，衰而不伤» (Счастье не подчиняется воле, а грусть не прискорбна), а также выдвинул идею «Джыэнлэ» (пропагандирующую изящную музыку и отвергающую народную музыку) (Wang Jia, 2003: 55-56).

В конце династии Цин особенное развитие получили такие музыкальные направления Китая, как народная музыка, речитатив, опера и инструментальная музыка.

Народная песня – это форма песен, исполняемая в стиле импровизации. Она всегда была основной формой выражения личных эмоций и переживаний для всех слоев населения. Народные песни достигли небывалого развития при династии Цин. Содержание их весьма колоритно: можно встретить песни о скорби, жестокости, осуждении эксплуататоров, об отношениях крестьян к крестьянским восстаниям, размышления о труде и жизни, похвалы за искреннюю любовь, о народном сопротивлении, о феодальных обрядах, традиционных браках и т. д. Эти народные песни действительно отражают глубину, широту и разнообразие человеческой жизни.

Речитатив является важной категорией национального искусства в Китае, которая не только включает в себя богатство народной музыки, но также имеет важное исследовательское значение для лингвистики, этнологии и культурологии. Истоки речитатива относят к периоду жизни мыслителя Воюющих царств Сюнь Цзы, но большая часть искусства речитатива развивалась и процветала во времена династий Мин и Цин.

Оперная музыка: в конце династии Цин многие местные оперы были поставлены на основе народной песенной и танцевальной музыки, а также речитатива. Китайская оперная музыка широко и быстро развивалась по всей стране, что свидетельствует о том, что она полностью достигла своей зрелости и эпохи процветания в период правления династии Цин.

Инструментальная музыка: династии Мин и Цин были золотым периодом развития китайской национальной инструментальной музыки. Развитие оперного искусства привело к совершенствованию искусства инструментальной музыки с точки зрения масштаба, качества и мастерства. В это время в народе широко были распространены разнообразные ансамбли инструментальной музыки (Wang Jia, 2003: 112-115).

Одновременное развитие этих нескольких музыкальных направлений свидетельствует о том, что в эпоху правления династии Цин сложились наиболее благоприятные обстоятельства для музыкальной культуры Китая.

Проникновение Западной музыки в традиционную китайскую

Западная музыкальная эстетика преодолела долгий и извилистый исторический путь, и каждый пройденный ею исторический этап органично сочетается с современной идеологией. Начиная с эпохи Просвещения XVIII в., западная музыкальная эстетика претерпела усиление просветительских идей, возрождение царства рациональности в XIX в. и авангардной музыки XX в. Непрерывные изменения и инновации в форме, содержании и стиле сыграли важную роль в развития западной музыкальной культуры.

Западная музыкальная эстетика в конце династии Цин испытала влияние промышленной революции, классовых и межэтнических конфликтов европейских стран первой половины XIX в. Люди, столкнувшиеся с огромным количеством проблем, не могли понять истинную причину сложившейся ситуации. Пессимистический взгляд на бытие был отражен в идеалистической немецкой классической философии, которая связана с романтизмом в искусстве. Поздние произведения Л. ван Бетховена уже демонстрировали заметную тенденцию возрастания у людей субъективных и духовных желаний, а Берлиоз, Шуман, Лист и другие объективировали эту тенденцию с акцентом на содержание музыки сильнее, чем когда-либо прежде (Fubini, 2005: 23).

Музыканты-романтики XIX в. рассматривали музыку как продукт внутренней деятельности, а не как описание внешних предметов. Они были глубоко погружены во внутренний мир. Различие между романтической музыкой и классическим музыкальным стилем заключается отнюдь не только в системе ладов, функциональной гармонии, формировании ансамбля и т. д., а также в изменении формы и вкуса. Можно сказать, что эмоциональная музыкальная эстетика эпохи романтизма XIX века была самой богатой и зрелой за всю историю.

Из-за утраты политического суверенитета и распада натурального хозяйства при феодальном строе культура поздней династии Цин претерпела огромные изменения, в том числе и культура музыкальная. В жизни китайцев в различных формах появлялась Западная музыка и сопровождала их в те непростые времена.

Разрушение монолитной культуры и движение к мультикультурной модели является основной характерной чертой поздней династии Цин. Музыка поздней династии Цин также перешла от единой традиционной музыки к диверсифицированному музыкально-культурному пути, который включает в себя различные элементы.

Изучение влияния западной культуры в конце династии Цин прошло три следующих этапа:

(1) В 1940-х и 1950-х годах изучению западных истоков в Китайской культуре были посвящены следующие работы: «Изучение долгих навыков варваров» («师夷长技») Линь Цзэсюя, Вэй Юаня; «Западный сбор урожая» («采西学») и «Изготовление западных орудий» («制洋器») Фэн Гуйфэня (Wang Yunqiu, 2009: 44)

(2) Во время Движения вестернизации в 1860-х годах практика изучения западной цивилизации коснулась закрытого и жесткого режима традиционной китайской культуры;

(3) Буржуазное движение за новую культуру, основанное на реформистском мышлении, возникшем в 1990-х годах, прямо критиковало авторитарную и жесткую феодальную правящую идеологию и потрясло господствующие основы ортодоксальной конфуцианской культуры в качестве ядра (Yu Runyang, 1996: 79).

Для современного Китая изучение западной культуры представляет собой постепенно углубляющийся процесс, развивающийся от физического к духовному, от поверхностного к сущностному уровню.

Исследованиями выявлены три основных пути проникновения ранней западной музыки в Китай.

Во-первых, это христианская религиозная музыка, которая выразилась в Китае в распространении религиозного пения, составлении и издании гимнов. После Опиумной войны двери Китая были вынуждены открыться, и это привело к тому, что иностранные музыканты начали выступать и читать лекции в материковом Китае о преподавательской и практической деятельности в церковных школах. После крестьянской революции возникло движение с религиозным оттенком, названное Движение Тайпинского Небесного Царства, а в 1843 году было основано «Общество богопоклонения». В рамках этих религиозных сообществ был сформулирован набор музыки для религиозных церемоний (Li Li, 2008: 209-211).

Во-вторых, западная музыка проникала в Китай путем создания музыкальных групп нового стиля. Иностранцы, долгое время жившие в Китае, основали духовые оркестры, такие как «Шанхайский общественный оркестр» (1881 г.) и «Оркестр Хёрта», основанный сэром Робертом Хёртом (1835-1911 гг.). После китайско-японской войны (1931–1945 гг.) Юань Шикаем был основан первый военный оркестр "Binglue Records". Это самая ранняя и самая влиятельная китайская самоорганизованная группа нового стиля.

В-третьих, академическая музыка новой школы активно выбирала западную музыку в конце династии Цин в Китае. Наблюдалось распространение музыки для репатриантов, а после основания Китайской Республики в 1912 г. власти ввели «музыкальный класс» с включением западной музыки в качестве обязательного курса в начальных и средних школах (Zhang Dan, 2004: 332).

В целом можно сказать, что западная музыка проникала в Китай разными путями, и с помощью религии, и с помощью новых светских тенденций.

«Новая музыка» Китая как итог трансформации китайской музыки под влиянием западной

Практическая ценность музыки заключается в том, что она может удовлетворять разнообразные духовные запросы людей. В разные исторические эпохи требования к музыке различны, поэтому формируется и разнообразная музыкальная эстетика. По мнению Син Вейкая, эстетика Западной музыки в основном проявляется в рационализме и чувственности (Xing Weikai, 2004 : 64).

Китай в конце династии Цин находился в неспокойном периоде, когда общество было разделено иностранными державами. Подавляющее большинство людей чувствовали себя крайне разочарованными и беспомощными по отношению к жизни в реальном мире, но они не могли понять истинную причину такой ситуации.

С началом проповеди миссионеров и популяризацией религиозной музыки китайский народ перестал ограничиваться своими родными даосскими верованиями. Влияние христианской западной религиозной музыки продолжает расширяться (Zhang Geng, 1983: 55). Изучение музыки в школе оказывает интеллектуальную помощь людям в полном понимании западной музыки от практики до теории, устанавливает социальную основу массового коллективного пения, широко распространяет дух знания и навыки западной музыкальной

культуры, закладывает прочный фундамент для развития музыкального образования в Китае.

Когда музыка вышла на историческую сцену в период подъема национального духа, сочетание китайского национального духа и традиционного музыкального стиля еще больше пробудило патриотические чувства людей в это время. Появилось большое количество музыкальных произведений патриотической проблематики, направленных против антияпонской войны и за национальное спасение в общественной жизни. По мнению Ван Юхэ, в XX веке этот настрой оказал духовную поддержку воинам-фронтовикам, укрепил национальную сплоченность китайской нации, сделал китайский народ единым фронтом и заложил фундамент единения национального духа и патриотизма, как ядра за победу в антияпонской войне XX века (Wang Yuhe, 2009: 155-157). В этой битве народ боролся не только за то, чтобы защитить свою страну, но и за то, чтобы жить свободно.

Эстетическая история китайской музыки также вступила в важный поворотный момент в это время. Столкновение западной музыкальной эстетики и китайской традиции привело к созданию китайской «новой музыки». Это важная веха в эстетике музыки. Последовательные реформы и революционные движения освободили народ от оков традиционного конфуцианского «ритуала» старого общества, и рационально осознали важность патриотизма и борьбы за национальное спасение.

Заключение

Эпоха правления династии Цин в Китае представляет собой период китайской истории, который характеризуется изменением традиционной китайской музыкальной культуры и ее трансформацией под влиянием западной музыки. События Опиумной войны способствовали открытию китайских границ, что повлекло за собой проникновение в Китай западной культуры. Наиболее сильно это влияние отразилось в китайской музыке, которая от своих традиционных постоянных, установленных ритуалами канонов, перешла к развитию новых неритуальных форм. Новое наполнение и развитие приобрели народная музыка, речитатив, опера и инструментальная музыка. Эти жанры испытали сильное влияние западной романтической музыки, вследствие чего стали передавать реальные чувства, эмоции и переживания конкретных людей в противоположность традиционным китайским ритуальным формам, пропагандирующим не реальные чувства, а эталонные, которые должны быть у человека, согласно ритуалу.

Проникновение западной музыки в китайскую традиционную происходило, в основном, через влияние христианской музыкальной религиозной культуры, а также через академическую музыку, которая впитывала в себя западные тенденции. Таким образом в Китае возникла современная «Новая музыка» Китая, представляющая собой синтез традиционной китайской и западной музыки.

Литература

Гудимова, С.А. Основы древней Китайской эстетики // Вестник культурологии. 2017. № 2 (81). С. 57-73.

Гун, И. Исторические аспекты развития Китайской вокальной музыки // Уральский научный вестник. 2023. Т. 9. № 2. С. 248-258.

Фан Бе. Стилевые аспекты адаптации национальной инструментальной традиции в фортепианной музыке современных китайских композиторов // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2015. № 1. С. 118-123.

Шэнь Лянь Кан. Из истории традиционной Китайской музыки камерно-вокального направления // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12-5 (114). С. 114-118.

Chen, Jie. Comparative study between Chinese and western music aesthetics and culture // International Conference on Social Science and Technology Education (ICSSTE 2015). Pp. 117-119. DOI:10.2991/icsste-15.2015.35

Fubini, E. History of music aesthetics. London: Macmillan, 1990. 600 p.

Sun, Ch. A brief analysis of the aesthetic influence of religious belief on the creation and performance of vocal music during the Chinese Renaissance // Voprosy Istorii. 2023. No. 6-2. Pp. 190-193.

Sun, X. Research on the evolution and development of the singing style of China national vocal music // Voprosy Istorii. 2023. No. 5-1. Pp. 212-221.

龚宏宇. 清末传教士与中西音乐交流 // 武汉音乐学院学报. 2020. No.1. C。 123-125。

Zofia, L. 关于音乐的特征。 上海：上海文艺出版社，1980年。254页。

丽丽。 启蒙运动对欧洲音乐的影响 //河北师范大学学报. 2008年

邢维凯. 情感艺术的美学史:西方音乐思想史上的情感美学. 上海：上海音乐出版社，2004. 100 c.

宋金. 音乐美学基金会。 上海：上海音乐出版社，2008. 293 c

吴钊. 音乐简史。 北京：人民音乐出版社，1993. 624 c

范乐乐。 汉斯利克音乐美学述评//上海文艺出版社。 2010 年。第 7 期。第 54-55 页。

张庚. 中国百科全书-戏曲卷. 北京：中国人民出版社，1983. 769 c.

张丹. 论19世纪浪漫主义时期的音乐美学思想//牡丹江师范大学学报. 2004年

赵元任。 音乐作品集。 上海：上海音乐出版社，1987. 187 c.

于润洋. 音乐美学选集. 北京：中央音乐学院出版社, 2005. 633 c.

于润洋. 现代西方音乐哲学导论. 湖南：译，湖南音乐出版社, 2000. 430 c.

袁瑾. 从表现主义与新古典主义看二十世纪上半叶西方音乐. // 企业家天地. 2006. C. 152-153.

王凯坤. 从历史维度研究西方音乐美学 // 南京国立大学. 2019.

王佳. 论孔子音乐美学中的礼与仁. 上海音乐出版社. 2003年

王云秋. 晚清文化改革与发展探析//社会科学。 2009年

王玉和. 中国现代音乐史. 北京：北京人民出版社，2009. 372 c.

References

Chen, Jie (2015), “Comparative study between Chinese and western music aesthetics and culture”, *International Conference on Social Science and Technology Education (ICSSTE 2015)*, 117-119, DOI:10.2991/icsste-15.2015.35

Fan, B. (2015), “Stylistic aspects of the adaptation of the national instrumental tradition in the piano music of modern Chinese composers”, *National Academy of Managerial Staff of Culture and Arts Herald*, 1, 118-123 (in Russ.).

Fan Lele (2010), “Review of Hanslick's Musical Aesthetics”, *Shanghai Literature and Art Publishing House*, 7, 54-55 (in Chinese).

Fubini, E. (1990), *History of music aesthetics*, Macmillan, London, UK.

Gong Hongyu (2020), “Missionaries and Chinese and Western Music Exchanges in the Late Qing Dynasty”, *Journal of Wuhan Conservatory of Music*, 1, 123-125 (in Chinese).

Gudimova, S. A. (2017), “Fundamentals of Ancient Chinese Aesthetics”, *Herald of Culturology*, 2, 57-73 (in Russ.).

Gun, I. (2023), “Historical aspects of the development of Chinese vocal music”, *Uralsky nauchny vestnik*, 9 (2), 248-258 (in Russ.).

Li Li (2008), “The influence of the Enlightenment on European music”, *Journal of Hebei Normal University*, 2, 22-29, China (in Chinese).

Shen Lian Kang (2021), “From the history of traditional Chinese vocal chamber music”, *Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal (International Research Journal)*, 12-5, 114-118 (in Russ.).

Song Jin (2008), *Music Aesthetics Foundation*, Shanghai Music Publishing House, Shanghai, China (in Chinese).

Sun, Ch. (2023), “A brief analysis of the aesthetic influence of religious belief on the creation and performance of vocal music during the Chinese Renaissance”, *Voprosy Istorii*, 6-2, 190-193 (in English).

Sun, X. (2023), “Research on the evolution and development of the singing style of China national vocal music”, *Voprosy Istorii*, 5-1, 212-221 (in English).

Wang Jia (2003), *On etiquette and benevolence in Confucian musical aesthetics*. Shanghai Music Publishing House, China. (in Chinese).

Wang Kaikun (2019), *Studying Western Music Aesthetics from a Historical Dimension*, Nanjing National University, China (in Chinese).

Wang Yuhe (2009), *History of Modern Chinese Music*. Beijing People's Publishing House, Beijing, China (in Chinese).

Wang Yunqiu (2009), “Analysis of Cultural Reform and Development in the Late Qing Dynasty”, *Social Sciences*, 3, 72-86. (in Chinese).

Wu Zhao (1993), *A brief history of music*, People's Music Publishing House, Beijing, China (in Chinese).

Xing Weikai (2004), *The Aesthetic History of Emotional Art: Emotional Aesthetics in the History of Western Music Thought*, Shanghai Music Publishing House, Shanghai, China (in Chinese).

Yu Runyang (2005), *Selections of Musical Aesthetics*, Central Conservatory of Music Press, Beijing, China (in Chinese).

Yu Runyang (2000), *Introduction to Modern Western Music Philosophy*, Translated, Hunan Music Publishing House, Hunan, China (in Chinese).

Yuan Jin (2006), “Western music in the first half of the twentieth century from the perspective of expressionism and neoclassicism”, *Entrepreneur World*, 152-153 (in Chinese).

Zhang Geng (1983), *Encyclopedia of China-Drama Volume*, China People's Publishing House, Beijing, China (in Chinese).

Zhang Dan (2004), “On the Musical Aesthetic Thoughts of the Romantic Period in the 19th Century”, *Journal of Mudanjiang Normal University*. 3, 32-38 (in Chinese).

Zhao Yuanren (1987), *Collection of musical works*, Shanghai Music Publishing House, Shanghai, China (in Chinese).

Zofia, L. (1980), *On the Characteristics of Music*, Shanghai Literature and Art Publishing House, Shanghai, China (in Chinese).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ

Фэн Инхун, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *yinghongfeng@yandex.ru*

Нифонтова Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии; институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *nifontova_o@bsu.edu.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Feng Yinghong, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *yinghongfeng@yandex.ru*

Olga I. Nifontova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *nifontova_o@bsu.edu.ru*

УДК 168.522 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-2**

Осипова Е. А.

Отражение творческой личности автора в структуре сборника (на примере сборника «Сумерки просвещения» В. В. Розанова)

Костромской государственный университет,
ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, 156005, Россия; *elena-decide@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется функция творческой личности в структурном построении сборника как особой формы репрезентации творческого сознания автора. Предметом исследования является сборник «Сумерки просвещения» В.В. Розанова. При проведении аналитических процедур используются историко-культурный, биографический, герменевтический методы. Работа основывается на актуальных для проблематики статьи трудах И.А. Едошиной, И.С. Кона, П.П. Сувчинского. Актуальность данной статьи определяется новизной подхода в определении специфики проявления творческой личности в такой особой художественной форме, как сборник. Специальное внимание уделяется причинам появления сборника как новой художественной формы в культуре Серебряного века. С этой целю анализируется сборник «Сумерки просвещения» как лучшая форма для раскрытия потенциала и глубины мысли В.В. Розанова. Определяется влияние биографии на специфику текстов В.В. Розанова. Данный подход предложил П.П. Сувчинский, который проанализировал произведения В.В. Розанова и пришел к выводу о влиянии биографических фактов на жанровую специфику прозы автора. Отмечается влияние жизненного пути на дальнейшее становление творческой личности. Рассматривается специфика сборника в части подбора статей, которые были не механически собраны, а подвергались редактированию и анализу со стороны автора и издателя. Анализируется роль издателя П.П. Перцова в издании первого сборника В.В. Розанова «Сумерки просвещения». Особое место уделяется личности В.В. Розанова как автора статей, вошедших в сборник «Сумерки просвещения». Понимание творческой личности, ее характеристик обусловлено временными рамками (конец XIX – начало XX вв.), спецификой восприятия мира (соотношением обыденное/сущностное, объективное/субъективное), жизненным опытом (обучением в гимназии и университете, преподаванием в гимназии). В итоге автором статьи отмечается, что сборник являет собой особую форму представления творческой личности, в сознании которой свое и чужое в их притяжениях и отталкиваниях образуют специфический дискурс, актуальный для художественного сознания XX столетия.

Ключевые слова: концепция творческой личности; жизненный опыт; специфика мировосприятия; художественное сознание; В.В. Розанов; П.П. Сувчинский; сборник как форма

Для цитирования: Осипова Е.А. Отражение творческой личности автора в структуре сборника (на примере сборника «Сумерки просвещения» В.В. Розанова) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 139-146. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-10-1-1-2

E. A. Osipova

Reflection of the author's creative personality in the structure of the collection of articles (using the example of "Twilight of Enlightenment" by V. V. Rozanov)

Kostroma State University,
17 Dzerzhinsky St., Kostroma, 156005, Russia, *kaf_history@ksu.edu.ru*

Abstract. The article examines the function of the artist as a creator of the collected articles' structure, the latter being understood as a special form of Rozanov's creative mind representation. The subject of the study is the collection of articles "Twilight of Education" by Vasily Rozanov. While analyzing the matter, historical-cultural, biographical, hermeneutic methods of research were used. The research is based on the relevant works of I. A. Edoshina, I. S. Kon, P. P. Suvchinsky. The relevance of this article is determined by the novelty of the approach in identifying the specific expressions of a creative personality in a new artistic form such as a collection of articles. Special attention is given to the origins of the collection as the new artistic form in the culture of the Silver Age. For this purpose, the collection "Twilight of Enlightenment" is analysed as it serves as the best form that demonstrates the value and depth of V. V. Rozanov' thoughts. The influence of the personal background on the specifics of V. V. Rozanov's essays is determined. This approach was suggested by P. P. Suvchinsky, who analyzed the works of V. V. Rozanov and came to the conclusion that there was an impact of his personal background on the genre specificity of the author's prose. The influence of the life's path on the further development of the creative personality is noted. The specifics of the collection are reviewed from the point of view of the selection of articles, which were collected not mechanically, but were subject to editing and analysis by the author and the publisher. The role of the publisher P. P. Pertsov in the publication of the first collection of V. V. Rozanov "Twilight of Enlightenment" is assessed. Particular attention is paid to the personality of V. V. Rozanov, as the author of the articles included in the collection "Twilight of Enlightenment". Vasily Rozanov, the author of articles in the collection, compiled and published by Pyotr Pertsov, is considered as an example of such a creative personality. In the conclusion, it is noted that the collection tends to be a special form of representation of the artist, where the ideas of "familiar" and "unfamiliar" attract and repulse each other, forming a specific discourse that is typical for the artistic consciousness of the twentieth century.

Keywords: concept of a creative personality; life experience; specific perception of the world; artistic consciousness; V. V. Rozanov; P. P. Suvchinsky; collection of articles as a form

For citation: Osipova E. A. (2024), "Reflection of the author's creative personality in the structure of the collection of articles (using the example of 'Twilight of Enlightenment' by V. V. Rozanov)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 136-146, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-2

В конце XIX – начале XX столетия в России формируется культура, получившая название Серебряный век, которая может прочитываться как единый текст (подробнее см.: (Едошина, 2006)). Одна из центральных проблем этого текста культуры

была связана с переоценкой в понимании взаимоотношений автора, его произведений и публики: «Кажется, что все, копившееся в течение века Золотого, вдруг подверглось переосмыслению, послужив мощным импульсом к рождению новых форм в художественном творчестве» (Едошина, Осипова, 2022: 108). Отсюда – пристальное внимание к тем, кто эти формы создает, что, в свою очередь, становится предметом специальной рефлексии, как, например, в трудах П.П. Сувчинского.

Надо заметить, что Петр Петрович Сувчинский был человеком весьма разносторонним: историк, музыковед, философ-евразиец, публицист, литературный критик, пианист, меценат, общественный и политический деятель[1]. Обширность познаний позволила Сувчинскому объективно и убедительно представить личность в потоке истории, что позднее И.С. Кон определит как «культурологию личности»[2]. Пристальное изучение Сувчинским художественных произведений и биографий их авторов проявляется в том, что он выделяет два типа творческой личности: первый тип определяется биографией, второй – сугубо художественными способностями.

Так, Сувчинский отмечает, что именно биография предопределила специфику текстов В.В. Розанова: «Вся вывороченность и назойливое, циничное интимничание Розанова определились нелепостью его биографии, которую ему, подобно Толстому, не удалось изменить. Он всю жизнь, как в ознобе, продолжал под ударами и тисками человеческой руки, кривлялся и извивался в пожатии каменной десницы с того света, лишь делая испуганно вид, что живет и ощущает со всеми и подобно всем» (Сувчинский, 1927: 290).

Именно тесной связью биографии и текста, по мысли Сувчинского, определяется жанровая специфика прозы Розанова: «Он только “накрывает” и судорожно фиксирует свои наблюдения над собой, что и определяет фрагментарность его литературных приемов» (Сувчинский, 1927: 291).

В пределах указанной типологии творческой личности Сувчинский выделяет возрастные этапы, в которых проявляются характерные черты личности: юношеский, зрелый и старческий.

Розанова в качестве творческой личности Сувчинский относит к юношескому типу, поскольку находит в нем «недостаток духовной сухости и четкости» (Сувчинский, 1927: 292). Розанов весь, целиком пребывал во власти жизни, отчего его жизненный путь напоминал хаос, который ему так и не удалось побороть. В литературных трудах его навсегда сохранился юношеский запал, потому, по мысли Сувчинского, Розанов в своих текстах (особенно с церковной тематикой) «юродствовал и кощунствовал на людях, в гуще городской и церковной обывательщины, топтался и задирался среди людей, которые были по отношению церкви “своими”» (Сувчинский, 1927: 292).

Подводя итоги, Сувчинский пишет: «Среди стольких пустоцветов и несостоявшихся духоводителей, только Толстой и Розанов – своим человеческим ростом – могут действительно учительствовать в будущее. Но это будущее должно, обновлением всей культурной традиции, застрахо-

[1] П.П. Сувчинский (1892–1985), по воспоминаниям одного из современников, «это русский, страстно понимающий и чующий Достоевского <…> с большим литературным вкусом и дарованием <…> с огнем в душе» (Маяковский, 1917: 373).

[2] В работе «В поисках себя: Личность и ее самосознание» (1984) И.С. Кон подчеркивает, что «“личность в зеркале культуры” не означает, что один и тот же человек последовательно смотрится в одно и то же или в разные зеркала. Зеркало культуры – это история, которая не только отражает разных субъектов, но и формирует их, побуждая шлифовать, изменять и переделывать однажды увиденное. Поэтому культурология личности обязательно должна быть исторической» (Кон, 1984: 332). И.С. Кон делает вывод, что произведения автора раскрывают потенциал творческой личности, а собранные в единый сборник произведения отражают динамику мыслей автора в определенный исторический период.

ваться и от возможности новых срывов, подобно тем, что пережил Толстой и Розанов. Эти срывы суть факты не только биографические, но и культурно-исторические» (Сувчинский, 1927: 293).

Наблюдения Сувчинского ценны тем, что, обнаружив связь биографии Розанова с его творчеством, он не делает из этой связи фетиша, указывая на значимость культурной традиции. В эпоху Серебряного века одной из новых форм этой традиции становится сборник, маркированный ярко выраженными личностными коннотациями: субъективной мыслью автора, динамизмом и концептуализмом. В результате в сборнике как форме репрезентации фокусируется «состояние художественного сознания в определенное время, актуализируя незавершенность самого процесса» (Едошина, 2022: 70).

Одним из создателей сборника как формы представления личности был П.П. Перцов (1868–1947) – писатель, мыслитель, искусствовед, литературный критик, журналист. Сначала им совместно с двоюродным братом был издан сборник современных (практически неизвестных) поэтов под названием «Молодая поэзия» (1895). Затем он собирает в единый сборник стихи поэтов XIX в. под названием «Философские течения русской поэзии (со статьями С.А. Андреевского, Д.С. Мережковского, Б.В. Никольского, Вл. Соловьева и собственными)» (1896), где впервые русская поэзия понимается много шире, нежели сугубо поэтическое творчество. Наконец, Перцов обращается уже к одному автору, тогда только начинающему – Д.С. Мережковскому, предложив к изданию его «Вечных спутников» как единый текст (1897).

После выхода в свет «Вечных спутников» Перцов решает обратиться к одному из известных уже журналистов – Розанову с предложением опубликовать его статьи, собрав их в тематические сборники. Первое знакомство издателя и автора состоялось в Петербурге. Когда Перцов впервые увидел Розанова, то внешне он показался ему типичным учителем (Николюкин, 2018: 174). Однако впечатление это было обманчивым, они нашли общий язык.

Ко времени предложения Перцова у Розанова был опыт собственного неудачного издания своей философской работы «О понимании» (1886), не нашедшей какого-то значимого отклика у современников. Более удачными были издания Н.Н. Страховым розановских трудов «Место христианства в истории» (1890) и «Легенды о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» (1891). Возможно, все указанные обстоятельства сыграли свою роль в том, что Розанов ответил согласием на предложение Перцова, отдав ему все права на отбор статей, их правку, изменение названий. Он признается потом: «За крайним утомлением, я не принимал ни советом, ни даже взглядом участия в этом первом издании избранных трудов моих» (Николюкин, 2018: 173). Так появляется на свет сборник «Сумерки просвещения».

Отбирая статьи Розанова для сборника «Сумерки просвещения», Перцов тщательно работал над ними как редактор, стремясь придать текстам большую четкость в изложении мыслей, сокращая громоздкие конструкции, меняя подчас названия. Перцову импонировала самая розановская манера через конкретное видеть общее. В этом плане не просвещение как таковое было предметом размышлений Розанова, а то, каким образом следует устроить образование, чтобы знания соединялись в нечто целое, чтобы ученики читали не пересказы трудов, а сами труды, чтобы просвещение перестало пребывать в «сумерках». Ведь слово «сумерки» связано с таким глаголом, как «меркнуть». Сумерки – это «упадочное состояние» (Ушаков, 2008: 592).

Все эти мысли Розанова нашли отклик в Перцове, потому он стремился как можно точнее передать глубину розановской мысли, не теряя при этом ее оригинальности. И ему это удалось. Книга вызвала живой интерес у современников. О

Розанове заговорили. Позднее Розанов учтет этот опыт и будет сам издавать сборники. Он «собирал свои уже изданные или по каким-то причинам не изданные статьи, располагая их в определенном порядке так, что в целом они складывались в единое содержание» (Едошина, 2020: 70).

В сборнике «Сумерки просвещения» нашли отражение и годы учения самого автора, и его педагогическая работа. Однако, несмотря на этот весьма значительный опыт, Розанов сохраняет в себе не только юношеский запал, но и юношеский максимализм. Подобно ученому, он создает «в колбе» идеальные условия для опыта, помещая в эту условную «колбу» самую школьную среду. Уже в самом подходе проявилась свойственная Розанову неординарность мышления, его особое умение через понятийный статус открывать сущность предметного мира, подчас в предметах самых пустяковых, самых незначительных.

Подобный подход базировался, как отмечал Н.Н. Страхов в одном из писем к Л.Н. Толстому, на том, что у Розанова «много ума, души и самое сердечное сочувствие» (Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова… Т. 2. Кн. 1, 2023: 538). В то же время Страхов с горечью указывает на неумение Розанова обращаться со своим талантом: «Я все боюсь за него, как будто он в постоянной опасности. Он далеко не здоровый человек, и сам за собой, кажется, смотреть не может. А я-то когда-то воображал, что это – крепкий молодец, провинциальный учитель гимназии, привыкший к своей глухой жизни! Оказался – мухортик, очень милое и очень слабонервное существо» (там же: 515).

Розанов соглашался с критикой в свой адрес: «Эта дьявольская во мне темнота, не знаю, что с ней делать; ведь я понимаю, что она не оттого, что я излишне умен; это все мое красноречие. Не умею ничего писать в простоте» (Розанов, 2001: 307). Но как творческая личность он знал и другое: «Удивительно, как иногда пишешь не то, что ожидаешь что пишешь» (Розанов, 2001: 309). Возможно, условием написать не то, что ожидаешь, и был юношеский максимализм, не знающий преград, абсолютно доверяющий своим интуитивным прозрениям.

Надо сказать, что Л.Н. Толстой не разделял точку зрения Страхова о даровитости Розанова, особенно в журналистике: «Мне его статьи <...> кажутся очень противны. Обо всем слегка, выспренно, необдуманно, фальшиво возбужденно и с самодовольством ретроградно. Очень гадко» (Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова… Т. 2. Кн. 1, 2023: 350). Позднее с ним согласится и Страхов: «Теперь я махнул рукой на Розанова: не будет от него ничего истинно хорошего, и виновата – наша глубокая необразованность. Можно быть даровитым, можно кончить курс в Московском университете, переводить Аристотеля, писать о Достоевском и т. д. и не иметь самых элементарных понятий о праве и религии, остаться малым ребенком в самых существенных вопросах» (там же: 413).

Но, возразим Страхову, когда Розанов обнаруживает в обыденном божественный смысл, ему (а следом – читателю) открывается, что нет четкой грани между духовным и материальным миром. Здесь он оказывается на тех же позициях, что Страхов: религия определяет жизнь человека. Но ведь жизнь проявляется в разных формах, подчас мизерабельных до отвращения, и все это – в пределах культа, который, по Розанову, есть «предпочтение некоторого всему остальному» (Розанов, 1899: 29). В личности Розанов различает разные культы: семью, дом, народ, Родину и Бога.

Рассуждая о месте Церкви в жизни русских людей, Розанов позднее напишет: «Церковь – это все мы; Церковь – я со всеми и мы все с Богом; Кто любит народ русский – не может не любить Церкви. Потому что народ и его Церковь одно. И только у русских это – одно; Церковь научила всех людей молиться. <...> Без духовенства – погиб народ. Духовенство блюдет его душу» (Розанов, 1990: 108). А истоком этих мыслей является сборник «Сумерки просвещения», в котором вне Церкви

воцаряется «культ смерти» как характеристика творческой личности. Потому Розанов указывает на две культуры, противостоящие друг другу и влияющие на творческую личность: религиозно-церковную и светски-позитивисткую. Первый тип культуры Розанов относит к истинно русской, а второй тип культуры, по его мнению, соответствует европейской. В качестве одного из примеров он сравнивает отношение к усопшему в русской и европейской культуре. В результате приходит к выводу о почитании усопшего и уважении к традициям похорон в русской культуре. В европейской же культуре аналогичный обряд именует «лошадиным» а участников – «ослами», что позволяет говорить о десакрализации культуры.

Подход Розанова к пониманию существа культуры лежит в основе его определения творческой личности, что находит отражение в сборнике, его структуре, его содержании. Размышляя о существе культуры, Розанов неизбежно приходит к проблеме человека, его воспитания и образования. Здесь, по его мнению, главенствующую роль играют семья и Церковь: «Воспитание есть долг семьи, забота прихода; и нельзя, не развращая их, снимать с них этого долга» (Розанов, 1899: 49). Хотя современники Розанова видели в нем дилетанта в вопросах обучения. Отчасти не без основания, так как и в гимназии, и в университете на занятиях он был рассеян и невнимателен, только некоторые лекции находили отклик в нем. Розанов ждал от университетской жизни посвящения в науку, но вместо этого испытывал скуку, недовольство рутиной, преподавателями и получаемыми знаниями, никак не связанными между собой. Потому, возможно, рассеянность его была вполне сознательной, а подлинные знания давало ему только самообразование.

Таким образом, биографический аспект определил специфику сборника «Сумерки просвещения». Обращаясь к проблемам образования, В.В. Розанов видел их сквозь призму собственных жизненных перипетий. Это и школьные годы, прошедшие в гимназиях разных городов, и обучение в университете, и собственный опыт учительства. Собранные Перцовым в единое целое статьи Розанова о просвещении, по существу, представляют Розанова как мыслителя, умеющего не только увидеть «сумерки» просвещения, но и показать пути «просветления». Отнесение Сувчинским розановского творчества к юношескому типу раскрывает источник того особенного, чисто розановского, непосредственного (обонятельного и осязательного) восприятия бытия, просвещения в частности. Сборник «Сумерки просвещения» является органической для Василия Розанова художественной формой репрезентации личности в эпоху Серебряного века, увиденной и представленной его современником Петром Перцовым.

Источники

Розанов, В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 624 с.

Розанов, В.В. Сумерки просвещения: Сб. ст. по вопросам образования. СПб.: Изд. П. Перцова, 1899. 246 с.

Литература

Едошина, И.А. Культура Серебряного века как единый текст // Глобальный кризис: метакультурные исследования и материалы международного научного симпозиума памяти Андрея Тарковского «Глобальный культурный кризис Нового времени и русская словесность», 3-4 апреля 2006 г.: В 2 т. Т. 1 / гл. ред. И.Ю. Добродеева. Шуя: ШГПУ: Киноассоциация, 2006. С. 10-24.

Едошина, И.А. Об истоках и специфике одного мотива. К 110-летию со дня выхода книги В.В. Розанова «Когда начальство ушло…» // Соловьевские исследования. Вып. 2 (66) / гл. ред. М.В. Максимов. Иваново: ИГЭУ, 2020. С. 69-82.

Едошина, И.А. Сборник как форма репрезентации Я-сознания (на примере «Заезжего музыканта» Булата Окуджавы) // Вестник культурологии. 2022. № 3. С. 68-92.

Едошина, И.А., Осипова, Е.А. Сборник как форма творческой репрезентации в культуре Серебряного века // Вестник Тюменского

государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Т. 8. № 1 (29). С. 108-122.

Кон, И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.

Николюкин, А.Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2018. 528 с.

Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): В 2 т. Т. 2. Кн. 1: 1880–1889 / сост., подгот. текстов и коммент. Л.В. Калюжной, Т.Г. Никифоровой, В.А. Фатеева, В.Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский Дом, 2023. 2023. 668 с.

Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): В 2 т. Т. 2. Кн. 2: 1890–1896 / сост., подгот. текстов и коммент. Л.В. Калюжной, Т.Г. Никифоровой, В.А. Фатеева, В.Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский Дом, 2023. 692 с.

Розанов, В.В. О себе и жизни своей / вступ. ст. В.Г. Сукач. М.: Моск. рабочий, 1990. 876 с.

Розанов, В.В. Полное собрание сочинений. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 480 с.

Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. 1. Кн. 1-2: Переоценка всех ценностей (1890-е годы). Деятели периода переоценки всех ценностей. М.: Мир, 1914. XI, 411 с.

Сувчинский, П.П. По поводу «Апокалипсиса нашего времени» В. Розанова // Версты. 1927. Вып. 2. С. 289-300.

Сувчинский, П.П. Типы творчества. Памяти А. Блока // Петр Сувчинский и его время. Русское музыкальное зарубежье в материалах и документах. М.: Композитор, 1999. С. 130-144.

Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской книги, 2008. 959 с.

Sources

Rozanov, V. V. (1899), *Sumerki prosveshcheniya: Sbornik statey po voprosam obrazovaniya* [Twilight of Enlightenment: Collection of articles on education issues], Peter Pertsov Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Rozanov, V. V. (1990), *Sumerki prosveshcheniya* [Twilight of Enlightenment], Pedagogika, Moscow, USSR (in Russ.).

References

Edoshina, I. A. (2006), “The Culture of the Silver Age as a single text”, *Globalny krizis: metakulturnye issledovaniya i materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma pamyati Andreya Tarkovskogo “Globalny kulturny krizis Novogo vremeni i russkaya slovesnost”, 3-4 aprelya 2006 g.: V 2 t. T. 1* [Global Crisis: Metacultural studies and materials of the International Scientific Symposium in memory of Andrei Tarkovsky “The Global Cultural Crisis of Modern Times and Russian Literature”, 3-4 April, 2006: In 2 vols. Vol. 1], in Dobrodeeva I. Yu. (ed.), Publishing House of Shuisky State Pedagogical University, Kinoassotsiatsiya, Ivanovo, Russia, 10-24 (in Russ.).

Edoshina, I. A. (2020), “About the origins and specificity of one motive. To the 110th anniversary of the publication of the book by V. V. Rozanov ‘When the bosses left...’”, *Solovevskie issledovaniya. Vyp. 2 (66)* [Solovyov studies. Iss. 2 (66)], in M. V. Maksimov (ed.), Publishing House of the Ivanovo State Energy University, Ivanovo, Russia, 69-82 (in Russ.).

Edoshina, I. A. (2022), “Collection as a form of representation of I-consciousness (using the example of ‘The Visiting Musician’ by Bulat Okudzhava)”, *Herald of Culturology*, 3, 68-92 (in Russ.).

Edoshina, I. A. and Osipova, E. A. (2022), “Collection as a form of creative representation in the culture of the Silver Age”, *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 8, 1 (29), 108-122 (in Russ.).

Kon, I. S. (1984), *V poiskakh sebya: Lichnost i eyo samosoznanie* [In search of oneself: Personality and its self-awareness], Politizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Nikolyukin, A. N. (2018), *Rozanov* [Rozanov], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Perepiska L. N. Tolstogo i N. N. Strakhova (1870–1896). T. 2. Kn. 1 (1880–1889) (2023), [Correspondence of Tolstoy, L. N. and Strakhov, N. N. (1870–1896). Vol. 2. Book 1 (1880–1889)], comp., prepared texts and comments by Kalyuzhnaya, L. V., Nikiforova, T. G., Fateev, V. A. and Shvedov, V. Yu., Pushkinsky dom, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Perepiska L. N. Tolstogo i N. N. Strakhova (1870–1896). T. 2. Kn. 2 (1890–1896) (2023), [Correspondence of Tolstoy, L. N. and Strakhov, N. N. (1870–1896). Vol. 2. Book 2 (1890–1896)],

comp., prepared texts and comments by Kalyuzhnaya, L. V., Nikiforova, T. G., Fateev, V. A. and Shvedov, V. Yu., Pushkinsky dom, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Rozanov, V. V. (1990), *O sebe i zhizni svoey* [About yourself and your life], Moskovskiy rabochiy, Moscow, Russia (in Russ.).

Rozanov, V. V. (2001), *Polnoe sobranie sochineniy. T. 13. Literaturnye izgnanniki: N. N. Strakhov. K. N. Leontiev* [The complete works. Vol. 13. Literary exiles: N. N. Strakhov. K. N. Leontyev], in Nikolukin, A. N. (ed.), Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Suvchinskiy, P. P. (1927), "Regarding 'The Apocalypse of Our Time' by V. Rozanov], *Versty* [Verst], 2, 289-300 (in Russ.).

Suvchinskiy, P. P. (1999), "Types of creativity. In memory of A. Blok", *Petr Suvchinskiy i ego vremya. Russkoe muzykalnoe zarubezhye v materialakh i dokumentakh* [Piotr Suvchinsky and his time. Russian musical abroad in materials and documents], Kompozitor, Moscow, Russia, 130-144 (in Russ.).

Ushakov, D. N. (2008), *Bolshoy tolkovy slovar russkogo yazyka: sovremennaya redaktsiya* [Large explanatory dictionary of the Russian language: modern edition], Dom Slavyanskoy knigi, Moscow, Russia (in Russ.).

Vengerov, S. A. (ed.) (1914), *Russkaya literatura XX veka (1890–1910). T. 1. Kn. 1-2: Pereotsenka vsekh tsennostey (1890-e gody). Deyateli perioda pereotsenki vsekh tsennostey* [Russian literature of the twentieth century (1890–1910). Vol. 1. Books 1-2: Revaluation of all values (1890s). Figures of the period of revaluation of all values], Mir, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Осипова Елена Александровна, соискатель по направлению 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология), Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, 156005, Россия; *elena-decide@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-1046-0719

ABOUT THE AUTHOR:

Elena A. Osipova, Applicant in Direction 24.00.01 – Theory and history of culture (cultural studies), Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russia, *elena-decide@yandex.ru*

УДК 792.077 **DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-3**

Рашина Т. О.

Любительский театр в социокультурном контексте: система связей функционирования любительского театра и общества

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
ул. Королёва, д. 7, г. Белгород, 308033, Россия; *27luna@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования и динамика развития театрального любительства в России. Выявляются институциональная специфика любительского театрального творчества, принципы формирования современной системы связей любительского театра с другими социальными институтами. На основании анализа театроведческой, историко-культурной литературы по теме исследования, а также анализа научно-исследовательских работ и интервью с современными режиссерами, искусствоведами, культурологами, высказываний облеченных государственными полномочиями должностных лиц по проблеме исследования и нормативно-правовой базы в сфере театрального искусства автор приходит к следующим выводам: 1) пройдя многовековой путь развития, любительский театр сформировался как социокультурный институт, решающий социально значимые для общества задачи, прежде всего, по воспитанию личности и ее интеграции в социальную среду; 2) ослабление государственного влияния на деятельность малой сцены в последние десятилетия обусловило создание новой, динамично развивающейся системы межинституциональных связей театрального любительства с общественностью.

Ключевые слова: любительский театр; межинституциональные связи; общество; государство; зритель; социокультурная среда

Для цитирования: Рашина Т. О. Любительский театр в социокультурном контексте: система связей функционирования любительского театра и общества // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 147-158. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-3

T. O. Rashina

Amateur theater in a socio-cultural context: the system of relations between the functions of the amateur theater and society

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Korolev St., Belgorod, 308033, Russian Federation; *27luna@rambler.ru*

Abstract. The article examines the peculiarities of the formation and dynamics of the development of theatrical amateur art in Russia. The task is to identify the institutional specifics of amateur theatrical creativity, the principles of forming a modern system of relations between amateur theater and other social institutions. Based on the analysis of theatrical, historical and cultural literature on the research topic, as well as the analysis of research papers and interviews with modern directors, art historians, cultural scientists, statements by government officials on the problem of research and the regulatory framework in the field of theatrical art, the author comes to the following conclusions: 1) having passed the centuries-old path of development, the amateur theater

has been formed as a socio-cultural institution that solves socially significant tasks for society, primarily on the education of the individual and its integration into the social environment; 2) the reduction of state influence on the activities of the small stage in recent decades has led to the creation of a new, dynamically developing system of interinstitutional relations between theatrical amateurs and the public.

Keywords: amateur theater; interinstitutional relations; society; state; spectator; socio-cultural environment

For citation: Rashina T. O. (2024), "Amateur theater in a socio-cultural context: the system of relations between the functions of the amateur theater and society", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 147-158, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-1-3

Введение

Любительский театр как особый исторически сложившийся вид непрофессионального синтетического сценического искусства в настоящее время проходит новый виток своего развития, обусловленный произошедшими в последние десятилетия экономическими и социальными изменениями в российском обществе, возрождением в XXI веке театрального творчества и возникшими в связи с этим особенностями формирования межинституциональных связей любительского тетра с государством, массовой аудиторией и другими социальными институтами. Угроза утраты основ национальной культуры и потери традиционных нравственных ориентиров в недалеком прошлом актуализировала необходимость сохранения культуры народов России, трансляции их богатых традиций как механизма поддержания и сбережения накопленной обществом социальной памяти, воспитания личности, помощи в успешной интеграции личности в социальную среду. Именно эти цели традиционно являются первостепенными для театрального любительства, что и ставит любительский театр в ряд социокультурных институтов, жизненно необходимых для сохранения и развития общества. Поскольку от функционирования системы связи любительского театра с другими социокультурными институтами зависит эффективность решения вышеперечисленных значимых для общества задач, изучение принципов межинституционального взаимодействия в современных изменяющихся условиях является актуальной проблемой.

Современные театральные деятели вслед за теоретиками и практиками театрального искусства прошлого считают любительский театр инструментом социальной коммуникации, позволяющим влиять на общественно-административные, управленческие, координационные и объединительные процессы социума. Ценность и особую роль малой сцены как уникальной воспитательной и развивающей среды, воздействующей на духовный мир человека, способной формировать здоровый морально-этический климат и объединять людей разных поколений, не раз подчеркивал Президент Российской Федерации (вступительная речь в преддверии года Театра, 2019 г.[1]; встреча с представителями общественных патриотических и молодежных организаций, 2023 г.[2]). Потребность общества в совершенствовании любительского театрального творчества отражена в Концепции художественного образования в

[1] Открытие Года театра в России // Президент России, официальный сайт, 13 декабря 2018. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/news/59401 (дата обращения: 09.12.2023).

[2] Владимир Путин поручил поддержать театральное школьное движение // Минпросвещения Российской Федерации, 03 февраля 2023. URL: https://edu.gov.ru/press/6493/vladimir-putin-poruchil-

Российской Федерации до 2025 года, Федеральном законе «О театре и театральной деятельности в Российской Федерации».

Ранее социальная и культурная значимость любительского театра глубоко рассматривалась в трудах русских литературных критиков, искусствоведов, теоретиков, публицистов, поэтов и драматургов (Ф. Прокоповича, А.П. Сумарокова, Г.В. Плеханова, Н.Г. Чернышевского, В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя, Н.А. Добролюбова, А.В. Луначарского), в которых подчеркивалась очищающая и воспитательная сила любительского театрального искусства. Вопросу функционирования любительского театра как социокультурного института посвящены работы искусствоведов Т.Н. Бояджиева, В.В. Власенко, режиссеров В.И. Немировича-Данченко, Н.Н. Охлопкова, Б.А. Покровского, К.С. Станиславского, Г.А. Товстоногова, А.В. Эфроса, театроведов, актеров и педагогов Г.М. Козинцева, Г.В. Кристи, С.М. Эйзенштейна, М.А. Чехова, и др. О поднятии любительским театром социально-значимых тем духовно-нравственного направления, о сотрудничестве институтов семьи, образования, государства с любительским театром идет речь, в частности, в книгах К.С. Станиславского (Станиславский, 2013), Т.Н. Бояджиева (Бояджиев, 1974), М.А. Чехова (Чехов, 2009). Режиссерами и искусствоведами поднимались вопросы коммуникации и взаимосвязи любительской сцены с обществом с точки зрения умеренного традиционализма и смелого новаторства в вопросах формирования корпоративной культуры и системы связей любительского театра (Любимов, 1997; Алексашин, 2023). Более того, в работах театроведов и теоретиков сценического искусства (Т.Н. Канащук, Н.А. Шалимова, Т.М. Шульгина) уделено внимание особенностям социально-экономической деятельности, ставшей неотъемлемой частью работы руководства современных любительских театральных коллективов. Однако сведения о любительском творчестве в целом носят несистемный характер, поэтому целью данной статьи является выработка целостного представления об особенностях формирования современных институциональных связей любительского театра и общества.

Основная часть

Если высокая роль театрального любительства как социокультурного института и его значимость для общества достаточно хорошо определены теоретиками и практиками сценического искусства, то вопросы взаимодействия любительского театра с другими институтами, особенности его коммуникации в изменяющихся социальных условиях и принципы функционирования любительского коллектива в современной системе межинституциональных связей нуждаются в комплексном изучении и систематизации. Осмыслению феномена функционирования современного любительского театра в системе межинституциональных связей, на наш взгляд, способствует анализ его институциональной специфики, ярко выраженной в наличии устойчивых и упорядоченных методов взаимодействия больших групп людей в сфере сохранения, трансляции и создания новых культурных ценностей.

В процессе многовекового совершенствования российское театральное любительское творчество на пике своего развития сформировалось в социокультурный институт – социально обусловленное явление, имеющее стабильную структуру, охватывающее огромные территории страны и являющееся, с одной стороны, «кузницей талантов» и площадкой творческого эксперимента для профессиональной сцены и, с другой стороны, педагогической платформой с невероятно действенным воспитательным потенциалом, воздействующим как на актера-любителя, так и на широкую

podderzhat-teatralnoe-shkolnoe-dvizhenie/ (дата обращения: 15.11.2023).

зрительскую аудиторию. Поскольку ведущей целью любительского театрального творчества является всестороннее развитие гармоничной личности, а главенствующей задачей театрального любительского коллектива, участники которого не имеют профессионального актерского образования, является не создание художественного, коммерческого продукта – спектакля, а реализация социальных задач общества, любительский театр можно считать прежде всего средством социальной ориентации, обеспечивающим преобразование эмоционального восприятия сценического образа (как от «проживания» в нем, так и от созерцания его на сцене) в личностный опыт актера-любителя и зрителя. Вместе с тем, визуальная убедительность сценического образа и некоторая обособленность зрителя обусловливает получение зрителем такого опыта, который подчас недоступен в реальной жизни, что, несомненно, делает роль любительского театра еще более значимой для общества и придает спектаклю черты «социального эксперимента» – исследования моделей поведения в определенных социальных ситуациях, тенденций развития и разрешения межличностных конфликтов, предикторов будущего жизненного успеха.

Неся определенную социальную нагрузку и ответственность за сохранение и формирование творческих моделей поведения в обществе посредством реализации целого спектра социально значимых функций (социально-педагогических, учебно-образовательных, воспитательных, саморазвития личности, а также коммуникативную функцию, познавательную, творческую, развлекательную, гедоническую, ценностно-нормативную, адаптивную и функцию репродуцирования культурных ценностей), любительский театр обоснованно называется социокультурным институтом[3]. А, следовательно, он оправданно включен в систему связей с другими социальными институтами, такими как просвещение, государство, СМИ, семья, религия, взаимодействие между которыми основано на существовании какой бы то ни было единой социокультурной проблемы, собственного взгляда на решение этой проблемы, единого информационного пространства, в рамках которого может осуществляться это взаимодействие, а также устойчивости и постоянства этих межинституциональных связей.

Характерные особенности современной системы связей продиктованы социально-политическими, экономическими, социокультурными условиями функционирования любительского театра и в большей степени сегодня, пожалуй, касаются связи малой сцены с государством. Произошедшая в последние десятилетия минимизация государственного регулирования, с одной стороны, обусловила свободу творческого выражения, но, с другой стороны, внесла элементы конкурентной борьбы между любительскими творческими коллективами и другими видами досуга и познания мира (кино, СМИ, интернет), а также элементы поиска способов ведения театрального хозяйства (от организации педагогического и творческого процессов до изучения рынка, условий проката, формирования репертуарной политики). Стоит отметить, что ряд вышеупомянутых задач ранее никогда не стоял перед театральным любительством и, по сути, став новой областью профессиональных знаний, в настоящее время определяет всю систему связей малой сцены.

Таким образом, преобразование только одной из прежних связей любительского театра (связи с государством) неизбежно повлекло трансформацию всей системы межинституциональных связей, в которых участвует театральное любительство. Поскольку всю внешнюю среду любительского театра как социального института условно можно представить в виде двух больших блоков: общественности и

[3] Seumas Miller. Social Institutions // Stanford Encyclopedia of Philosophy, Tue Apr 9, 2019. URL: https://plato.stanford.edu/entries/social-institutions/ (дата обращения: 15.11.2023).

государства, – современному любительскому театру приходится самостоятельно выстраивать коммуникации в этих двух направлениях.

Так, большие и известные любительские коллективы в современных реалиях создают отделы по связям с общественностью (PR), обеспечивающие взаимовыгодное равноправное взаимодействие с аудиторией и наращивание паблицитного капитала (publicity capital) – нематериального актива в пространстве публичной коммуникации, капитала публичности, способного преобразовываться в экономический капитал. Автономно выстраивая эффективные каналы коммуникации с целевой аудиторией, современный любительский театр исследует и прогнозирует спрос и мнение потребителей своего культурного продукта, таким образом управляя ими. Посредством реализации PR-деятельности через разработку абонементных программ, мастер-классов, проведение гастролей, встреч, участие в фестивалях, просветительских зрительских проектах, совместных мероприятиях с вузами, школами, другими театрами и музеями-партнерами, оставляют след в сетевом информационном пространстве и СМИ, что способствует креативному продвижению спектаклей и любительского коллектива (см.: (Хамуева, 2023)). Посредством реализации GR-деятельности обеспечивается коммуникация с властью (государственной, муниципальной) и донесение идеи презумпции полезности театрального творчества. В отсутствие фиксированной постоянной государственной поддержки и жесткой регламентации творческой деятельности вышестоящими организациями современные руководители любительских коллективов вынуждены организовывать не только педагогический и творческий процессы, но и заниматься фандрайзингом (fundraising) – привлечением дополнительных сторонних денежных средств для реализации своих творческих проектов (см.: (Даушев, 2022)).

Однако однозначно говорить о том, что государство в настоящих условиях совсем не поддерживает любительское театральное творчество и опосредованно, через господдержку, не влияет на творческий процесс малой сцены, тоже нельзя. Государство по-прежнему финансирует социально значимые театральные проекты, например, такие как Всероссийский фестиваль-конкурс любительских творческих коллективов в рамках национального проекта «Культура»[4], согласованного и взаимоувязанного с указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Государственная поддержка современных любительских театров осуществляется также посредством премирования, предоставления грантов[5] и тендеров. В случае государственного финансирования любительского коллектива государство утверждает его руководство.

В целом, под государственным контролем находится создание благоприятной среды для развития театрального любительства и формирование инфраструктуры театрального рынка. Очевиден и тот факт, что государство влияет на функционирование любительских театров, регулируя их деятельность посредством законодательства в сфере культуры и искусства (закон «О театре и театральной деятельности в Российской Федерации»), социальной защиты, трудовых норм, норм охраны здоровья и экологии и пр. В частности, раздел Трудового кодекса РФ «Социальное партнерство в сфере труда» содержит правовой

[4] Национальный проект «Культура» // Министерство культуры Российской Федерации, 2023г. URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/ (дата обращения: 15.11.2023).

[5] Гранты в области культуры и искусства – Культура // Культура. Гранты России, 2023. URL: https://grants.culture.ru/grants/?set_filter=y&arGrantsFilter_12_2043777918=Y (дата обращения: 15.11.2023).

механизм социального партнерства как взаимодействия бизнеса с общественными институтами и государством.

Взаимосвязи любительского театра со СМИ тоже претерпели изменения в последние десятилетия. В настоящее время любительскому коллективу недостаточно просто оповестить о премьерах, как это было еще в недалеком прошлом, практически каждый современный любительский театр ведет свои интернет-блоги, посредством которых коммуницирует непосредственно со своей целевой аудиторией.

Можно с уверенностью сказать, что вышеперечисленные изменения последних десятилетий в сфере межинституционального взаимодействия государства и любительского театра коренным образом повлияли и на характер связи театрального любительства с общественностью, под которой культурологи, искусствоведы, театральные режиссеры и критики понимают, прежде всего целевую аудиторию (Апфельбаум, Игнатьева, 2003; Бонч-Томашевский, 1912-1913; Гришкина, 2009; Защепкина, 2012), то есть группы людей, заинтересованных в деятельности любительского театрального коллектива, те, на которые в первую очередь направлена творческая деятельность театра. К общественности также относят группы людей, от которых так или иначе зависит принятие управленческих решений (см.: (Шаронов, 2008)). Помимо широкой общественности, здесь также учитывается и внутренняя контактная аудитория, то есть участники любительского коллектива.

Стоит отметить, что вся деятельность любительского театра в сфере самостоятельного установления и поддержания связи с общественностью является, своего рода, новшеством. Более того, она постоянно видоизменяется по мере распространения новых видов коммуникации в обществе. Неизменным в последние десятилетия остается суть: современные любительские театры в настоящее время сами устанавливают связь с общественностью, управляют коммуникациями, то есть обеспечивают обмен информацией, от которой зависит принятие управленческих решений. Значимость связи с общественностью прямо пропорциональна уровню конкуренции между любительскими коллективами и другими источниками познания и досуга. От эффективности этой связи во многом зависит поиск собственной целевой аудитории и устойчивое развитие любительского коллектива. Разновидностью связи с общественностью, например, служит социокультурное взаимодействие любительского театрального коллектива с общеобразовательными учебными заведениями и учреждениями дополнительного образования, осуществляемое любительским театром по согласованию с педагогами, психологами, родителями, тем самым обеспечивается консолидация усилий разных социальных институтов с целью решения единых социально значимых задач (см.: (Бараниченко, 2020)).

Связь любительского театра с внутренней контактной аудиторией также вариативна и устанавливается руководством коллектива с помощью корпоративных СМИ, интернет-блогов, проведения корпоративных мероприятий, обеспечивающих поддержание доверительной атмосферы в коллективе.

Как и в прежние исторические периоды, российское театральное любительство поддерживает связь с профессиональным театром. В настоящее время она обеспечивается отделом «Театрального искусства» Российского дома народного творчества посредством оказания методологической помощи любительскому театру, организации смотров, конкурсов и фестивалей (Pitzer, 2023: 33). На региональном уровне эта межинституциональная связь обеспечивается государственным Центром Народного творчества. Любительская сцена в новом тысячелетии приросла существенным количеством новых любительских театральных коллективов, сотрудничество и взаимосвязь между которыми в настоящее время достигается с помощью театральных

фестивалей: «Друзья Мельпомены» (г. Чехов), «Успех» и «Радость игры» (с. Щелыково), «Мышкинские театралинки» (г. Мышкин), «Калужские каникулы» (г. Калуга), «Провинциальные подмостки» и «Играем в театр» (г. Ярославль), международный фестиваль любительских и народных театров Флинт#Трамплин (г. Москва), фестиваль «Академия увлеченных» (г. Туапсе), фестиваль самодеятельных театральных коллективов «Посвящение земляку Михаилу Семеновичу Щепкину» (Белгородская область)[6]. Немаловажную роль в сфере общения и взаимосвязей между любительскими театральными коллективами играют также семинары для режиссеров любительских театров в Российском доме творчества и в Центральном доме актера, (г. Москва).

Среди прочих связей любительского театра с многочисленными социальными институтами наиболее яркой и значимой является, безусловно, связь со зрительской аудиторией, в которой любительский театр выступает в качестве коммуникатора (субъекта производства духовных ценностей), а его аудитория – в качестве реципиента (объекта-потребителя духовных ценностей). В среде современных искусствоведов и социологов ведутся жаркие споры об активности/пассивности зрителя (в широком смысле этого слова) в процессе взаимодействия любительского театра с аудиторией. Согласно утверждению ряда современных исследователей (О.С. Копалова, Д.И. Хамуева), в институциональной связи «театр-зритель» только одна сторона (любительский театр) воздействует на вторую (зрителя). В то же время другие специалисты (Д.А. Донова, М.М. Бонч-Томашевский) не относят театрального зрителя только к воспринимающей стороне и отводят ему роль активного участника взаимодействия. Тем более, что к этому располагают новые жанровые особенности спектаклей (творческие эксперименты театра по «разрушению четвертой стены»), предусматривающие разный уровень «включенности» зрителя в процесс сценического действа (Даушев, 2022).

В любом случае, любительский театр является коммуникативной системой, в рамках которой устанавливается краткосрочная социальная коммуникация со зрителем (на время театрального представления), в процессе которой происходит целенаправленное вербальное, невербальное (управляемая коммуникация) и эмоциональное воздействие на зрителя, вызывающее у него эмоциональный отклик, эмпатию. (эффективная коммуникация). Указывая на наличие многоканальности устанавливаемой любительским театром связи (одновременное аудиальное и визуальное воздействие на зрителя), современные исследователи говорят о сложности театральной коммуникации: «Закодированное с помощью театрального языка (кода) сообщение (спектакль) передается множественным источником сообщения (отправителем) зрителю (получателю сообщения)» (Защепкина, 2012: 5). Эффективность данной коммуникации, использующей особую сценическую систему знаков и символов, задействующей разные каналы восприятия, зависит прежде всего от режиссера – «переводчика книжного текста на живой язык жестов и мимики» (Почепцов, 2020: 61).

В контексте формирования институциональной связи режиссер – несомненно, главный организатор коммуникативного пространства, в котором действуют другие лица – актеры-любители. В этой связи умение режиссера донести до участников любительского коллектива свой замысел является залогом всей творческой деятельности театра, в процессе которой посредством создания сценических образов и применения широкого арсенала средств художествен-

[6] Театральные конкурсы и фестивали для детских и взрослых, любительских и профессиональных, кукольных, музыкальных, драматических театров при государственной поддержке // Центр «На высоте», 2023 г. URL: https://nvfest.ru/teatralnye-konkursy-i-festivali/ (дата обращения: 15.11.2023).

ной выразительности происходит воздействие любительского театра на зрителя. Как ранее отмечено, зритель, являясь не только принимающей стороной в театральной коммуникативной системе, «достраивает» созвучные ему образы и поднимаемые любительским театром в постановке проблемы и, таким образом, он может «излечить больное воображение в воображаемом же мире при помощи воображения здорового и неискушенного» (Защепкина, 2012: 8). Именно высокая степень воздействия на зрительскую аудиторию является определяющим фактором, указывающим на высокую роль любительского театра в сфере решения социально значимых задач: социализации, сохранении традиций, передаче моделей нравственно правильного поведения, трансляции культурных ценностей, гармоничного воспитания личности.

С другой стороны, вовлеченный в процесс сопереживания сценическому действу зритель воздействует на актеров посредством своей эмоциональной реакции. Так, согласно исследованиям немецкого театроведа Э. Фишер-Лихте, происходит взаимообмен реакциями между исполнителями и зрительской аудиторией, что и дает право современникам считать театральное любительское творчество пространством совместного конструирования реальности, а характер связи между любительским театром и зрителем – обоюдонаправленным (Фишер-Лихте, 2020: 72).

Таким образом, ввиду масштабной встроенности любительского театра в систему межинституциональных связей, перед руководством театрального коллектива в настоящее время встал целый спектр новых вопросов, без решения которых невозможно вести управленческий, творческий и воспитательный процессы. Очевидно, что система связей любительского театра в ближайшем будущем продолжит свою трансформацию, что потребует от руководителей любительских театров умения ориентироваться в быстро меняющейся социокультурной среде.

И здесь при всем многообразии и разносторонности межинституциональных связей, можно выделить ряд общих принципов их построения в системе функционирования современного любительского театра, перечисленных С.А. Варакутой (Варакута, 2009: 7) и рядом других авторов (И.В. Алешина, С.М. Емельянов, Н.Б. Кириллова, П.А. Кузнецов, Д.В. Новиков, И.М. Синяева), которые называют данные принципы неизменными, а в отношении определений термина «Паблик рилейшнз», характеризующих связи с общественностью с различных сторон, и принципов построения этих связей, ссылаются преимущественно на американские источники (международный словарь Уэбстера, книгу профессора по связям с общественностью Сэма Блэка «Паблик рилейшнз. Что это такое?» и другие его публикации (Black, 1984: 186)). Несмотря на то, что необходимость применения принципов нигде не закреплена, построение связей любительского театра с общественностью на их основе мы считаем целесообразным ввиду их соответствия здравому смыслу и логике обретения общественного понимания и принятия для реализации коммуникативной политики любительского театра.

Так, согласно принципу планомерности, работа по установлению связи театрального любительства с обществом (в широком смысле) должна включать в себя прогнозирование изменений общественного мнения (целевой и массовой аудитории), планирование проектов развития экономически обоснованных, ресурсообеспеченных коммуникаций. Принцип комплексности предполагает разработку и проведение совокупности взаимосвязанных мероприятий по построению межинституциональных связей с учетом интересов всех категорий широкой общественности и целевой аудитории. Принцип оперативности при формировании и обеспечении системы связей любительского театра заключается в быстром реагировании руководства любительского коллектива на изменения конъюнктуры – ситуации, складывающейся в

театральной сфере под влиянием спроса, предложения и конкуренции с целью недопущения компликации и утраты необходимых любительскому театру связей. Принцип объективности при формировании системы связей реализуется, прежде всего, благодаря достоверности и полноте информации, объективному анализу фактов внешней среды, умению непредвзято оценивать достоинства и недостатки собственного любительского коллектива. Получение, обработка, хранение и распространение информации в системе связей любительского театра, работа с авторским правом и интеллектуальной собственностью должны реализовываться по принципу законности. Одним из наиболее актуальных в современных реалиях принципов поддержания межинституциональных связей является принцип непрерывности, согласно которому поток информации, идущей от театрального коллектива должен быть бесперебойным, систематическим.

Соблюдение спектра принципов построения межинституциональных связей, на наш взгляд, способствует эффективному функционированию современного любительского театра как социального института. При этом уровень оптимизации – приведения к максимально эффективному управлению связями любительского театра с внешней и внутренней средой – может быть определен степенью выполнения поставленной цели (Пименова, 2009: 64) по таким критериям, как количество публикаций, рекламный эквивалент и охват потенциальной аудитории, которые по данным исследования Ассоциации компаний-консультантов в области связей с общественностью (АКОС), чаще других используются на практике[7], Согласно рекомендациям АКОС, возможно использование более широкого перечня критериев оценки эффективности, в который, помимо названных, входят такие критерии, как: уровень информационной открытости, доля публикаций, содержащих ключевые сообщения, наличие экспертных мнений, типология СМИ, тональность публикаций, соответствие содержания информационных материалов реализуемой программе, количественная и качественная оценка благоприятных факторов, количество получивших PR-сообщений, количество обративших внимание на сообщения, количество изменивших свои убеждения после изучения сообщений, количественная и качественная оценка запланированных программой действий, совершенных социальными группами, и т. п.[8]. Освоение PR-технологий (имиджевая и репутационная политика, взаимодействие с аудиторией) – одно из новых, но уже прочно вошедших в жизнь направлений деятельности современного любительского театра, оказавшегося, с одной стороны, перед возможностью широкого выбора способов взаимодействия с общественностью, в том числе, со зрителем, и, с другой стороны – перед необходимостью, наряду с воспитательной, обучающей и творческой, вести хозяйственную и управленческую деятельность в системе связей.

Заключение

Любительское театральное творчество – исторически сложившаяся форма сценического искусства, прошедшая многовековой путь своего становления и развития и сформировавшаяся в современную разветвленную сеть отечественных любительских коллективов, представляющую собой социокультурный институт, функционирующий в системе межинституциональных связей. В настоящее время, неся высокую социальную нагрузку и ответственность перед обществом, любительский те-

[7] Обновленная версия меморандума АКОС. URL: https://gurovpr.ru/Tender-Policy-memorandum_2020.pdf. с. 3 (дата обращения: 15.11.2023) или Обновленная версия меморандума АКОС о методах оценки эффективности PR-деятельности. Ключевые показатели эффективности // Documen, 2015. 8 с.

[8] Там же, с. 5.

атр практически самостоятельно выстраивает свою систему связей в рамках правового поля, установленного государством, и в условиях конкуренции, что является инновационным процессом для театрального любительства.

Современная система межинституциональных связей, в которую включен любительский театр, обусловлена рядом коренных преобразований общества. При этом новые формы и методы ведения театрального хозяйства, поиск сторонних ресурсов, самостоятельная организация партнерства в целях осуществления долгосрочного планирования творческой деятельности возможны только при достаточной подготовленности руководства любительского театра в области связей с государством и общественностью.

Анализ системы связей любительского театра позволяет определить, что наиболее плотное взаимодействие любительские коллективы устанавливают со своей зрительской аудиторией, которое представляет собой культурную коммуникацию, то есть социальное взаимодействие в условиях межличностного и массового общения с целью передачи социального опыта и культурной информации, удовлетворения духовных потребностей публики. В свою очередь, зрительская аудитория, находясь в системе коммуникативной связи «театр-зритель», также оказывает влияние на любительский театр. Ввиду объективной реалистичности природы театра как такового его связь со зрительской аудиторий обеспечивается потребностью любительского театра в вовлеченном в процесс сопереживания зрителе. Таким образом, любительский театр, как социокультурный институт в целом и как коллектив в частности, оптимизируя систему связей, может стать инструментом развития социально-культурной среды современного общества.

Литература

Алексашин, М.Н. Как с помощью театра решаются социальные проблемы села: кейс проекта «Театр – сердце возрождения деревни» // Управление культурой. 2023. № 2 (6). URL: https:// https://e.lanbook.com/journal/issue/334868 (дата обращения: 15.11.2023).

Апфельбаум, С.М., Игнатьева, Е.Л. Связи с общественностью в сфере исполнительских искусств. М.: Классика-XXI, 2003. 135 с.

Бонч-Томашевский, М.М. Театр пародии и гримасы (Кабаре) // Маски. 1912-1913. № 5. С. 25-27.

Бояджиев, Т.Н. Душа театра. М.: Молодая гвардия, 1974. 266 с.

Варакута, С.А. Связи с общественностью: Учебное пособие. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2013. 207 с.

Гришкина, Н.И. Социокультурный портрет публики современного любительского театра // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2009. № 6. С. 259-262.

Даушев, Д. Краткое введение в фандрайзинг // НКО Кухня [онлайн-сообщество для развития, вдохновения и взаимной поддержки в некоммерческом/благотворительном секторе]. 2022. URL: https://ngokitchen.ru/materials/kratkoe-vvedenie-v-fandrajzing/ (дата обращения: 15.11.2023).

Донова, Д.А. Театр и зритель: стратегические основы взаимоотношений: автореферат дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.01. М., 2007. 29 с.

Защепкина, В.В. Театр как особый тип коммуникации // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 84 (10). С. 1-10.

Канащук, Т.Н. Маркетинг в сфере театрального искусства // Омский научный вестник. 2013. № 2 (116). С. 94-97.

Копалова, О.С. Театр и зритель: институциональные аспекты взаимодействия / Дисс. и автореф. по ВАК РФ 22.00.06, канд. соц. н. / Уральский государственный профессионально-педагогический университет. 2002. 148 с.

Любимов, Б.Н. Действо и действие, том 1. М.: Изд. дом «ЯСК», 1997. 620 с.

Пименова, Ж.В. К вопросу об оценке эффективности PR-деятельности // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. № 143. С. 63-67.

Почепцов, Г.Г. Модель театрализации Николая Евреинова. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. М.: РефлБук, 2020. 152 с.

Станиславский, К.С. Моя жизнь в искусстве. СПб.: Азбука, 2013. 602 с.

Чехов, М.А. Путь актера: жизнь и встречи. М.: АСТ, 2009. 554 с.

Фишер-Лихте, Э. Знаковый язык театра / пер. М. Шевцова. СПб: Международное театральное агентство «Play&Play», 2020. 163 с.

Хамуева, Д.И. PR-технологии в сфере театрального искусства // Актуальные исследования. 2023. №3 (133). Ч. II. С. 6-8.

Шалимова, Н.А. Живая «сфера» // Вопросы театра. 2017. № 3-4. С. 64-74.

Шаронов, Д.И. Эволюция понятия «Общественность» в отечественной и Западной философской мысли // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 7. С. 388-342.

Шульгина, Т.М. Пути повышения экономической эффективности деятельности организаций театральной сферы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 337-342.

Black, S. Practical public relations: common sense guidelines for Business and professional people. Prentice Hall, 1984. 186 p.

Pitzer, D.E. Developmental Communalism into the Twenty-First Century // The Communal Idea in the 21st Century. BRILL, 2023.01.01. Pp. 33–52. URL: https://brill.com/display/book/edcoll/9789004236257/B9789004236257-s004.xml (дата обращения: 15.11.2023).

References

Aleksashin, M. N. (2023), “How the social problems of the village are solved with the help of the theater: a case study of the project “Theater is the heart of the revival of the village””, *Upravlenir kul’turoy* [Culture management], 2 (6) [Online] available at: https:// https://e.lanbook.com/journal/issue/334868 (Accessed 15 November 2023).

Apfelbaum, S. M. and Ignatyeva, E. L. (2003), *Svyazi s obshestvennostyu v sfere ispolnitelskikh iskusstv* [Public Relations for the Performing Arts], Klassika-XXI, Moscow, Russia (in Russ.).

Black, S. (1984), *Practical Public Relations: Common Sense Guidelines for Business and Professional People*. Prentice Hall.

Bonch-Tomashevskiy, M.M. (1912-1913), “Theater of Parody and Grimace (Cabaret)”, Maski [Masks], 5, 25-27 (in Russ.).

Boyadzhiev, T. N. (1974), *Dusha teatra* [Soul of the theater], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Chekhov, M. A. (2009), *Put aktera: zhizn i vstrechi* [The actor's way: life and meetings], AST, Moscow, Russia Current Research

Daushev, D. (2022), “A Brief Introduction to Fundraising”, *NKO Kukhnya [onlayn-soobschestvo dlya razvitiya, vdokhnoveniya i vzaimnoy podderzhki v nekommercheskom/blagotvoritelnom sektore]*, [NPO Kitchen [online community for development, inspiration and mutual support in the non-profit/charitable sector]] [Online] available at: https://ngokitchen.ru/materials/kratkoe-vvedenie-v-fandrajzing/ (Accessed 15 November 2023).

Donova, D. A. (2007), “Theater and audience: strategic foundations of relationships”, Abstract of Ph.D. dissertation, art criticism, Moscow, Russia (in Russ.).

Fischer-Lichte, E. (2020), *Znakovyy yazyk teatra* [The iconic language of theater], International Theater Agency «Play&Play», St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Grishkina, N. I. (2009), “Sociocultural portrait of the audience of modern amateur theater”, *Bulletin of the Buryat State University*, 6, 259-262 (in Russ.).

Kanashchuk, T. N. (2013), “Marketing in the field of theater arts”, *Omsk Scientific Bulletin*, 2, 94-97 (in Russ.).

Khamueva, D. I. “PR technologies in the field of theatrical art” (2023), *Aktualnye issledovaniya* [Current Research], 3, Part II, 6-8 (in Russ.).

Kopalova, O. S. (2002), “Theater and spectator: institutional aspects of interaction”, Ph.D. Thesis and Abstract of Ph.D. dissertation, sociological sciences, Ural State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Lyubimov, B.N. (1997), *Deystvo i deystvie* [Act and Action], Vol 1, Publishing house "YASK", Moscow, Russia (in Russ.).

Pimenova, Zh. V. (2009), “On the issue of assessing the effectiveness of PR activities”, *Civil Aviation High Technologies (Nauchnyi Vestnik MGTU GA)*, 143, 63-67, Russia (in Russ.).

Pitzer, D. E. (2023), “Developmental Communalism into the Twenty-First Century”, *The Communal Idea in the 21st Century. BRILL*, 33-

52, [Online] available: https://brill.com/display/book/ed-coll/9789004236257/B9789004236257-s004.xml (Accessed 15 November 2023) (in Russ.).

Pocheptsov, G. G. (2020), *Model teatralizatsii Nikilaya Evreinova. Teoriya kommunikatsii* [Model of theatricalization by Nikolai Evreinov. Communication theory], ReflBook, Moscow, Russia (in Russ.).

Shalimova, N. A. (2017), “Living "sphere"”, *Voprosy teatra* [Theater issues], 3-4, 64-74 (in Russ.).

Sharonov, D. I. (2008), “The evolution of the concept of “Publicity” in Russian and Western philosophical thought”, *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 7, 388-342 (in Russ.).

Shulgina, T. M. (2014), “Ways to improve the economic efficiency of theater organizations”, *Humanities, socio-economic and social sciences*, 3, 337-342 (in Russ.).

Stanislavskiy, K. S. (2013), *Moya zhizn v iskusstve* [My life in art], Azbuka, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Varakuta, S. A. (2013), *Svyazi s obschestvennostyu: Uchebnoe posobie* [Public Relations: Study Guide], LLC "Scientific Publishing Center INFRA-M", Moscow, Russia (in Russ.).

Zashchepkina, V. V. (2012), «Theatre as a special type of communication», *Scientific Journal of KubSAU*, 84 (10), 1-10 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Рашина Татьяна Олеговна, старший преподаватель на кафедре актёрского искусства, Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королёва, д. 7, г. Белгород, 308033, Россия; *27luna@rambler.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana O. Rashina, Senior Lecturer, Department of Acting Arts, Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308033, Russian Federation; *27luna@rambler.ru*